

В О Е Н Н Ы Е
Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

*Владимир
Востоков*

ОШИБКА
ГОСПОДИНА
РОДЖЕРСА



Скан и обработка:

krestik

В О Е Н Н Ы Е
Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

*Владимир
Востоков*

**ОШИБКА
ГОСПОДИНА
РОДЖЕРСА**

ПОВЕСТИ

М О С К В А
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О
1 9 8 5

P2
B78

Востоков В. В.

Ошибка господина Роджерса: Повести. — М.: Воениздат, 1985. — 224 с. — (Военные приключения).

В пер.: 1 р.

В книгу вошли две повести: «Последняя телеграмма» — о героизме советского разведчика, действовавшего в годы войны в одном из городов фашистской Германии, и «Ошибка господина Роджерса» — о работе советских чекистов по разоблачению и обезвреживанию иностранных разведчиков. Время действия повести — послевоенный период.

В 4702010200-055 Без объявл.
068(02)-85

ББК 84Р7

Р2

© Воениздат, 1985

ПОСЛЕДНЯЯ ТЕЛЕГРАММА

I



огда полковнику Шульцу сообщили, что его вызывает шеф, он повеселел. «Значит, снова нашли мне дело», — не без гордости подумал он. Высшая награда рейха, полученная из рук самого Гитлера, разжигала в нем желание идти на новое опасное задание.

Шульц энергично открыл дверь и вошел в кабинет. К его удивлению, шефа за столом не оказалось. Он стоял устало сторбившись, у карты Европы, заложив руки за спину, и молчал.

Шульц с минуту смущенно переминался с ноги на ногу, не понимая причин молчания шефа. Нет, не так он представлял себе эту встречу.

— Подойдите ко мне, полковник, — наконец, нарушив молчание, глухо произнес шеф. Несмотря на то что в кабинете было прохладно, жирный затылок шефа был влажен.

«Что-то произошло», — с тревогой подумал Шульц.

— Завтра вы должны быть здесь, — шеф сердито ткнул пухлым пальцем в карту, — и навести там порядок...

Шульц пытался зафиксировать точку на карте, куда ему придется ехать, но голова шефа закрывала ее.

— Вам предоставляется полная свобода действий для обеспечения безопасности стратегического хранилища горючего. — И он ладонью накрыл на карте место, где оно находилось. — Абсолютной безопасности — такой приказ фюрера. — Шеф сделал паузу, снова заложил руки за спину, сцепил пальцы в замок, затем повернулся к Шульцу. — От вашего усердия и расторопности зависит не только ваша судьба, но и моя. Подробные инструкции получите в отделе. Желаю удачи. Хайль!

Шульц молча кивнул и, щелкнув каблуками, покинул кабинет. Он всего мог ожидать, но то, чтобы его, заслуженного контрразведчика абвера, каким он по праву считал се-

бя, назначили сторожем вонючего бензина, не укладывалось в его сознании. Он шел по коридору, не замечая приветствий младших чинов. Зашел в отдел, нашел нужного человека и молча выслушал его инструкции по объекту, где он должен был навести порядок. И чем дальше он слушал, тем больше жгучая обида заполняла душу, готовая вылиться в открытый протест — отказ от задания. И только упоминание шефа о личном приказе фюрера заставило взять себя в руки. Покинув отдел, Шульц направился в ресторан. Впервые за долгие годы работы он позволил себе расслабиться и на какое-то время забыться.

II

Отто Егер без особого труда отыскал адрес семьи Гофман. Это был небольшой чистенький двухэтажный особняк на утопающем в зелени участке земли. Все здесь дышало миром и сладостным покоем. На звонок открыла хозяйка. На вид ей было лет пятьдесят. Небольшого роста, полная, рыжеволосая, со следами веснушек и бывлой красоты.

— Мне нужна фрау Гофман. Она здесь проживает?

— Я вас слушаю, — сказала фрау, с тревогой присматриваясь к незнакомцу. — Что вам угодно?

— У меня есть для вас кое-какие новости. Если позволите...

— Я вас слушаю.

— Они касаются вашего мужа...

Фрау Гофман не дала договорить Егеру:

— Только одно слово — он жив?

— Да.

Она в радостном порыве схватила Егера за руку и, забыв об этикете, чуть ли не силком потащила его в дом.

— Ганс жив! Какая радость, Ганс жив! — повторяла фрау Гофман, по-прежнему не отпуская руки Егера.

Они вошли в дом. Егер очутился в чисто убранной, скромно обставленной комнате.

— Садитесь, пожалуйста. Я вас слушаю... господин...

— Извините, я не представился — Отто Егер. Прибыл сюда по случаю ранения, на отдых.

— Ничего, ничего. Меня зовут Эльза. Я слушаю вас, пожалуйста, — сторая от нетерпения, произнесла хозяйка дома.

— Ваш муж просил меня передать вам вот это письмо. Здесь все сказано. — И Егер вынул из кармана конверт, положил его на стол перед Эльзой.

Эльза долго вчитывалась в строки письма. Казалось, она

забыла о существовании гостя. Егер терпеливо сидел в ожидании, когда же посыплются на него вопросы хозяйки.

В это время открылась дверь и в комнату вошла молодая красивая девушка. Увидев незнакомого человека, она остановилась в нерешительности.

— У нас гость?! — изобразив на лице улыбку, спросила она. — Здравствуйте! — Но, увидев на глазах у матери слезы, в испуге бросилась к ней: — Что случилось?!

— Все в порядке, доченька, все в порядке. Я плачу от счастья. Вот молодой человек, Отто Егер, привез от нашего папы письмо. Почитай, пожалуйста. — И фрау Эльза начала вытирать платком лицо. — Это моя дочь, Матильда.

Отто Егер, молча наблюдавший эту сцену, поднялся и галантно кивнул Матильде. Девушка же, не обращая внимания на гостя, выхватила из рук матери письмо.

— Читай вслух, пожалуйста, — попросила мать и пояснила Егеру: — Она очень любит отца. Он для нее идеал в жизни.

— Это хорошо, — с удовлетворением ответил Егер.

Через пять минут Матильда справилась с волнением.

— «Мои любимые и дорогие Эльза и доченька Матильда! — с гордостью начала читать дочь. — Пишу вам издалека по случаю представившейся okazji. У меня все в порядке, я жив и здоров, того и вам желаю. Так что за меня не беспокойтесь. Податель сего письма, Отто Егер, — мой верный товарищ, которому я многим обязан. Он нуждается после ранения в отдыхе, и я очень прошу вас принять его по всем правилам гостеприимства нашего дома. Помните одно: я рад своей судьбе. И еще одна просьба. Если в чем-то будет нуждаться мой товарищ, помогите ему всем, чем сможете. До свидания, мои милые. До встречи, которую жду с огромным нетерпением. Горячо обнимаю и целую. Ваш Ганс».

Матильда, закончив читать письмо, изучающе посмотрела на Егера, словно решая, как вести себя дальше. Егер с улыбкой выдержал пристальный взгляд девушки, тем самым как бы приглашая ее в союзники. Матильда не ответила.

— Слава богу, с папой все в порядке. Скажите, где он, что делает? Ведь столько прошло времени. Мы тут с Матильдой измучались, — нарушила молчание Эльза.

— Он там, где должен быть солдат, — на переднем крае. И вы вправе гордиться своим мужем и отцом.

Матильда встрепелась, посмотрела на мать.

— Ну вот и хорошо. Пожалуйста, Отто, располагайтесь.

Вам с дороги надо отдохнуть, а я пока приготовлю ванну. Матильда, собери на стол, — засуетилась Эльза и вышла из комнаты.

Матильда вслед за ней молча покинула комнату.

«С характером», — подумал Егер, поднимаясь вверх в отведенные ему покои. Небольшая уютная комната с балконом, выходящим в сад, располагала к отдыху. Он поставил на пол чемодан, прилег на диван и сразу уснул, точно провалился в омут.

III

Генрих Шульц прибыл к месту нового назначения. На аэродроме его встречал помощник — майор Ратнер.

— Ну и погода, льет как из ведра, — хмурясь, заметил Шульц, когда закончилась официальная церемония встречи.

— Приезд в дождь — хорошая примета, господин полковник, — услужливо произнес Ратнер.

— Посмотрим. Пока вам радоваться нечему.

Некоторое время они шли с аэродрома к автомашине молча. Черный «мерседес» ждал их у служебного помещения аэровокзала.

Ратнер предупредительно открыл переднюю дверцу машины, но Шульц сел на заднее сиденье.

«Плохи мои дела», — подумал Ратнер, запуская мотор.

— Куда меня везете?

— В гостиницу, господин полковник.

— На объект, — отрезал Шульц.

В просторном кабинете секретного объекта, куда Ратнер привез Шульца, было тепло и уютно. Ратнер распорядился разжечь камин, накрыть стол.

— Сперва о деле, — поморщился Шульц.

— Слушаюсь, — ответил Ратнер. «Никак ему не угодишь», — с неприязнью подумал он.

— Доложите обстановку, — так и не сняв намокшего плаща, произнес Шульц.

— Несколько дней назад, господин полковник, в запретной зоне был схвачен один субъект с фотоаппаратом. Бывший шеф при его допросе переусердствовал, и тот унес с собой тайну своего появления в зоне. Я настаивал, чтобы его передали гестапо, а он...

— Мне это известно, — перебил словоохотливого подчиненного Шульц. — Что известно о задержанном? — Ратнер ему не понравился с первого взгляда, а почему, он пока не мог себе объяснить. Может быть, потому, что и его считал

косвенным виновником своего назначения в это богом забытое место.

— Сейчас делом фотograфа занимается гестапо, господин полковник.

— Не хватало, чтобы вы им занимались... Ну и что?

— У задержанного никаких документов не оказалось... только фотоаппарат...

— Надо было бы, чтобы он имел при себе паспорт... Болваны!

— Виноват... — растерянно согласился Ратнер.

— Ну и провинция здесь, — бросил Шульц, пытаясь несколько смягчить тон разговора.

— Веселого мало, господин полковник. Однако при желании и здесь можно неплохо провести время, — ответил Ратнер, подобострастно заглядывая Шульцу в глаза.

— Я приехал сюда не веселиться, а выполнять свой долг перед фюрером, — оборвал Шульц неуместный намек своего подчиненного.

— Извините, господин полковник. Я к слову... «Опять невпопад», — подумал Ратнер, чувствуя, как замирает его сердце.

Шульцу определено чем-то был неприятен Ратнер.

— Покажите мне схему охраны, — сказал Шульц.

Ратнер принес папку, вынул из нее сложенный вчетверо большой ватманский лист, развернул схему перед Шульцем.

— Сколько всего постов? — спросил Шульц, не отрываясь от схемы.

— Тридцать пять, из них пять подвижных.

— Ограждение, рвы, контрольная полоса и прочие атрибуты в порядке?

— Так точно.

— Так точно, — передразнил Шульц. — Где патрулируют подвижные посты?

— Вот по этим маршрутам. — Ратнер начал пальцем водить по красным пунктирам, нанесенным на схеме.

— Где он проскочил?

— Задержали его на высоте 353. Вот здесь. — Палец Ратнера вновь уткнулся в схему.

— Как далеко проник! — удивился Шульц. — Каким образом?

— Сами удивляемся, как могло это произойти. Казалось, мышь здесь не проскочит, а тут такое случилось...

— Значит, кошки потеряли нюх. Придется кое-кому натереть нос, — сердито заметил Шульц. — Завтра с утра по-

кажете мне объект. Выезд в девять ноль-ноль. А теперь в гостиницу.

— Слушаюсь, господин полковник. Может быть, с дороги по рюмочке... Есть «наполеон», — решил в последний раз попытать счастья Ратнер.

— Я, кажется, ясно сказал, — последовал ответ.

«Все, это конец», — решил Ратнер.

На следующий день после тщательного осмотра охраняемого объекта, которому Шульц посвятил весь день, он пригласил к себе в кабинет начальника местного гестапо Брауэра. С немецкой педантичностью тот появился ровно в назначенное время. Шульц внимательно изучал стоявшего перед ним штурмбанфюрера СС—человека крупного телосложения, с глубоко спрятанными глазами, узким лбом и мясистыми губами. Планка орденов красовалась на его груди и говорила сама за себя.

Они представились друг другу.

— Я прибыл сюда с широкими полномочиями, прошу ознакомиться. — Шульц протянул гостю бумагу.

Брауэр внимательно прочел предписание.

— Я в вашем распоряжении, — ответил он, улыбаясь.

— Прошу вас, штурмбанфюрер, информировать меня об оперативной обстановке.

— Я не захватил... документы... разрешите...

— Прошу вас хотя бы в общих чертах, — мягко произнес Шульц, а сам подумал: «Хорош гусь, без бумаг ничего не помнит». Однако он отчетливо понимал, что ссориться с офицером гестапо ему нет никакого резона.

— Оперативная обстановка за последнее время заметно осложнилась, — докладывал Брауэр. — В город прибывают раненые офицеры. Их навещают жены, родственники. Все труднее и труднее стало держать в тайне истинное назначение объекта...

— А вы ставили вопрос о закрытии въезда в этот район?

— Нет.

— Почему?

Брауэр опустил глаза.

— Хорошо. Подумаем. Еще не поздно это сделать и сейчас. Продолжайте.

— Последний случай с задержанным фотографом, о котором вам, должно быть, известно, говорит о многом. Я принимаю все зависящие от нас меры...

— Кстати, о задержанном... — оживился Шульц. — Скажите, штурмбанфюрер, что-нибудь новое о нем удалось узнать?

— Есть основания утверждать, что он из иногородних. Идет активный поиск всего, что связано с фотографом. Получен сигнал. Накануне задержания его видели в городе у владельца магазина канцелярских товаров Лотта. Его опознал наш агент по фотокарточке. Появилась ниточка, которую будем тянуть.

— А что представляет собой Лотт?

— Приезжий торговец. Пока ничего сомнительного... — После некоторого раздумья Брауэр продолжал: — В нашем квадрате зафиксирована работа радиопередатчика... Кое-что нашим специалистам удалось расшифровать... Проверили на Лотте... Не клюнул. Выходит, не он... Одно ясно: кто-то должен к кому-то прийти на связь.

— А не поторопились с Лоттом?

— Обстановка складывалась так, что пришлось рискнуть.

— Выходит, агент работает под боком.

— Так точно.

— Сколько у вас пеленгаторов?

— Один.

— И вы с одним думаете поймать вражеского агента? Немедленно запросите дополнительные силы за моей подписью.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Фотограф что-нибудь в магазине купил?

— Уточняем...

— Выходит, ничего существенного у вас в руках нет? — сухим голосом произнес Шульц. — Что еще можете доложить?

— Еще?! — переспросил осевшим вдруг голосом Брауэр. — Под агентурным наблюдением находятся несколько человек из близлежащего села. Ведем активную работу. О результатах буду сообщать, — закончил Брауэр.

Он сказал «сообщать», а не «докладывать». От внимания Шульца это не ускользнуло.

— Большое село?

— Не очень.

— Может быть, выселить его, и дело с концом?

— Опять пойдет шум... Только разогреем любопытство.

— Тем не менее внесите мотивированное предложение, в том числе и об отдыхающих. Время не ждет, а война, между прочим, не бывает без шума.

— Хорошо, господин полковник.

— Скажите, штурмбанфюрер, а как выглядят в ваших глазах мои подчиненные?

— Извините, но позвольте мне обобщить данные и сообщить о них чуть позже.

— Я хочу знать сейчас. Или вы не владеете обстановкой?

— Почему же... Мне хотелось в письменном виде... Но раз вы настаиваете, я отвечу... Думаю, что на своих подчиненных в основном вы можете положиться... Правда, после курских событий настроение несколько снизилось, кое у кого появился пессимизм, но в целом люди вполне надежные. Заслуживает упрека разве только ваш помощник — майор Ратнер. Увлекается шнапсом и падок на женщин. Сейчас очередное увлечение одной официанткой из ресторана. Не очень разборчив в связях.

— Кто она? Хороша собой?

— Недурна. Очень недурна. Вроде бы из благонадежной семьи. Отец ее ушел добровольцем на восточный...

— Благодарю вас за доклад. Буду признателен, если вы с ним будете приходить три раза в неделю. А теперь, штурмбанфюрер, слушайте, что я вам скажу. — Шульц выдержал короткую паузу, а затем официальным тоном произнес: — Берлин недоволен положением с охраной объекта и в том числе... вашей работой. Как вы догадываетесь, нельзя нам с вами дважды испытывать судьбу. К завтрашнему дню прошу вас подготовить мне докладную записку об оперативной обстановке и о мерах по усилению секретности объекта. Пользуйтесь случаем, штурмбанфюрер, укрепить свой аппарат. — Шульц посмотрел на часы. — На сегодня все. Где тут можно прилично поужинать?

— Единственное место — ресторан «Жозефина», — охотно откликнулся Брауэр.

— Может быть, вы составите мне компанию?

— Сочту за честь, господин полковник, — радостно ответил Брауэр, расплываясь в улыбке, и тут же подумал: «Посмотрим, что за птица приехала».

IV

На следующий день Егер был приглашен Эльзой на завтрак.

Почему-то именно в эту минуту Егеру пришли на память слова генерала Фролагина, напутствовавшего его в дорогу. «Главное для вас — установить и уничтожить объект. — И после небольшой паузы он добавил: — Любой ценой... Как это сделать — определите на месте».

Матильда ушла на работу, и они остались вдвоем. Говорили о разном: о погоде, о том, что в магазинах стало трудно с продуктами, скоро ли кончится война... Потом Егер спросил:

— А где работает Матильда?

— В ресторане «Жозефина», официанткой.

— Довольна?

— Как вам сказать? И да и нет. Боюсь я за нее. Знаете, какое сейчас время. Каждый офицер привык командовать, а она у меня с характером.

— Я это заметил, — улыбаясь, сказал Егер. — Но вы не волнуйтесь, если что, я не дам ее в обиду...

Поблагодарив за завтрак, Егер вышел на улицу. Он долго бродил по улицам города, приглядывался к прохожим, побывал в кинотеатре, заглядывал в магазины, вступал в разговор с незнакомыми людьми. В кафе развернул купленную в киоске газету, просмотрел заголовки. Привлекла внимание одна фотография. На него смотрел лысый мужчина с большим круглым лицом. «Разыскивается опасный преступник. При нем был фотоаппарат «Кодак». Кто опознает его и сообщит в гестапо, получит большое вознаграждение». Далее следовали приметы преступника и описание одежды, сообщалось, что разыскиваемый якобы принадлежит к левым партиям.

В кафе он узнал, где находится интересующая его улица, и не спеша направился к намеченной цели. Егер остановился у магазина канцелярских принадлежностей, огляделся, затем зашел вовнутрь. Он сразу узнал стоявшего за прилавком Лотта. Фотокарточка, изученная им в Центре, была точной копией оригинала. Егер купил авторучку и, не произнеся ни слова, вышел.

Пришел он к Лотту на следующий день, прямо к открытию магазина.

— Вчера я купил у вас авторучку, а она не пишет. Посмотрите, — обратился он к владельцу магазина, передавая ему авторучку.

— О! Это редчайший случай. Любопытно, что это с ней произошло? — расплылся в улыбке Лотт и, вырвав из блокнота лист, принялся чертить на нем круги. Ручка не писала. — А она заправлена? — спросил Лотт.

— Конечно.

— Позвольте заменить ее другой. Извините. — И Лотт, виновато пожав плечами, вручил Егеру новую ручку. Покупатель проверил ее. Все было в порядке.

В полдень того же дня в глухом лесу, у подножия скалы, встретились два охотника. Они молча расцеловались и надолго застыли в объятиях, горячо похлопывая друг друга по плечу.

— Неужели я должен уехать? — спросил тревожно Лотт, освобождаясь от объятий Егера.

— Таков приказ Центра. Ну что же, Анатолий, здравствуй. Прими сердечный привет от всех наших сотрудников, от жены и друзей.

— Здравствуй, Николай... Наконец-то.

— Как дела, Жаворонок?

— Как в окопе перед атакой, — переводя дыхание, ответил Лотт.

Они расстелили коврик на земле. Лотт вынул из охотничьей сумки продукты, пригласил к трапезе.

— Твоей работой в Центре довольны, особенно генерал Фролагин, — сказал Егер. — Просил передать тебе горячий привет... Да, а что нового произошло после случая с фотографом? Почему так долго молчал? Центр в недоумении.

Лотт сообщил, что гитлеровцы резко усилили режим и охрану зоны, проверку жителей. Произвели принудительное отселение крестьян из сел, которые находятся близко к охраняемой зоне. Все это началось с прибытием нового шефа — полковника Шульца. Говорят, наделен большими полномочиями...

— А молчал по одной причине — гестапо имело ко мне подход, — пояснил Лотт. — После этого я работал только на прием.

— Расскажи подробнее, — попросил Егер.

— Однажды ко мне подошел один тип и пытался установить со мной контакт... Я понял, что фашисты сумели кое-что расшифровать из нашего кода...

— Когда это было и где?

— Два месяца назад, двадцать первого мая... — Лотт передохнул. — В тот вечер я ужинал в ресторане «Жозефина». Ко мне подсел средних лет мужчина, невысокого роста, широкоплечий, спортивного вида. Правильные черты лица. Бакенбарды. Нос с горбинкой. Да вот его портрет, я его нарисовал по памяти. — И Лотт передал рисунок Егеру. — Сперва мы молчали. Потом он немного выпил, заговорил. Разговор был на общие темы — о войне, о женщинах, о медицине. После ужина, уже на улице, он вдруг попросил у меня телефон и полез за ручкой, хотел записать мой номер,

да пожаловался: «Купил авторучку... и не знаю, что с ней делать, не пишет». Это был наш пароль, но в нем недоставало нескольких слов. Я чуть было не растерялся. Предложил ему свою ручку.

— Кто он?

— Не знаю. Сказал, что находится здесь проездом по медицинским делам.

— Вот видишь, а ты сомневаешься, должен ли ты уехать! В Центре твое молчание расценили неслучайным, но предполагали худшее... Впрочем, обстановка острая, и мне предстоит... А в общем, поживем — увидим. Где рация?

— Я ее зарыл в лесу.

— Правильно сделал. Покажи место. На всякий случай я привез свою, вместе с новым кодом.

— И надо же было этому фотографу забрести ко мне и купить светофильтр, как будто их нет в других магазинах! — поморщился Лотт и даже сплюнул от досады. — А вдруг это была все же чистая случайность?

— Чистая случайность, которая может стать роковой. И с этим нельзя не считаться, — заметил Егер.

— Конечно, гестапо может это установить, но не рано ли меня списывать? — продолжал размышлять Лотт. — Ведь сам по себе заход фотографа в магазин и покупка им светофильтра еще ничего не означают и не могут меня компрометировать. Народу у меня бывает немало, — пытался он убедить Егера в том, во что, по сути дела, сам мало верил.

Егер понимал состояние Лотта, его искреннее желание быть на передовой. Но интересы безопасности и судьба операции требовали однозначных и категорических решений.

— Ты исходишь из того, что посещение магазина фотографом может остаться не замеченным для гестапо. Ну, а если они этот факт установили и, больше того, если вдруг фотограф вообще находился под их наблюдением? Ведь он принадлежит к левым организациям, как утверждают газеты, и его портрет не сходит со страниц хроники. И последнее, самое важное. Подход к тебе со стороны гестапо разве случаен? Гестапо умеет идти по следу, ты это знаешь. Нет, Анатолий, тебе надо немедленно уезжать. Немедленно. — Егер ласково обнял Лотта за плечи.

— Понимаю. Жаль, не смог главного выяснить: что же, в конце концов, так тщательно охраняют здесь фашисты? Ходят слухи, будто бы молоко. Смешно, а?

— То, что не успел сделать ты, доделают другие. Скажи, Анатолий, Рыжий на месте?

— Ратнер-то? Да, на месте. Он заслуживает особого внимания.

— Знаю. Читал твои сообщения.

— Он задолжал мне десять тысяч марок. Женщины и удовольствия требуют больших затрат. Сейчас он увлекся официанткой Матильдой Гофман из ресторана «Жозефина».

— А ты ее знаешь?

— Только по ресторану.

— И какое впечатление?

— Хорошее. Симпатичная. Строгая.

— Понятно... Деньги Ратнеру давал под расписку?

— К сожалению, нет, но это запечатлено на фотографиях в момент их вручения. — Лотт протянул Егеру конверт, обернутый в целлофановый пакет.

— Хорошо, — с удовлетворением произнес Егер.

Они договорились обо всем, что нужно было для немедленного ухода Лотта и остающегося здесь Егера.

Егер благополучно возвратился в город. Для пущей видимости он проехался по улицам, зашел в несколько магазинов, кое-что купил и, только убедившись, что ничего подозрительного не обнаружил, подъехал к дому.

Эльзу Гофман он застал на кухне. Время было обедать. Егер поднялся к себе наверх. И по дороге к городу, и посещая магазины, и сейчас он думал об одном: о Ратнере и Матильде, об их знакомстве. Насколько оно серьезно и основательно. И как ему быть? Оставаться здесь или же лучше съехать? Но, сколько ни ломал голову, ни приводил доводов «за» и «против», он так и не пришел к окончательному выводу. Решил сперва поговорить с Матильдой, осторожно выяснить характер взаимоотношений ее с Ратнером и почему она в числе своих знакомых не назвала его.

С этим решением Егер и спустился вниз. Зашел на кухню. Эльза, раскрасневшаяся, хлопотала у плиты.

— Вкусно пахнет, фрау Эльза.

— Вы как-то сказали, что любите грибной суп.

— О, да! Благодарю вас. А где Матильда?

— У себя.

— Я позволю себе побеспокоить ее.

— Пожалуйста.

Матильду он застал в комнате за книгой.

— Чем мы так увлеклись? — спросил Егер, входя в комнату.

— Хочу понять психологию Гитлера, каким образом он сумел так... — Запнувшись на полуслове, Матильда настороженно бросила взгляд на Егера.

- Интересно. Ну и к какому выводу вы пришли?
- Еще не пришла. — Матильда помолчала. Судя по всему, этот разговор был ей не очень приятен.
- Я вам не мешал? Ведь вам скоро на работу...
- Вы мне не мешаете... в данном случае.
- Только в данном?
- Матильда на это ничего не ответила.
- Что нового у вас в ресторане? Как кормите доблестных офицеров рейха? Много жалоб приходится выслушивать? — начал, пошучивая, Егер.
- Всякое бывает. Веселятся... Бравируют перед женщинами своими заслугами...
- Похоже, это вам не по душе?
- Матильда отложила в сторону книгу Гитлера «Майн кампф», подчеркнуто громко сказала:
- По душе.
- Фрейлейн Матильда, извините, но у меня складывается впечатление, что вы мне в чем-то не доверяете.
- А вы?!
- Вы дочь моего друга, и поэтому я доверяю вам вполне.
- Тогда почему вы не расскажете, где он и что делает?
- Он же в письме, по-моему, ясно все написал.
- Скажите, Отто, кто вы?
- Штандартенфюрер СС.
- А если серьезно?
- Друг вашего отца. Разве этого мало?
- В ответ Матильда пожала плечами.
- Егер задумался, затем сказал:
- Есть вещи, милая Матильда, о которых не говорят до поры до времени. Разве не так?
- Пусть будет так.
- Вот и прекрасно. Скажите, фрейлейн Матильда, вам нравится работать в ресторане?
- Не очень.
- Такой интересной девушке, наверное, легко обслуживать клиентов. Всякий норовит сесть за ваш столик...
- И при удобном случае не только ущипнуть вас, но и предложить вместе весело провести время, да? — перебила Егера Матильда.
- И много таких?
- Один Ратнер чего стоит.
- Ратнер? Что-то знакомая фамилия. Кто это?
- Один из офицеров рейха с молокозавода.
- Офицер на молокозаводе?! — удивился Егер.

— Да. А что? Где-то в горах фашисты построили молокозавод, и он там помощник шефа. Так, во всяком случае, он мне говорил.

— Интересно. А мне так необходимо горное молоко...

— Хотите, я познакомлю вас с Ратнером? Может быть, он после этого от меня отстанет.

— Вам он неприятен?

— Да.

...После этого разговора прошло совсем немного времени. Однажды Егер хотел было напомнить Матильде о Ратнере, но она вдруг заговорила о нем сама.

— Вы как-то проявили интерес к Ратнеру, — начала Матильда. — Сегодня он показал мне своего нового шефа — полковника Шульца, а я и не подозревала, что обслуживала столь важную персону.

— А что стало с прежним шефом?

— Якобы отстранили от дел за плохую охрану молокозавода.

— Разве молоко охраняют? — изумленно поинтересовался Егер.

— Да еще как. Мне рассказывала подружка, что ее парня забрали и отправили на восточный фронт только за то, что он случайно оказался в запретной зоне и стал спрашивать у часового, что они так тщательно охраняют.

— Значит, мне это не угрожает. Я только что оттуда, — заметил Егер.

Матильда сначала не поняла шутку Егера, а когда слова постояльца дошли до ее сознания, она с сожалением покачала головой и в смущении произнесла:

— Я не имела в виду вас...

— Я так и понял. Что еще интересного рассказывал ваш Ратнер?

— Ничего особенного. Он зачастил в ресторан. Не дает мне прохода. Набивается в гости... Боюсь я... Надоело все это. Решила уйти из ресторана, — вдруг заявила она Егеру.

Егер внимательно посмотрел на Матильду. Ему она нужна была именно там, в ресторане, а ее знакомство с Ратнером — особенно. Егер думал над тем, как бы убедительнее объяснить Матильде о необходимости оставаться в ресторане, и не только поддерживать, но и развивать свое знакомство с Ратнером. Открыться перед ней, учитывая обстоятельства конспирации, он пока что не мог, не имел права.

— Сегодня в газетах, — осторожно начал Егер, — опубликовано сообщение о расстреле гестаповцами двух местных патриотов.

— У нас в ресторане об этом говорили и были возмущены.

— И вы в их числе?

— Я стыжусь, что мне приходится обслуживать... — И, не закончив фразы, Матильда испуганно посмотрела на Егера.

— Не обижайтесь, Матильда. Но если говорить серьезно, то настоящий патриот может и должен быть полезен своей родине на любом посту, где бы он ни работал. Надеюсь, вы согласны?

В ответ Матильда молча кивнула.

— И не только одним возмущением, — улыбаясь, добавил Егер. — Ну, а что касается вашей работы, то я не советую вам уходить из ресторана и тем более категорически отвергать ухаживания Ратнера. Он — офицер рейха, человек, по всему видно, влиятельный и может пригодиться. Только по-умному держите его от себя на расстоянии. Думаю, вы с этим справитесь.

Наступила минута молчания.

— Хотите чашечку кофе? — спросила Матильда.

— С удовольствием.

Матильда вышла на кухню. Приготавливая кофе, Матильда думала о Егере. Кто же он на самом деле? Друг или враг? Можно ли ему доверять или нет? Этот вопрос не раз возникал перед Матильдой. С одной стороны, Егер произвел на нее благоприятное впечатление. Обходительный, степенный, чуткий, лояльный, можно сказать, демократически настроенный человек. Этим он нравился и вызывал симпатии. С другой стороны, служба Егера в гестапо смущала ее и порой ставила в тупик. Чем занимается гестапо, известно каждому ребенку. И как после этого совместить дружбу отца, активного подпольщика и революционера, с фашистом? После долгих раздумий, помня рекомендацию отца и следуя собственной интуиции, Матильда решила в конце концов поверить Егеру.

Пока Матильда готовила кофе, Егер подошел к висевшему на стене портрету. Он сразу узнал отца Матильды. Перед его глазами невольно всплыли эпизоды, предшествовавшие его поездке сюда.

...Вот кабинет в доме на Лубянке.

— Товарищ генерал, майор Серов прибыл по вашему приказанию.

— Здравствуйте, Николай Максимович. Садитесь. Познакомились с делом Ганса Гофмана?

— Да.

— Человек он надежный. Сегодня вам организуют с ним личную встречу. Используйте ее, как говорят, на всю катушку.

...Вот он с Гансом Гофманом на даче. О многом говорят. Ганс рассказывает ему о своей жизни в Австрии, о семье, об участии в демократическом движении, о борьбе с фашизмом.

— Когда фашисты подошли к Курску, я твердо решил пойти добровольцем на восточный фронт и тут же отдал себя в распоряжение советских товарищей, — говорит он глуховатым голосом. (Серов слушает его внимательно, хотя об этом ему уже известно из дела Гофмана.) — И вот случай представился, и сейчас я счастлив, что в антифашистском комитете военнопленных вношу посильную лепту в разоблачение фашизма, его сути и целей. Я понимаю, что этого мало, может быть, ничтожно мало, но, если меня позовут, я не пожалею и своей жизни ради уничтожения коричневой чумы...

— Отто, кофе готов. Вы слышите меня? — вернул его к действительности голос Матильды.

— Извините, я немного размечтался...

Как и условились, Матильда пришла вместе с Ратнером. Сегодня она была свободна от работы, однако, зная, что Ратнера можно найти в ресторане, пошла туда, чтобы попасться ему на глаза. Расчет удался. Как только Ратнер увидел Матильду, он тут же подошел к ней.

— О! Фрейлейн Матильда. Добрый вечер! Как я рад вас видеть. — Ратнер галантно отвесил ей поклон.

— Извините, господин Ратнер, но я спешу. У меня дома гость, он болен и ждет меня, — ответила Матильда.

— Гость? Когда же он успел появиться? Смотрите, Матильда, я не переживу этого. Кто он? — Ратнер погрозил Матильде волосатым пальцем.

— Приехал с восточного фронта на отдых по ранению, привез привет от отца. Извините... — И Матильда сделала попытку уйти.

— Куда же вы? Позвольте проводить вас, фрейлейн Матильда?

— Не стоит, господин Ратнер.

— Вы не пожалеете об этом, фрейлейн Матильда. Ратнер зря не бросает слов на ветер, — самодовольно ухмыльнулся он.

Ратнер пригласил Матильду в свою автомашину, которой управлял сам.

По просьбе Матильды они заехали в аптеку. Однако нужного ей лекарства там не оказалось. Тогда Ратнер предложил свои услуги. Матильда охотно согласилась. Они заглянули в специальную аптеку, обслуживающую только офицеров рейха из местного гарнизона, и там Ратнер купил необходимое лекарство.

Когда Матильда и Ратнер поднялись в комнату Егера, тот лежал в кровати и дремал. Ратнер посмотрел на висевший на вешалке френч с погонями штандартенфюрера СС и обомлел.

— Только благодаря господину Ратнеру удалось достать для вас лекарство. В городской аптеке его не оказалось. — И Матильда осторожно положила пакетик на столик у изголовья Егера.

— Благодарю вас, тронут вниманием, — устало произнес Егер и бросил взгляд на Ратнера, немо застывшего посреди не комнаты.

— Это господин Ратнер, — представила гостя Матильда.

— Штандартенфюрер Егер.

При этих словах Ратнер мгновенно принял стойку «смирно» и подобострастно, вскинув руку, произнес:

— Хайль Гитлер! — После некоторой паузы он представился: — Майор Ратнер. Рад познакомиться.

Ратнер приблизился к кровати и с почтением пожал протянутую Егером руку.

— Что с вами? — осведомился Ратнер.

— Контузия дает о себе знать... Страшные головные боли... — поморщился Егер.

— Резкий перепад погоды тоже влияет, — участливо заметил Ратнер. — Вы давно с восточного фронта?

— Без малого месяц.

— Как там идут дела? Говорят, мы несем большие потери?

При этом вопросе Егер посмотрел в сторону Матильды.

— Фрейлейн Матильда, будьте любезны, принесите, пожалуйста, полотенце. Что-то мне душно. — Когда Матильда удалилась, Егер сказал: — Будьте осмотрительнее, майор. Вас могут неправильно понять.

— Извините.

— А вы были на фронте?

— Я интендант. Мое место в тылу. Но, если потребует-ся, готов отдать хоть сейчас свою жизнь за фюрера, — пате-тически произнес Ратнер, чтобы как-то сгладить только что допущенную оплошность.

— Похвально. Вы настоящий ариец, майор. При удоб-ном случае я скажу об этом вашему шефу. — Егер с лю-бопытством уставился на Ратнера, ожидая его реакции.

Ратнер не сразу откликнулся, а немного подумал и лишь затем сказал:

— Благодарю вас. Надолго в наши края?

— Задерживаться без нужды не собираюсь. Время горя-чее, — ответил Егер, подавляя появившуюся зевоту.

— Понятно... Я вас утомил, да и уже поздно. — Ратнер посмотрел на часы. — Если в чем-либо понадобится моя по-мощь, я к вашим услугам. Разрешите откланяться?

— Благодарю вас, майор. Не смею задерживать. Хайль!

Ратнер ушел. Егер слышал, как он и Матильда какое-то время еще разговаривали внизу, а затем наступила тишина. Вскоре пришла Матильда.

— Вы ему понравились. Спрашивал, удобно ли ему на-вестить вас еще раз.

— Присядьте, Матильда, на минутку. Пора нам кое о чем с вами откровенно поговорить.

Из донесения разведчика:

«Благополучно прибыл. Жаворонок улетел. Обстановка сложная. Установил контакт с Рыжим. Подробности почтой. Аист».

VI

Полковник Шульц все глубже и глубже вникал в дела объекта. За два дня он сумел познакомиться со всеми по-стами, переговорить со многими офицерами, несущими охра-ну, посетить соседние села. А сейчас после очередного обхо-да подземного хранилища он сидел у себя в кабинете вме-сте с Ратнером и просматривал поступившие бумаги.

— Опять мало завезли «молока». Я, кажется, предуп-реждал вас.

— Основную колонну партизаны пустили под откос...

— Меня это мало интересует, майор. Пополнение запа-сов «молока» лежит на вашей совести, и будьте любезны,

невзирая ни на что, своевременно проявить об этом заботу, — недовольным тоном заметил Шульц.

— Все, что от меня зависит...

— И что не зависит, — перебил Шульц. — Понятно?

Ратнер недовольно мотнул головой. Шульц видел, что Ратнер старается изо всех сил заслужить его расположение и что не всё в его власти по своевременному снабжению «молоком», как здесь были обязаны говорить о бензине, однако Шульц не хотел с этим считаться и требовал от своего помощника четкого исполнения возложенных на него обязанностей.

— И вообще, майор, ваше поведение заслуживает осуждения, — сказал Шульц.

Ратнер с тревогой посмотрел на своего шефа.

— Не понимаю вас, — нарушил он молчание.

— Тем хуже для вас, майор. Подумайте и тогда поймете. Имейте в виду, я не потерплю, чтобы офицер рейха, будучи на особо секретной работе, вел себя легкомысленно в быту, — заявил Шульц и тут же подумал о мучившем его вопросе: неужели этот человек с таким несимпатичным лицом пользуется успехом у красивой официантки? — Что еще у вас есть на доклад? — спросил, зевая, Шульц.

Ратнер доложил на подпись другие бумаги и ушел от шефа, мучительно размышляя о только что состоявшемся разговоре. Неужели, думал он с тревогой, шефу донесли о его увлечении Матильдой или, что еще хуже, о посещении ее дома? И тут он с благодарностью вспомнил слова своего нового знакомого, по всему видно, важной персоны, который обещал при удобном случае замолвить за него слово. «Надо его навестить», — решил он, и от этой мысли ему сразу стало легче на душе.

После ухода Ратнера в кабинете Шульца раздался телефонный звонок.

— Слушаю, — ответил Шульц. — А, это вы, Брауэр. Только что подумал о вас. Что нового? Я жду вас.

Шульц встал, прошелся по кабинету, удивляясь, что вдруг подумал о ресторане и девушке-официантке, которая его обслуживала в прошлый раз. «Неужели это та, о которой говорил Брауэр?» Он подошел к окну. На освещенном дворе у одной из штолен сменялся караул. Взор Шульца остановился на двух кистернах с надписью «Молоко», оставленных недалеко от входа в главную штольную бензохранилища. Шульц быстро подошел к селектору, нажал на кнопку.

— Слушаю вас, господин полковник, — послышался голос Ратнера.

— Сколько раз вам нужно говорить, чтобы не оставляли цистерны у главного входа! Или вы до сих пор не понимаете, чем это грозит?

— Экселенц, сейчас идет загрузка резервуара...

— Если еще раз повторится, пеняйте на себя.—И Шульц в сердцах отключил кнопку селектора.

В эту минуту адъютант доложил о приходе Брауэра.

— Просите, — буркнул Шульц.

Брауэр заметил нахохлившийся вид Шульца.

— Вы чем-то расстроены? — осведомился шеф гестапо.

— Полюбуйтесь. — Шульц жестом руки показал на окно.

Брауэр подошел к окну. Однако двор был чист: цистерны как ветром сдуло.

— Так, Брауэр, что хорошего вы принесли?

— К сожалению, одни расстройства...

— Выкладывайте, — тяжело вздохнув, произнес Шульц.

— Владелец магазина канцелярских товаров Лотт — помните, к нему накануне задержания заходил фотограф? — закрыл свою лавочку и уехал в отпуск в неизвестном пока для нас направлении... Но не это главное. Вчера после длительного перерыва вновь в эфире зафиксирована работа радиостанции. Передача длилась всего несколько секунд... к сожалению.

— Когда ожидаете прибытия передвижных пеленгаторов?

— Обещали скоро.

— Надеюсь на вашу расторопность. Я позвоню шефу. Так... Что еще?

— Может быть, остальное на закуску в ресторане, если позволите составить вам компанию?

— О! Это уже другой разговор. Позволяю вам вытащить меня из этой дыры.

Черед полчаса Шульц и Брауэр уже входили в ресторан. Высокий чин гостя произвел впечатление на метрдотеля. Он, услужливо сгибая спину, провел их в зал и усадил за лучший столик, а через минуту-другую привел официантку. Это была Матильда.

— Я к вашим услугам, господа, — обратилась она с заученной любезностью к гостям.

Шульц с тайным любопытством посмотрел на Матильду. Это не прошло незамеченным для Брауэра. Когда Матильда, приняв заказ, удалилась, он как бы между прочим сказал:

— И в дыре попадаются золотые куропатки.

Но Шульц на это не отреагировал. Не хватало, чтобы он

в присутствии гестаповца показывал свои чувства к первой попавшейся на глаза красивой девушке.

— Здесь, как я вижу, много офицеров и очень мало гражданских, — заметил Шульц.

— Так точно. Я вам сообщал, что немало офицеров приезжают сюда на отдых. Места здесь хорошие, тихие, горный воздух. Лучшего не придумаешь.

— Какое настроение у офицерского состава?

— Кое-кто высказывается в негативном плане. Временные неудачи вселили в голову малодушных пессимизм и даже неверие в нашу победу... — Брауэр не договорил — пришла Матильда. Шульц исподволь наблюдал за ловкостью официантки, сервировавшей стол. «Красотка, ничего не скажешь», — отметил про себя Шульц. Брауэр же в свою очередь думал, как же привлечь внимание Шульца к официантке. Он понимал, что такая красивая девушка не может прийти не замеченной любым мужчиной.

— Я информировал вас, эксценц, о том, что Ратнер волочится за официанткой. Так вот это та, которая нас обслуживает... А вот он и сам, — сказал Брауэр, заметив Ратнера, сидящего за столиком в полутемном углу зала.

По лицу Шульца скользнула презрительная улыбка. Брауэр и это заметил.

— Надеюсь, на нее ничего компрометирующего у вас не имеется? — равнодушно спросил Шульц.

— Я вам уже докладывал — она из порядочной семьи. Ее отец — доброволец, находится на восточном фронте... Не желаете ли пригласить Ратнера к столу? — осведомился Брауэр.

— Это то, что вы приготовили на закуску?

— Не только.

— Ратнер дважды побывал у нее в доме. Кстати, у них остановился штандартенфюрер СС Отто Егер, племянник известного герцога.

— Чем мы обязаны его присутствию?

— Он прибыл сюда с восточного фронта, ранен, отдыхает.

— Егер... Егер... — пытаюсь вспомнить, где он слышал эту фамилию, произнес Шульц. «Надо познакомиться с ним. Пригодится», — решил он про себя.

— За красоток! Пусть они веселят наши души, — провозгласил тост Брауэр.

В эту ночь Шульц долго не мог уснуть. Из головы не выходила Матильда. «Неужели она отвечает взаимностью этому кретину Ратнеру?»

Егер решил, что наступил момент закрепить свое знакомство с Ратнером. С этой целью он посетил ресторан «Жозефина», где при помощи Матильды надеялся «случайно» встретиться с интендантом.

Как всегда, ровно в восемь вечера в ресторане появился Ратнер. Вскоре туда же прибыл и Егер. Он был в штатском. Матильда в это время обслуживала Ратнера. Она обернулась, задержала взгляд на Егере. Ратнер проследил за ее взглядом и, увидев Егера, быстро подошел к нему, пригласил за свой столик.

Случилось так, что в тот вечер в ресторане оказались Шульц с Брауэром. Полковник, молча наблюдавший за действиями Матильды, хорошо видел эту сцену и с любопытством присматривался к Егеру.

— Кто это? — спросил он у Брауэра.

— Понятия не имею. Очевидно, приезжий, — ответил Брауэр.

— Надо иметь, — назидательно бросил Шульц. — Мне не безразлично, с кем в неслужебное время поддерживают отношения мои офицеры.

— Понимаю.

Матильда тем временем, приняв заказ от своих клиентов, направилась в раздаточную.

— А тут совсем неплохо, — заметил Егер, оглядывая зал ресторана.

— Вы впервые здесь?! — удивился Ратнер.

— Не приходилось. Кто эти два офицера, сидящие около сцены? — поинтересовался Егер.

— Тот, что постарше, — мой шеф, другой — начальник местного гестапо Брауэр.

— Я так и подумал, что это ваши знакомые... Ага, вот и наша кормилица пришла, — улыбнулся Егер Матильде.

Ее тележка была нагружена разными яствами.

— Вам нравится у нас? — спросила Матильда, наливая в рюмку Егера коньяк.

— Что за вопрос? Тем более когда обслуживает такая фрейлейн, как Матильда, — поспешно ответил Егер.

При этих словах на щеки Матильды лег мягкий румянец.

— Приятного вам аппетита. — И девушка тут же отошла от их столика.

— За ваше скорейшее выздоровление, — первым провозгласил тост Ратнер.

— Сперва за фюрера, а потом за остальное, — поправил Егер.

Ратнеру ничего не оставалось, как согласиться. Они чокнулись и выпили. Мельком Егер заметил, как Шульц остановил проходившую мимо него Матильду, принялся что-то ей говорить, а она изредка бросала взгляд в сторону Егера и Ратнера.

— Штандартенфюрер, позвольте один вопрос. Каким образом вы догадались, что те два офицера мне знакомы? — обратился Ратнер к Егеру.

— Их взгляды говорили сами за себя.

— Хотите, я вас представлю, — вдруг предложил Ратнер и, не дожидаясь согласия, встал из-за стола.

Егер был несколько озадачен таким поворотом событий. Это никак не входило в его планы.

— Садитесь, майор, у нас еще будет время для знакомства. Лучше давайте выпьем за ваши успехи и благополучие.

— Какие там успехи... Разрешите я вас представлю, — настаивал на своем Ратнер.

Егер не стал больше удерживать Ратнера, у которого, как он догадывался, был свой расчет. Ратнер, хотя и был изрядно выпивши, понимал, что, представляя Егера своему шефу и начальнику гестапо, он этим именитым знакомством должен непременно возвыситься в их глазах и тем самым надеялся поправить пошатнувшийся авторитет. Поэтому-то он никак не хотел упустить представившийся случай. Решительно встав и на ходу одергивая френч, Ратнер направился к столику шефа.

Краем глаза Егер держал в поле зрения столик, у которого остановился Ратнер. Так, он отметил, что после объяснения майора за столом произошло оживление. Затем он увидел, как Шульц, Брауэр и Ратнер направились в его сторону.

Егер сосредоточенно обдумывал ситуацию. Он понимал, что именно сейчас ему предстоит держать решающий экзамен, от которого, возможно, будет зависеть даже судьба операции.

Все трое во главе с Шульцем остановились около столика Егера.

— Хайль! Штандартенфюрер, мы рады приветствовать вас в нашем захолустье. Позвольте представиться — полковник Шульц.

— Штурмбанфюрер Брауэр, — вслед за Шульцем вытянулся в подобострастной стойке гестаповец.

Егер стоя знакомился с гостями, внимательно присматриваясь то к одному, то к другому. Наконец представился и сам:

— Штандартенфюрер Отто Егер.

— Очень приятно. Просим разделить с нами компанию, — сказал Шульц.

— Благодарю вас, господа. Рад с вами познакомиться, но, право же, я себя не совсем важно чувствую и боюсь испортить вам настроение, — засомневался Егер.

— Мы постараемся не очень утомлять вас. Окажите честь, господин штандартенфюрер, — вставил Брауэр, расплываясь в угодливой улыбке.

Ратнер самодовольно улыбнулся, не скрывая охватившего его чувства гордости.

— Прошу. — И Ратнер почтительно наклонил голову.

Брауэр щелкнул пальцами, и в ту же секунду подскочил метрдотель, молча наблюдавший за этой сценой. Получив распоряжения, метрдотель удалился.

Когда все было готово, Егер и Ратнер перешли за стол Шульца. Брауэр услужливо наполнил рюмки. Первым взял слово Шульц:

— Господа, я предлагаю выпить за нашего гостя—штандартенфюрера СС господина Егера. За его здоровье.

— За нашего уважаемого гостя, — подхватил Брауэр, и он по примеру Шульца потянулся к рюмке Егера.

— Одну минуту, господа, — остановил их Ратнер. — Позвольте первый бокал выпить за фюрера.

— Bravo, майор. За фюрера, — подхватил, вставая с места, Егер.

Шульц и Брауэр на какую-то долю секунды смущенно переглянулись и как по команде вскочили с мест. За столом установилась неловкая тишина. Егер понимал причину молчания и не спешил первым нарушить ее. Он интуитивно чувствовал и ждал от Ратнера следующего тоста. Ратнер не заставил себя долго ждать.

— А теперь, господа, за здоровье штандартенфюрера Егера, — нарушил-таки молчание Ратнер с тайной надеждой уязвить самолюбие Шульца.

— За ваше здоровье, — произнес Шульц с вымученной улыбкой.

— Благодарю вас, господа. Но я с удовольствием поднимая бокал за полковника Шульца и его коллег — штурмбанфюрера Брауэра и майора Ратнера. За вас, господа. — И Егер залпом осушил бокал вина.

Все оживились и дружно выпили.

— Не знаю, как вам, господа, а в этом захолустье, как изволил выразиться господин полковник, мне определенно нравится. Тихо. Спокойно. Все располагает к отдыху, — заметил Егер.

— Солдат рожден для боя, а не для постели, — первым откликнулся Шульц, и на его лице легла самодовольная улыбка. Он решил немного поиграть на нервах Егера за его поддержку Ратнера.

— Но и после боя солдату нужна постель, — вмешался Ратнер.

— Кое-кто за ней особенно гоняется, — вставил до сих пор молчавший Брауэр.

— Кого вы имеете в виду?! — нахмурившись, спросил Ратнер. — Меня, да?

— Господа офицеры, — вмешался Егер, — нашему фюреру нужны солдаты и на фронте, и в тылу. И каждый из них, не щадя себя, где бы он ни находился, должен защищать великий рейх от врагов. Надо ли упрекать тех, кому выпала доля быть в этом захолустье...

— Это захолустье почище любого фронта... Что стоит без «молока» наша техника?.. Пшик. Мы тоже на передней линии огня... — забыв о субординации, начал было Ратнер.

— Господа, не надо о службе, — перебил его Егер, едва сдерживая волнение от неожиданного открытия, сделанного пьяным Ратнером.

— Вы лишнего выпили, майор, — вмешался Шульц.

— Как всегда, в своем амплуа, — съязвил Брауэр.

Егер в знак согласия одобрительно кивнул. У него не выходили из головы слова Ратнера. Неужели он у цели? Ему уже захотелось поскорее уйти из этой компании, наедине все как следует проанализировать, взвесить.

А Брауэр тем временем продолжал, обращаясь к Ратнеру:

— Видимо, вам недостаточно урока, который недавно вам преподали...

— Я выпиваю не больше вас... и сейчас тоже, — перебил, горячась, Ратнер.

— Господин Ратнер, — сухо, по фамилии, обратился к нему Егер, — если вам говорит гестапо, я бы посоветовал слушать и делать выводы, а не препираться. Я думаю, господа, майор Ратнер сделает соответствующие выводы, а сейчас давайте выпьем за его нелегкую службу вдали от передовой. — Егер решил, что настал момент, когда надо было поддержать Ратнера.

— Благодарю вас, штандартенфюрер, но разрешите мне больше не пить... — произнес с признательностью Ратнер.

— Ну вот видите, как хорошо, — улыбнулся Егер, а за ним и Шульц с Брауэром.

— Штандартенфюрер, говорят, вы только что с восточного фронта? — отправляя в рот жирный кусок гусятины, спросил Брауэр, мельком бросив взгляд на новенький Железный крест, висевший на лацкане костюма Егера.

— Вы угадали.

— Давно были в Берлине? — полюбопытствовал Брауэр, вновь наполняя опустевшие рюмки.

Егер сделал вид, что не расслышал вопроса. Он обхватил затылок и поморщился. Все обратили на это внимание.

— Господа, позвольте мне покинуть столь приятную компанию и откланяться. Кажется, моя контузия дает о себе знать. Извините. Мне было приятно провести с вами время. Надеюсь, я буду иметь удовольствие видеть вас у себя.

— Нам тоже, пожалуй, пора, — заметил Брауэр.

— Прошу счет за всех, — устало обратился Егер к Матильде.

— Вы наш гость, и платим мы, — запротестовал Шульц.

— Вы обижаете нас, — вставил Брауэр, поспешно вынимая из кармана бумажник.

— Плачу я, — безапелляционно отрезал Шульц.

— Ну что же, господа, — вставая с места, обратился Егер к гостям, — я в долгу не останусь. Честь имею. — И, застегнув пиджак, он щелкнул каблучками.

Всю дорогу до дома и позже, когда оказался в своей комнате, он напряженно думал об одном и том же: о запальчивом признании Ратнера: «Это захолюстье почище любого фронта... Что стоит без «молока» наша техника?.. Пшик». Ну да, конечно, это бензин. Конечно, речь идет о бензохранилище. Ради чего же тогда все эти ратнеры, шульцы, брауэры находятся здесь, в медвежьем углу? Вместе с тем Егер подумал о Брауэре, местном страже, знакомство с которым либо принесет ему пользу, либо... Конечно, Брауэр был с ним любезен и, кажется, подобострастен. Егер понимал, что этим был обязан своему высокому званию. Тем не менее вопрос, заданный о Берлине, едва не выбил его из колеи. Проклятый Берлин. Что он мог о нем сказать, когда и был там всего два раза. Здесь не отделаешься общими фразами. Может, он напрасно придал этому вопросу такое значение? Еще хорошо, что о контузии он вспомнил вовремя. Получилось вроде бы естественно. Нет, не надо спешить с повторной встречей, не следует испытывать судьбу, подумал Егер.

Надо заняться как следует Ратнером. Да, да, Ратнером. Только Ратнером, решил он. «Что стоит без «молока» наша техника?.. Пшик». Ах, какой ты умница, Ратнер. Одно это признание стоило многого...

В это время чуткий слух Егера уловил скрип входной калитки. Он быстро встал с дивана, подошел к окну и увидел, как Матильда закрыла калитку на замок. Егер тут же спустился вниз.

— Вы не спите? — удивилась Матильда, увидев Егера.

— Как видите. Жду от вас новостей, — заглядывая девушке в глаза, улыбнулся Егер. — Давайте присядем на скамейке в саду, — предложил Отто, беря девушку за руку. Она охотно повиновалась.

— Те двое, Шульц и Брауэр, как только вы ушли, набросились на Ратнера с расспросами, какой вы занимаете пост, откуда прибыли, что вы здесь делаете, где с ним познакомились. Ратнер на это только ухмылялся. Потом я услышала, как Брауэр сказал: «Я его провожу...» — и сразу же покинул ресторан. Следом за ним ушел Шульц, а Ратнер остался.

— Вы думаете, Брауэр имел в виду меня? — спросил Егер. — Любопытно. Что еще?

«Неужели следил за мной? Зачем? С какой целью?» — тревожно подумал Егер.

— Кажется, все, — вздохнув, произнесла Матильда.

— Вспомните все до мелочей, что касалось моей персоны. Какие задавались вопросы и как вы отвечали? Это важно... — попросил Егер.

Матильда на минуту задумалась, а потом решительно заявила:

— Я все сказала.

— Ваше сообщение для меня представляет немалую ценность, и я благодарен вам. Ну, а теперь пора спать. Утро вечера мудренее. — Егер встал со скамейки.

Они вошли в дом и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам.

Егер долго ворочался в постели не в силах заснуть. Несоознанное чувство тревоги не покидало его.

VIII

На следующий день Шульц рано утром позвонил Брауэру.

— Как самочувствие? — поинтересовался он у шефа гестапо.

— Немного лишнего позволил себе вчера. Болит голова,— ответил Брауэр.

— Зато вы приобрели полезное знакомство. Удалось поводить его? — полюбопытствовал Шульц.

— Конечно. Он остановился в доме Гофмана, дочь которого вас так любезно обслуживала вчера.

— А ведь она и виду не подавала,— воскликнул уязвленный Шульц.— Может быть, скажете, где работает ваш коллега? — допытывался Шульц.

— Отвечу несколько позже,— заверил Брауэр.

— Но он действительно нездоров. Это подтвердил и Ратнер.

— Кстати, о Ратнере. Не могли бы вы прислать его ко мне на часок? Нужно кое о чем поговорить с ним.

— Пожалуйста. Что-нибудь нового добыли о Лотте?

— Ваш Ратнер поддерживал с ним знакомство. Как вам это нравится? — не без иронии в голосе произнес Брауэр.

— Любопытно. Выходит, Лотта вы задержали? Поздравляю.

— Точно в воду канул,— вздохнул Брауэр.

— Жаль. Впрочем, от вашей службы далеко не уйдешь, — решил польстить Шульц. — Увидите своего коллегу, передавайте ему привет, мне он понравился, — заканчивая разговор, попросил Шульц.

— Хорошо. Итак, я жду Ратнера,— напомнил Брауэр.

— Договорились.

Шульц положил трубку на телефонный аппарат и надолго задумался.

«Где я встречал фамилию Егер?» — ломал голову Шульц.

А Брауэр тем временем сидел у себя в кабинете, ожидая прихода Ратнера. Ему предстоял щекотливый с ним разговор, и он обдумывал, как бы потактичнее и умнее осуществить его.

Наконец Ратнер появился.

— А, господин Ратнер, пожалуйста, проходите и садитесь. Я попросил господина Шульца о нашей встрече. И благодарен ему и вам за приход ко мне сюда,— встретил его с распростертыми объятиями Брауэр.

— Когда гестапо говорит садитесь — это звучит особо,— заметил Ратнер, криво ухмыляясь.

— Ну, зачем так? Я к вам, между прочим, отношусь с добрыми чувствами.

— Я слушаю вас, господин Брауэр.

— Опять официальный тон. Не хотите ли рюмку коньяку? — предложил Брауэр, указывая жестом в сторону уже накрытого столика в уголке кабинета.

Ратнер не заставил себя долго ждать. Брауэр любезно наполнил рюмки.

— Ниогда бы не подумал, что в гестапо встречают с коньяком, — заметил Ратнер.

— Каждому свое, господин Ратнер. Ваше здоровье!

— Благодарю вас. Но, когда гестапо пьет за твое здоровье, значит, жди беды.

— Да вы, оказывается, шутник. Впрочем, я и пригласил вас, господин Ратнер, чтобы помочь вам избежать беды, — ухватился Брауэр за мысль своего собеседника. — У меня к вам имеется один небольшой разговор... Но прежде несколько вопросов, если позволите. Скажите, пожалуйста, вы часто встречались с господином Лоттом, владельцем магазинчика, что на углу Центральной улицы?

«Вот оно что, — с опаской подумал Ратнер. — Он явно хочет пришить мне дело. Фотограф, Лотт и я. Неужели докопались до моих долгов? Не может быть. Лотт после случая с фотографом тут же закрыл магазин и куда-то уехал. А если его поймали и он все рассказал? Ведь это гестапо. Как тогда быть?»

Ратнер испытующе посмотрел на Брауэра, но тот сделал вид, что рассматривает этикетку на бутылке.

— Как вам сказать, господин Брауэр, часто или нет? — медленно, собираясь с мыслями, начал Ратнер. — В его магазинчике я всегда покупал отличные чернила для ручки и еще кое-что по мелочи...

— Конечно, конечно. И я пользовался его услугами... Ну, а на квартире вы у него бывали?

— На квартире?! — переспросил Ратнер. («Значит, и это им известно, — мелькнуло у него в голове. — Кажется, он определенно пришьет мне дело», — все больше ощущая тревогу, подумал Ратнер.) — Помню, как-то у него в магазине не оказалось фиолетовых чернил, и он предложил мне зайти к нему на квартиру... Это было как раз перед закрытием магазина. Ну, я согласился.

— И часто вы после закрытия магазина соглашались заходить к нему? — с иронией спросил Брауэр.

— Один раз... — соврал Ратнер.

— Один раз, значит. Хорошо. Пусть будет так. Я верю вам. И что вы у него делали? — продолжал допытываться Брауэр.

— Получил нужные чернила и ушел,— продолжал лгать Ратнер.

— И он вас не оставил у себя и ничем не угостил?

— Предлагал. Но я спешил.

— Понятно. Еще по рюмочке? За ваше здоровье, — предложил Брауэр, снисходительно улыбаясь. «Каким орлом ты был в ресторане и какой курицей стал сейчас», — брезгливо подумал Брауэр.

Ратнер ухватился за предложение выпить и с жадностью опрокинул содержимое рюмки в рот.

Несколько минут они сидели молча.

— Ничего не хотите добавить по поводу вашего знакомства с Лоттом? — нарушил молчание Брауэр.

— Я, кажется, все сказал.

— Кажется?! Нам гораздо больше известно,— в свою очередь соврал Брауэр. — Вам грозят большие неприятности.

При этих словах Ратнер непроизвольно вздохнул.

— Я надеюсь, мы найдем общий язык. Разумеется, я могу имеющимся у меня сомнительным материалам не дать хода, так сказать, на время их затормозить. Но за это, сами понимаете, надо платить. Тут ничего не поделаешь. Вы уловили? — с циничной улыбкой спросил Брауэр.

— И чем же, интересно, я должен расплачиваться? — с солдатской прямоотой спросил Ратнер, облизывая пересохшие губы. — Разрешите еще рюмочку?

Брауэр не разрешил. Он понимал состояние Ратнера и не давал ему возможности расслабиться.

— Зачем так грубо — «расплачиваться»? Просто услуга за услугу,— ответил он.

— Что я должен делать?!

Только при этих словах Брауэр наполнил рюмки.

— Пустычок. Маленький пустычок.

IX

Егер проснулся поздно. Он еще лежал в постели, когда услышал шаги по лестнице. Кто-то поднимался к нему.

— Войдите, — отозвался он на стук в дверь.

На пороге комнаты появилась Эльза:

— Доброе утро. Уж и впрямь не заболели ли вы? Матильда говорит: иди, мама, что-то задерживается наш гость к завтраку. Мы ждем вас.

— Извините. Но вы напрасно беспокоитесь. Я сейчас.

Эльза ушла. Егер быстро побрился, привел себя в порядок... Эльза и Матильда ждали его, не притрагиваясь к еде.

— Доброе утро,— приветствовал их Егер,— Извините, что заставил вас ждать.

— Салатику вам положить? — обратилась Эльза к Егеру.

— Не беспокойтесь, я сам положу.

Несколько минут они ели молча.

— Я хочу предложить вам любимое кушанье папы и знаю наверняка, оно и вам понравится. Мама специально приготовила для вас свиные ножки,— заявила Матильда.

— Матильда, нехорошо выдавать секреты,— заметила Эльза.

— Что тут такого, подумаешь?! Верно, Отто? — обратилась она к Егеру.

— Любые секреты положено хранить.— И Егер впервые за утро прямо, не таясь, посмотрел на Матильду.

— Сдаюсь, — согласилась Матильда, уткнувшись в тарелку.

— Фрейлейн Матильда, вы как-то обещали показать мне окрестности города. Было бы кстати проветриться, а?

— Кофе? — предложила Эльза.

— С удовольствием,— откликнулся Егер.— От кофе не откажусь.

Через несколько минут они выехали за город, все дальше и дальше углубляясь в сторону гор. Затем машина проехала мимо бетонной дороги, уходящей вправо от шоссе в глухой лес. По обеим сторонам дороги стояли большие запретные знаки въезда.

— Это та зона, о которой вы мне говорили? — поинтересовался Егер.

— Да.

Егер зорко оглядывал убегающую полосу шоссе в лес, за которым виднелись горы. «Вот, оказывается, откуда начинается запретная зона»,— подумал он с удовлетворением и прибавил газу.

Х

Штурмбанфюрер СС Брауэр после ухода Ратнера остался один. Он несколько минут ходил по кабинету, затем позвонил Шульцу.

— Господин полковник, говорит штурмбанфюрер Брауэр. Когда могу вас видеть? Есть разговор.

— Я жду вас.

Через несколько минут Брауэр входил в кабинет Шульца.

— Слушаю вас.

— Мною получена ориентировка, сообщающая о том, что к спецхранителям проявляет интерес советская разведка, и предлагается в этой связи принять дополнительные меры по охране объекта и режиму работы на нем. Особое внимание обращается на работу среди гражданского населения, но это уже по моей части,— доложил Брауэр.

— Речь идет конкретно о нашем «молоке»? — поинтересовался Шульц.

— Об этом прямо не говорится, но, конечно, это имеется в виду, тем более что факт с фотографом говорит сам за себя,— заключил Брауэр.

— Хорошо, я приму соответствующие меры.

— И еще один вопрос. Речь пойдет о Ратнере. Я имел с ним беседу и убедился, что это ненадежный человек. Его связь с Лоттом заслуживает особого внимания. Правда, у меня нет прямых фактов, говорящих о том, что она носила преступный характер, но он посещал его квартиру, поддерживал контакт, наверняка выпивал там и мог выбалтывать служебные тайны. Как он это может, вы сами убедились в ресторане.

— Ваше предложение?

— От греха подальше...

— Согласен. Сегодня же выйду с соответствующим ходатайством и отстраню его от работы.

— Не надо торопиться с отстранением. Мне нужно проверить еще один факт, имеющий к нему отношение.

— Надеюсь, для этого не потребуется много времени. Вы знаете, Ратнера я держу лишь потому, что он хорошо знает охраняемый объект...

XI

Брауэр все же решил лично и более тщательно поинтересоваться, что собой представляет Егер, узнать о столь высоком своем коллеге как можно больше данных и тем самым потешить свое самолюбие, с кем свел его случай познакомиться, да еще в такой глуши, какой является это место.

Он вызвал машину и поехал в комендатуру местного гарнизона. Комендант гарнизона майор Раш, увидев входящего Брауэра, стоя приветствовал его.

— Я хочу посмотреть картотеку на вновь прибывших за последнюю неделю.

— О, их было немало, численность все увеличивается и увеличивается, не успеваем разбираться с конфликтными ситуациями.— Раш снял телефонную трубку, распорядился:— К вам пойдет штурмбанфюрер господин Брауэр, покажите ему картотеку на прибывающих в гарнизон военно-служащих.

Брауэр зашел в комнату дежурного. В его распоряжение была предоставлена картотека, и среди нескольких карточек он довольно быстро нашел одну, нужную ему.

«Вот она»,— подумал Брауэр, внимательно рассматривая кусочек картона.— «Отто Егер,— прочел Брауэр, — 1913 года рождения, уроженец Дюссельдорфа, член национал-социалистической партии с 1932 года, штандартенфюрер СС, заместитель начальника отдела Главного управления имперской безопасности, прибыл с восточного фронта на отдых после контузии на три месяца. Удостоверение № 15/1/4575. Штраусштрассе, 42, 20 июля 1943 года».

Брауэр положил карточку на место. Поблагодарил дежурного офицера и вышел на улицу, намереваясь тотчас взяться за работу.

«Заместитель начальника отдела Главного управления»,— с уважением подумал он об Егере, садясь в машину, вскоре доставившую его на работу. Едва он вошел в кабинет, зазвонил междугородный телефон. Брауэр снял трубку. Между ним и абонентом произошел следующий разговор:

Брауэр. Слушаю вас.

Абонент. Привет, Карл.

Брауэр. А, здравствуй, Ганс! Чем порадуешь?

Ганс. А ты? Что нового слышно у тебя?

Брауэр. Скоро конец Москве, на сей раз без дураков.

Ганс. Откуда такие новости?

Брауэр. Говорило одно важное лицо, только что прибывшее с восточного фронта.

Ганс. Важное?! Кто же это такой?

Брауэр. Штандартенфюрер Егер.

Ганс. Отто Егер?! Штандартенфюрер СС?!

Брауэр. Да... А ты его знаешь?

Ганс. Как же не знаю? Я с ним вместе учился, а теперь до него не так-то легко дотянешься. И что он у тебя делает?

Брауэр. Отдыхает после контузии.

Ганс. Увидишь, передавай ему привет. Скажи, от Очкарика, так меня в школе дразнили. Надолго он приехал?

Брауэр. На три месяца.

Ганс. Ну, тогда я, возможно, выберусь, чтобы повидать его. Я тебе звоню вот почему. У меня комиссия из Вены, скоро нагрянет к тебе. Так что имей в виду.

Брауэр. Спасибо, Гансик, что предупредил.

Ганс. Ну, будь здоров.

Брауэр. До свидания.

Брауэр положил трубку. Задумался. Потом нажал на кнопку электрического звонка. Вошла молоденькая секретарша.

— Соберите ко мне личный состав к семнадцати польноль,— отдал он распоряжение.— Я буду через час.

XII

Зашыхавшись от быстрого подъема по лестнице, Матильда постучала в комнату Егера. Гость в это время раскладывал пасьянс.

— Вас спрашивает Брауэр или Баруэр, никак не могу привыкнуть, как его правильно называть, ну, тот господин, который возглавляет гестапо,— выпалила Матильда. На ее лице отразилась тревога.— Он в саду.

— Штурмбанфюрер Брауэр? — удивился Егер. — Что ему нужно?

— Не знаю. Говорит, заскочил на минутку.

«Сто один, сто два, сто три, сто четыре, сто пять,— успокаивая себя, начал отсчитывать Егер.— В саду...— Егер подошел к окну, осторожно отодвинул занавеску. Брауэр стоял около клумбы. Рядом Эльза что-то ему объясняла.— Сто шесть, сто семь, сто восемь»,— продолжал счет Егер.

— Что вы ему сказали?

— Вы дома, но не совсем здоровы. Не так, да? — забеспокоилась было Матильда.

— Умница. Все так. Я сейчас спущусь...— произнес в раздумье Егер. — «Сто девять, сто десять, сто одиннадцать». — Хотя... пожалуй, будет лучше, если вы приведете его сюда.

Оставшись один, Егер быстро достал из шкафа офицерский френч, повесил его на вешалку, затем достал из ящика разные лекарства и разложил их на столике, а едва услышав шаги, быстро прилег на диван.

— Вам ничего не нужно, господин Егер? — с порога

озабоченно осведомилась Матильда. Рядом с ней стоял Брауэр.

— Благодарю, фрейлейн, если что потребуется, я приглашу вас.

Матильда ушла.

— Присаживайтесь, штурмбанфюрер, рад вашему приходу. Я немного нездоров, но, надеюсь, это не очень помешает нашей беседе,— устало произнес Егер.

— Извините, что решил побеспокоить вас. Но ваше намерение пригласить к себе придало мне смелости проявить инициативу и осведомиться о вашем здоровье.— Брауэр бросил быстрый взгляд на столик, где лежали лекарства.— Не окажусь ли я вам чем-либо полезным? Сочту за честь,— изощряясь в словесности, закончил Брауэр.

— Право же, мне ничего не надо, кроме... тишины, — сказал Егер.

— Вам тут удобно? — допытывался Брауэр, внимательно оглядывая комнату; его взгляд несколько секунд задержался на френче, отметил большую планку орденов и затем остановился на авторучке, лежавшей на письменном столе.— Если что будет нужно, не стесняйтесь, я к вашим услугам.

— Благодарю вас, непременно воспользуюсь...

Егер как бы машинально посмотрел на часы, взял со столика пузырек с лекарством и, отсчитав несколько капель в стакан, выпил. Брауэр с сочувствием наблюдал за его движениями.

— Где же это случилось?

— Под Курском. Во время проведения операции, — ответил Егер.— Фу, какая гадость.— Он поморщился.

— Я, собственно, пришел, чтобы передать вам привет от вашего однокашника — Очкарика. Вчера он мне звонил.

— Очкарик?! — переспросил Егер. — Ах, Очкарик! — как бы вспомнив, воскликнул он.— Благодарю вас. А где он сейчас работает? — спросил как можно спокойнее Егер. «Вот оно, начинается,— подумал он, собираясь с мыслями.— Сто один, сто два, сто три, сто четыре, сто пять...»

— Он возглавляет гестапо в соседнем городе. Обещал заглянуть к вам, после того как закончит работу комиссия.

— Рад буду встретиться с ним. Давненько его не видел. Как он поживает? — решил взять на себя инициативу разговора Егер.

— Неплохо. На хорошем счету у начальства. Недавно его наградили. Накрыл большую подпольную группу.

— Он и раньше отличался сообразительностью... Штурмбанфюрер, вы не могли бы дать его телефон?

— Мы пользуемся служебной связью. Вы можете заказать город и спросить начальника гестапо. Вас соединят.

— Непременно позвоню ему. При случае передайте ему мой сердечный привет и скажите, что рад буду принять его у себя... После того как вернусь из Берлина.

— Вы уезжаете?

— Ненадолго. Мне необходимо встретиться с шефом и заодно решить кое-какие дела.— Егер снова посмотрел на часы.

— Вы устали, и мне тоже пора. Позвольте покинуть вас? — спросил Брауэр.

— Жаль терять приятного собеседника, но что поделаешь... — Егер развел руки в стороны.

Однако Брауэр не спешил покинуть комнату. Он нерешительно переминался с ноги на ногу, готовясь что-то сказать.

— Простите, штандартенфюрер, но мне хотелось бы предупредить... это касается нашей службы... — Брауэр смущенно умолк.

— Слушаю вас.

— Дело в том, что вам не следует, то есть лучше будет, если вы перестанете принимать у себя Ратнера. — И он снова бросил взгляд на ручку.

— Неблагонадежное лицо?

— Так точно.

— А в чем это выражается, если, конечно, не секрет?

— Понимаете, — начал Брауэр, — он замешан в одной подозрительной истории и к тому же много пьет, болтает лишнее... и, вообще, о нем стоит вопрос...

— Отправить на восточный фронт, — добавил Егер.

— Так точно.

— Благодарю вас за совет, штурмбанфюрер.

— Рад быть вам полезным. Кстати, кто вас лечит? — спросил Брауэр.

Егер почувствовал в этом вопросе не просто человеческое участие: он понимал, с кем имеет дело, и потому был начеку.

— Мои доктора перед вами. — Он показал на грудь лекарства. — Но я был бы вам признателен, если бы вы могли порекомендовать мне хорошего специалиста, — решил идти ва-банк Егер.

— У меня на примете есть один профессор, он здесь отдыхает, думаю, он будет вам полезен, — ответил Брауэр.

— Благодарю вас.

Брауэр ушел, оставив в душе Егера сомнения и тревогу. Он долго ломал голову: зачем приходил Брауэр?! Неужели только затем, чтобы передать привет от невесты откуда появившегося Очкарика? Черт бы его подрал. Надо же так сложиться обстоятельствам. И это накануне грядущих событий... Откуда объявился его «знакомый», который к тому же собирается повидать его? А врач-профессор? Что это? Случайность или нечто большее? С гестапо шутки плохи.

Егер ходил по комнате и не мог успокоиться. Раздавшийся стук в дверь вывел его из этого состояния.

— Войдите,— мгновенно беря себя в руки, сказал он.

Вошла Матильда. Она широко улыбалась.

— Знаете, что он мне сказал?! Он сказал, что обрел в вашем лице товарища и друга.

— Вы рады, фрейлейн Матильда? Я тоже доволен... А сейчас извините, я немного утомился и мне нужно отдохнуть. Вы не обидетесь на меня? — Сейчас ему нужен был Ратнер, только он, и поэтому приходилось спешить. — Кстати, фрейлейн Матильда, у меня к вам просьба. Мне необходимо встретиться с Ратнером, и причем как можно скорее.

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего.

— Он будет рад с вами встретиться: он сам этого ждет.

— Значит, наши желания совпадают. На завтра можно рассчитывать?

— Как вам будет угодно.

— Жду вас к четырем часам дня.

На следующий день Матильда на два часа раньше обусловленного времени привела Ратнера в дом. Егер в это время находился в саду и, посмотрев на часы, недоуменно пожал плечами.

— Что случилось? — как можно спокойнее спросил Егер.

— Он чем-то расстроен и попросил меня как можно быстрее устроить встречу с вами. Я была вынуждена...

— Хорошо. Идемте...

В гостиной Ратнер нервно расхаживал из стороны в сторону.

— Хайль! — вскинул руку Ратнер и вытянулся в струнку. — Штандартенфюрер, я очень нуждаюсь в вашем совете, если позволите. Не откажите в любезности выслушать меня.

Егер жестом показал наверх, приглашая Ратнера в свою комнату.

— Я только что хотел закутить. Не составите ли компанию? — спросил Егер.

— Очень кстати, я голоден.

— Поскольку вас еще ждет работа, я не предлагаю вам спиртного, — наполняя свою рюмку, произнес Егер.

— Напротив, сейчас я свободен от работы, — как бы оправдываясь, заметил Ратнер.

— В таком случае за ваше здоровье. — И Егер придвинул к Ратнеру рюмку. — Так что с вами случилось?

— Не знаю, с чего и начать. Разрешите мне быть с вами откровенным, поскольку вы являетесь представителем столь могущественного учреждения... — взволнованно начал Ратнер. — Вокруг меня намотался какой-то клубок. И все это идет от Брауэра. Какие-то высказываются подозрения, дело дошло даже до шантажа...

— Скажите, в чем суть собранных на вас сомнительных сведений?

— Вот, вот, сомнительных... Он так мне и говорил, — обрадовался Ратнер, услышав знакомое слово.

— Кто говорил?

— Штурмбанфюрер Брауэр. Тут недавно в охраняемой зоне «молоко» был задержан фотограф...

— Вы что, охраняете молоко? — перебил его Егер.

— Извините... Привычка... Бензохранилище. Прежний шеф пытался добиться от него признания, с какой целью он там оказался и что фотографировал, но немного погорячился... и тот скончался... Гестапо узнало, что фотографа видели до этого в магазине Лотта, а я с ним был немного знаком... Ну, вот поэтому гестапо и шьет мне дело...

Егер встал, подошел к приемнику, включил его.

— А какие у вас в действительности были отношения с Лоттом? — полюбопытствовал Егер, стараясь придать голосу спокойный, ровный, независимый тон.

— Обычные. Заходил к нему в магазин, как и все, покупал блокноты, карандаши, ручки, чернила...

Егер внимательно посмотрел в глаза Ратнеру, но тот выдержал его пристальный взгляд.

— По-моему, вы неискренни, господин Ратнер.

— Я?!

Егер понимал состояние Ратнера и поэтому не торопил собеседника.

— Я говорю правду, — наконец выдавил из себя Ратнер. — Обычные житейские отношения. И почему они вдруг могут меня компрометировать?

— Это дело гестапо. Я хочу одно понять, если ваши отношения с Лоттом, как вы говорите, носили обычный житейский характер, то чего, собственно, вам тогда бояться?

Ратнер при этом вопросе посмотрел на Егера и, не выдержав его взгляда, опустил глаза.

— Пп-они-маете... есть одно пикантное обстоятельство...— после некоторого раздумья произнес Ратнер.

— Какое? Мне нужна только правда.

— Я ему немного... задолжал... и не успел возвернуть.

— Вот видите, а если Лотт — враг рейха? Больше того — агент иностранной разведки? Ведь не случайно он пытался скрыться после задержания фотографа. Тогда что? — На слове «пытался» Егер сделал особый акцент и при этом заметил, как Ратнер побледнел.

— Клянусь, — начал было он, но, спохватившись, замолк.— Помогите... Век буду вашим рабом, помогите, — умоляюще произнес Ратнер.

— Садитесь. Обсудим обстановку, — предложил Егер, обдумывая, с чего начать разговор.

Ратнер тем временем дрожащими руками схватил со стола бутылку и жадными глотками начал прямо из горлышка поглощать коньяк. Егер отнял у него бутылку, поморщился.

— Возьмите себя в руки. И расскажите подробно ваш разговор в гестапо, — приказал Егер.

— В гестапо? Ах, да, у Брауэра...— начал Ратнер.— Он все время допытывался о моих взаимоотношениях с Лоттом, спрашивал, знал ли я его, как познакомился, встречался ли с ним и где... Намекал на неприятности... Да, да, на неприятности. И тут же предложил мне сделку: он не даст хода имеющимся на меня сомнительным материалам, а я за это должен сделать... слепки ключа к сейфу шефа... Я согласился...

— Грубо, но зато наверняка,— заметил Егер.— Еще чем интересовался у вас Брауэр? — спросил Егер.

— Ничем больше. Клянусь честью.

— Прямо скажу, ваше положение не из приятных... Однако попробуем что-нибудь придумать. — Егер встал, начал медленно прохаживаться по комнате. Так продолжалось несколько минут, и все это время Ратнер не сводил с него тревожного взгляда.

— Вы заслуживаете презрения, но я попробую уладить ваше дело. И сделаю это только ради Матильды, — наконец нарушил молчание Егер. При этих словах Ратнер подско-

чил со стула, но Егер с осуждением посмотрел на жалкого визитера. — Мне нужно в конфиденциальной обстановке встретиться с вашим шефом, а затем уже с Брауэром. Для этого мне необходим пропуск к Шульцу. Надеюсь, вам это не доставит особых хлопот?

— Право подписи на пропусках имеет только Шульц, однако я постараюсь.

— Хорошо. Передадите его Матильде. И больше ко мне не приходите. И, наконец, последнее. Нарисуйте схему расположения охраняемого объекта и как туда пройти. Вот бумага и карандаш.

— Извините, штандартенфюрер, я сейчас в таком состоянии...

Егер уловил в голосе Ратнера нотки неуверенности.

— Делайте, что вам говорят.

Ратнер принялся старательно чертить план расположения объекта. Он долго сопел над ним.

Егер терпеливо ждал.

— Когда лучше застать у себя шефа? — спросил он.

— Во второй половине дня, с четырнадцати до восемнадцати часов. До обеда он находится, как правило, в районе хранилища, — последовал ответ Ратнера.

— Понятно. Если я завтра получу пропуск, то сразу же поеду к нему. Думаю, что при данной ситуации нельзя дальше откладывать.

— Да, да, вы правы, надо спешить. Я вам очень благодарен.

— Не стоит благодарности, господин Ратнер. Кстати, зачем Брауэру потребовались слепки ключей от сейфа, он вам не объяснил?

— Не сказал. Но я-то понимаю, о чем идет речь. Только у него и шефа находится по экземпляру ключей от потайного сейфа в кабинете Шульца, где находится кнопка... на особый случай. Думаю, что он свой экземпляр ключа потерял на охоте — он часто на это место потом ездил и что-то искал. Наверное, боясь огласки и неприятностей по службе, решил таким образом его восстановить.

— А вы начали соображать, — улыбаясь, заметил Егер. — Особый случай... А вы не догадываетесь, для чего эта кнопка? — с безразличным видом спросил Егер, играя на самолюбии и таким образом подталкивая Ратнера на откровенность.

— Хранилище заминировано и в момент угрозы нападения или захвата его можно фью... и все по-ле-тит к чер-

тям. — Ратнер выбросил обе руки вверх и едва не свалился с кресла.

— Знакомое дело, — подавляя радость, заметил Егер. — Еще есть ко мне вопросы?

— Н-нет, никаких.

Егер проводил Ратнера до выхода.

XIII

На следующий день к Егеру наведалься профессор. Егер никак не мог отделаться от мысли, что он где-то его видел. Но где? Профессор был вежлив и предупредителен. Он тщательно осмотрел Егера, проверил давление, прослушал сердце и пульс, помял живот, постучал пальцем по коленкам. И чем тщательнее он старался познать состояние больного, тем больше Егер мучился вопросом: где он мог видеть профессора? Этот характерный взлет бровей, слегка с горбинкой нос, глаза навывкате и... бакенбарды. Бакенбарды?! И вдруг словно молния обожгла его. Он вспомнил: ведь это вылитый портрет, нарисованный Лоттом. Да, да, Лоттом. Это тот самый «профессор», который, очевидно, выполняя задание гестапо, имел подход к Лотту. От этой догадки у Егера сильнее забилося сердце. Что это все означает? Старый прием гестапо или же простое, хотя и странное, совпадение, которое не должно волновать Егера?

— У меня к вам несколько вопросов, господин штабс-тенфюрер, — наконец сказал «профессор». — При каких обстоятельствах вы получили контузию?

Егер понял направленность вопроса «профессора», ответил:

— Выполняя задание, наскочил на мину, и меня подняло воздушной волной. Очнулся только в госпитале. И с тех пор меня преследуют адские головные боли, вплоть до потери сознания.

— Понятно. Что вы принимали? — «Профессор» внимательно осмотрел все лекарства, которые показал ему Егер, и сказал: — Мне добавить к тому, что у вас имеется, нечего. Могу только порекомендовать постоянно бывать на воздухе и избегать острых эмоций.

— Благодарю вас, профессор. Я так и поступаю.

— Вот вам мой телефон, и я всегда к вашим услугам. Правда, через неделю я отбываю, но время еще есть.

Однако «профессор» не спешил уходить.

— Впрочем, я выпишу вам рецепт, в трудную минуту это лекарство облегчит ваше состояние. — «Профессор» на-

чал ощупывать свои карманы, разыскивая ручку. — Куда же она запропастилась?! Позвольте воспользоваться вашей? — обратился он к Егеру.

— Пожалуйста.

«Профессор» проворно подошел к столу, взял авторучку, выписал рецепт.

— Прекрасная ручка, — не удержался он от похвалы.

— Перо немного барахлит. Между прочим, приобрел здесь, — откликнулся Егер.—Никогда бы не подумал, что в такой провинции может оказаться «Паркер».

— Вам повезло, — откликнулся «профессор».

— Почему? — удивился Егер.

— Магазин закрыт, владелец, говорят, скрылся.

— Выходит, обанкротился. Жаль, а я только собрался заменить ручку.

«Профессор» ничего на это не ответил. Молча откланялся и ушел.

XIV

Генерал Фролагин сидел у себя в кабинете, когда полковник Марков доложил ему по телефону о том, что от Аиста получено срочное сообщение.

— Заходите ко мне, — сказал генерал и положил трубку на аппарат.

Марков не заставил себя долго ждать. Войдя в кабинет, сразу же положил на стол начальника отдела зеленую папку.

— Вот это сообщение...

Генерал неторопливо прочел, какое-то время сидел задумавшись, потом встал из-за стола, прошелся по кабинету.

— Молодец Аист, — наконец сказал он. — Вот, что значит опыт, умение и дерзость... Как ваше мнение, Владимир Александрович?

— Да, но и Жаворонок сделал свое дело, иначе и Аисту пришлось бы туго.

— Разумеется. Кстати, пригласите его ко мне, вместе обсудим создавшуюся ситуацию.

Через минуту Марков вернулся вместе с Жаворонком.

— Здравствуйте, Анатолий Афанасьевич! Как здоровье? — приветствовал генерал вошедшего.

— Здравствуйте, товарищ генерал. На здоровье пока не жалуюсь.

— Вот и отлично. Прочтите.

Жаворонок принял от генерала папку с документом, надолго углубился в чтение.

— Могу только позавидовать, — наконец сказал он.

— Без вашей работы еще не известно, как бы сложились дела... Итак, каково будет мнение? С каким предложением будем выступать? — обратился генерал к присутствующим.

— Раз Аист докладывает, что другой возможности нет... придется согласиться с его предложением, — первым высказался Марков.

— Придется, — заметил Жаворонок.

— Такой ценой?! Анатолий Афанасьевич, скажите, действительно никак нельзя иначе подступиться к этому бензохранилищу?

— Фашисты умеют охранять, а потом, мне говорили, что «молокозавод» расположен в таком месте, куда сам черт не проникнет... Если только с неба, на парашюте...

— Да... А время не ждет. Сегодня опять звонили, торопили... Воздушная разведка отмечает активную переброску горючего к фронту с этого направления... Хорошо! Владимир Александрович, срочно подготовьте на доклад телеграмму о согласии с предложением Аиста. Особо подчеркните, чтобы он зря не рисковал жизнью... По возможности.

— Телеграмма подготовлена. Ваше указание об обеспечении безопасности семьи Гофмана тоже исполнено.

— Хорошо. Ну, как говорится, с богом.

XV

Брауэр ушел от Егера со смешанным чувством. Вроде бы его встреча с ним прошла нормально, если не считать двух моментов. Во-первых, ему показалось, что Егер не сразу признал своего знакомого — Очкарика. Переспросил. Правда, на первый взгляд, здесь ничего противоестественного нет. Можно и забыть. Тем более когда речь идет о давно минувшем времени. Но Брауэра смутили интонация голоса, с какой было произнесено слово Очкарик, и настороженный взгляд. В них он уловил тревогу. Второе, что бросилось ему в глаза, — авторучка. Такие ручки продавались в магазине Лотта. Он послал своего осведомителя к Егеру, так, на всякий случай, проверить, как тот будет реагировать. Судя по сообщению осведомителя, Егер не скрывал, что купил ручку в магазине Лотта и при разговоре вел себя естественно и непринужденно. Разве это криминал? Конечно, нет. Однако в данной ситуации все может иметь значение. И оставлять этот факт без внимания нельзя, тем более что ручка является паролем, с которым должен появиться разыскиваемый им вражеский связник. Надо проверить все до конца, чтобы не было никаких сомнений.

Брауэр был человеком действия и не любил ничего откладывать на завтра. Первым делом он позвонил своему коллеге Гансу Клиберу, который когда-то учился с Егером.

— Ганс? — спросил Брауэр, когда ему ответили на другом конце провода.

— Хайль! Ты чего хотел? — услышал он в трубке голос Ганса.

— Только что встречался со штандартенфюрером Отто Егером. Он передает тебе сердечный привет и просит немедленно приехать, так как послезавтра уезжает в Берлин и больше не вернется сюда.

— Уезжает?! Совсем?! Черт возьми, что же делать, я очень занят, у меня же комиссия. Значит, не судьба.

— Он бы сам к тебе подъехал, но плохо себя чувствует. Отпросись на денек, ничего за это время не случится. Кстати, ты и мне очень нужен, хочу кое о чем с тобой посоветоваться. Слышишь?

— Слышу. Ладно, попробую. Жди меня в пятнадцать ноль-ноль.

— Жду, — последовал ответ Брауэра.

Положив трубку, Брауэр задумался. «Может быть, зря я заварил эту кашу? Впрочем, чем я рискую? Ничем. Наоборот, устраю приятную встречу двух друзей, глядишь, и мне будет польза...»

Эта мысль окончательно его успокоила.

XVI

Полковник Шульц сидел у себя в кабинете, разбирая очередную почту, когда вдруг раздался телефонный звонок. «Кто бы это мог быть? В выходной день не дают покоя», — подумал, поморщившись, Шульц, беря трубку телефона.

— Вы у себя, господин полковник? — услышал он в трубке голос штурмбанфюрера Брауэра.

— А где же мне еще быть? — сухо ответил Шульц.

— Есть интересные новости, — не обращая внимания на холодный тон Шульца, сказал Брауэр.

— Новости?! — оживился Шульц. — С фронта?

— Касательно штандартенфюрера Егера.

— А-аа. Очень важные?

— Да.

— Жду вас у себя.

Через полчаса Брауэр с загадочным видом появился в кабинете полковника Шульца.

— Что случилось? — встретил Шульц Брауэра, как только тот переступил порог кабинета.

— Вы как-то проявили интерес к дядюшке Егера... Так вот мною получен ответ. — И при этих словах Брауэр полез в карман.

— Любопытно.

— Извольте познакомиться. — Брауэр положил перед Шульцем сложенный пополам лист бумаги. Это была расшифрованная телеграмма из Берлина.

Полковник Шульц развернул телеграмму. Наступила минутная пауза. Оторвавшись от бумаги, Шульц посмотрел на Брауэра.

— И что вы думаете? — спросил он Брауэра, возвращая ему телеграмму. Ему как опытному в прошлом контрразведчику было интересно послушать выводы и рассуждения гестаповца.

— Хватать надо его — и в камеру.

— Хватать? — поморщился Шульц.

— А что? Ведь ясно, что он никакого отношения к герцогу Егеру не имеет. Какой он к черту его племянник, когда тот находится в госпитале. Шпион он как пить дать. Я нюхом чувствую.

— Вы забыли о его звании... Хватать... В камеру... Грубо, Брауэр. Больше выдержки и терпения. Если он, как вы говорите, шпион, то шпион умный и смелый. Ваша обязанность перехитрить его, выявить связи и не дать нанести ущерб нашей империи. Подумайте, как это сделать. Можете на меня рассчитывать.

— Понятно. Благодарю вас. У меня есть идея. Поехали сейчас к нему! Прижмем его к стене, и все тут.

— Не торопите события... Вам не надо показываться на глаза, хватит того, что вы уже его однажды посетили. Теперь очередь моя. — И Шульц посмотрел на часы. — Пожалуй, сейчас и время. — Он встал из-за стола, сладко потянулся. — Я вспомнил, где встречался с герцогом Егером, и кое-что мне тоже удалось. Вам рекомендую установить плотное агентурное наблюдение за Егером. Подумайте об использовании хозяев дома, где он остановился. Ну да не мне вас учить. Действуйте.

Брауэр слушал Шульца и удивлялся профессиональным навыкам, которые обнаруживал в своих рассуждениях армейский офицер полковник Шульц. Брауэр не знал, что Шульц работал в контрразведке абвера...

Когда Матильда, запыхавшись, поднялась вверх к Отто Егеру и сообщила ему о приходе полковника Шульца, тот

не удивился его визиту и хладнокровно принял известие. В условиях захолустья, затерянного в горах заштатного городка, где, кроме единственного ресторана «Жозефина», нигде больше не было возможности провести время, тяга к общению с равными по положению людьми была особенно притягательна и естественна. Так рассуждал Отто Егер. Будучи развечиком, он был начеку и приход Шульца рассматривал прежде всего как попытку прощупать его.

— Матильда, идите к себе и приготовьте угощение для Шульца.

Когда Матильда ушла, Егер вынул из чемодана конверт с фотографиями, положил его на видное место.

Вскоре раздался стук в дверь.

— Войдите, — последовал ответ.

— Хайль! — произнес Шульц, входя в комнату.

— Хайль! Рад вашему приходу, господин Шульц.

— Извините за внезапное вторжение. Проезжал мимо и решил воспользоваться вашим приглашением.

— Правильно сделали. Жаль, конечно, что внезапность лишает возможности угостить вас как подобает хозяину, но не обессудьте...

— Что вы, как можно.

— Ну и отлично. Присаживайтесь и будьте как у себя дома.

— Благодарю вас.

Шульц обошел комнату. Остановился около стены, где висели две фотографии. Вот Ганс — хозяин дома... А вот... вторая фотография. Он уставился на нее и долго не мог никак оторваться. На фотографии был снят Отто Егер и его дядюшка герцог Егер в кругу семьи. Отто Егер подошел к Шульцу.

— Встретили знакомого? — спросил Егер.

— Да... Нет... Не то чтобы знакомого, но... с герцогом Егером мне приходилось кое-где встречаться... Славный человек... Ничего не скажешь... «Чуть было не влип в историю. Черт бы побрал этого Брауэра», — подумал Шульц.

— Дядюшка и вправду правильный человек. К сожалению, часто болеет. Сдаёт. Возраст.

— От природы никуда не денешься, — подтвердил Шульц, приходя в себя окончательно. — Хорошая комната у вас.

— Не жалуюсь.

— И хозяйева — милые люди.

— И хозяйева, — подтвердил Егер. — Может быть, перекусим чем бог послал.

— Охотно.

— В таком случае, извините, я сейчас распоряжусь. — И Егер вышел из комнаты.

Егер возвратился минут через десять. Бросив незаметно взгляд на конверт с фотографиями, обрадованно отметил, что он был Шульцем просмотрен. Конверт оказался чуть смещенным с едва заметной сделанной им контрольной отметки.

Вошла Матильда с подносом, уставленным бутылками и закусками.

— Прошу вас к столу, — обратился Егер к Шульцу.

Шульц, не скрывая радости, тут же последовал за Егером.

За столом Шульц не упускал случая поухаживать за Егером, к которому он проникся особым уважением, после того как просмотрел фотографии, где Отто Егер был в числе свиты Гитлера.

Свое намерение прощупать Отто Егера Шульц отложил до более подходящего случая. Сейчас не стал испытывать судьбу. Фотографии отбили у него всякую охоту. Это дело Брауэра, пусть усердствует, а он на время выходит из игры. Может быть, на этом Брауэр сломает себе голову, туда ему и дорога, а он посмотрит, чем все это кончится. Шульц как профессиональный контрразведчик понимал, что любые подозрения, даже касающиеся самого высокого лица, если они возникли по каким-либо причинам, должны быть обязательно исследованы и изучены до конца. До конца. Он знал немало случаев, в том числе из своей практики, когда самые невероятные подозрения подтверждались и, наоборот, казалось бы вполне обоснованные оказывались мыльным пузырем. И в любом случае надо не спешить с выводами и проявлять долготерпение. Только долготерпение.

За столом поддерживался обычный светский разговор, никого и ни к чему не обязывающий. Пили за здоровье хозяев дома, за их благополучие и успехи. Никто из присутствующих не вспомнил о войне, о Гитлере. Ни Егер, ни Шульц ни разу не коснулись служебных тем, и от этого у них обоих было радостно на душе.

— Мне было очень приятно провести с вами время, а то, знаете, здесь совсем можно закиснуть, — сказал, прощаясь, Шульц.

— Мы всегда будем вам рады, — первой откликнулась Матильда.

Шульц благодарно улыбнулся. Рассыпаясь в любезностях, он покинул гостеприимный дом Гофманов.

«Надо, пожалуй, предупредить костолома Брауэра, чтобы он был все же поделкатнее с Егером, а то как бы не наломал дров, чего доброго, и с меня могут спросить», — решил окончательно Шульц, садясь в машину. Его мыслями вдруг завладела Матильда. Какая славная девушка. Кажется, она была с ним любезна и где-то даже игрива. А ее слова «Мы всегда будем вам рады» вселяли надежду на повторную встречу. Он решил уделить Матильде внимание. Что он, хуже Ратнера, что ли?

Приехав к себе, Шульц подошел к телефону, набрал нужный номер, но ему никто не ответил. Положил трубку. Подошел к окну. Задумался.

XVII

Брауэр не привык откладывать дела на потом. Сейчас или никогда. Таков был его девиз. Его мысли лихорадочно работали над предложением Шульца использовать семейство Гофмана в изучении Отто Егера. «Черт возьми, и как я это упустил, — досадовал он на себя. — С кого начать? С Эльзы или с Матильды? Самому или через подставное лицо искать подходы к ним? Самому — не слишком ли откровенно будет? А подослать кого-то — потребуется немало времени. А что, если подключить Ратнера? Ратнер... Уж больно ненадежный человек, да к тому же может и не пойти на это, ведь он влюблен в Матильду, а та, по всему видно, симпатизирует Егеру и может ему рассказать. Нет, здесь надо действовать наверняка. Может быть, вызвать Матильду в гестапо и принудить ее к слежке за Егером? Если будет отказываться, пригрозить. Куда ей деваться?» Брауэр не любил длительных размышлений, особенно, когда речь шла о горячих делах. И на сей раз он все больше склонялся к варианту прямого выхода на Отто Егера.

Приняв решение, Брауэр направился в ресторан «Жозефина». Он сел за столик, который обслуживала Матильда. Она принесла заказанные им блюда и выпивку. Он не спеша принялся за еду. Когда подошло время рассчитываться, он решил разыграть небольшую сценку.

— Извините, забыл деньги. Если не возражаете, я бы с вами рассчитался у себя на работе, — обратился он к Матильде, которая принесла ему счет.

— А вы разве вечером не будете у нас?

— К сожалению, нет. Я жду вас, Матильда.

— Это что — приказ?

— Ну, как можно... Значит, договорились?

Матильда растерянно кивнула головой.

После ухода Брауэра у Матильды все валялось из рук. Она понимала, что Брауэр не случайно приглашал ее в гестапо. Значит, что-то серьезное случилось, раз она потребовалась ему. Зачем? И сколько ни ломала она голову, ни к чему определенному не могла прийти.

Не дождавшись окончания своей смены и получив разрешение у шефа, Матильда направилась в гестапо.

Брауэр встретил Матильду широкой и радостной улыбкой.

— Благодарю вас, Матильда, что пришли. Извините меня за мою рассеянность. Вот долг. Пожалуйста. Я звонил в ресторан и хотел предупредить, что вечером я буду у вас. Но мне ответили, что вы закончили работу и ушли.

«Врет», — мелькнуло в голове Матильды, когда она брала деньги у Брауэра.

— Раз уж вы пришли, прошу, присаживайтесь и расскажите о ресторанных новостях, — обратился Брауэр.

— О ресторанных?!

— Да. О ресторанных.

— А что говорить? Одно и то же каждый день. Кухня и зал. Зал и кухня.

— Что народ говорит о войне, о фюрере?

— Некогда слушать... Вертишься, как белка в колесе.

— Ну уж так и некогда? Вы неоткровенны, Матильда.

— Почему же?

— Не может быть такого, чтобы вы ничего не слышали. Сейчас только и говорят о войне.

— Не без этого, — согласилась Матильда.

— Расскажите.

Матильда задумалась на несколько секунд.

— Всякое болтают. Право, мне не хочется повторять глупости.

— А вы не стесняйтесь. Это важно. Мы должны бороться с теми людьми, которые распространяют провокационные слухи. Вы подумайте об этом и потом мне скажете. Хорошо?

В ответ Матильда кивнула головой.

— Ну вот и договорились, — с удовлетворением произнес Брауэр. — Вы свободны. Передавайте привет штандартенфюреру. Кстати, как он себя чувствует?

— Не очень важно. Контузия головы дает о себе знать, — ответила Матильда.

— Ему надо чаще бывать на свежем воздухе. Надеюсь, он сполна пользуется нашим горным воздухом?

— Да как вам сказать...

— А вы возьмите над ним шефство... Помогите ему скрасить одиночество. Знакомых-то у него здесь, кроме вас, никого нет, так ведь?

Матильда в ответ промолчала.

— Итак, до встречи. Благодарю вас.

Матильда в расстроенных чувствах ушла от гестаповца. Тревога в душе не утихала. Что это все значит? Зачем она понадобилась гестаповцу? Неужели она должна доносить на своих товарищей, что они думают и говорят о гитлеровцах. Нет. Никогда. Заботу, проявленную об Отто Егере, она восприняла как должное и естественное. Рассказать обо всем Егеру или нет? «Не буду расстраивать его», — решила Матильда.

За ужином Матильда была задумчива. Ее состояние не осталось незамеченным.

— Вы себя плохо чувствуете? — обратился к Матильде Егер, когда они вышли из-за стола.

— Так, — неопределенно ответила Матильда.

— Я ничем не могу быть вам полезным?

— Благодарю вас. — Матильда задержала дольше обычного свой взгляд на Егере. «Сказать или нет», — мелькнула мысль.

— Друг мой, что-нибудь случилось?

— Случилось. Давайте, Отто, выйдем в сад.

В саду Матильда рассказала о своем разговоре с Брауэром.

Отто Егер внимательно выслушал Матильду и, взяв ее руку в свою, с тревогой спросил:

— Матильда, скажите, почему вы сразу не хотели мне об этом рассказать. Неужели до сих пор я не внушал вам доверия?

— Что вы, Отто, как можно. Я боялась вас расстроить.

— Друг мой, давайте договоримся: вы не должны от меня ничего скрывать. Поверьте, это очень важно. Понимаете, очень — и для вас, и для меня. — Егер крепко сжал ее руку: — Обещаете?

— Хорошо, Отто. Извините меня. Вы расстроены моим сообщением?

— В принципе нет. Только я не думал, что так скоро будучи развиваться события.

— Я не собираюсь шпионить за своими товарищами.

— А за мной?! — улыбаясь, спросил Отто Егер.

— Как вам не стыдно? — возмутилась Матильда.

— Извините. Я пошутил. Вы славная девушка. Отец может гордиться вами. Настанет час, когда я вам смогу ска-

зять кое-что важное. А сейчас прошу меня внимательно выслушать. Многое из того, что я сообщу вам, касается и вашего с мамой будущего.

XVIII

Эльза Гофман ждала Матильду с работы. Ждала с большим нетерпением и тревогой. Убирая комнату Егера, она увидела фотографию, где тот был снят в окружении высших чинов Главного управления имперской безопасности. Эльзу охватила смутная тревога. Она долго и мучительно рассматривала фотографию, узнавая на ней известные всему миру лица фашистских руководителей, и впервые задумалась всерьез, кто же на самом деле их постоялец Отто Егер? Отъявленный фашист, эсэсовец, судя по званию, которое он имел, или... И какая действительно связь между мужем и им? Мог ли ее любимый Ганс, так ненавидевший фашистов, иметь дело с гитлеровским офицером Егером? Сколько ни думала Эльза, сколько ни рассуждала по этому поводу, она так и не могла прийти к успокоительному выводу. От ее материнского взгляда не могла ускользнуть вспыхнувшая симпатия ее дочери к загадочному офицеру рейха. Эльза терялась в догадках, как ей вести себя, как быть со все усиливающейся привязанностью дочери к Егеру? Материнское чувство подсказывало ей принять какие-то защитные меры. Какие, она не могла еще решить.

Постоянно поглядывая на часы, она ждала Матильду. Время, как назло, тянулось медленно. Эльза не находила себе места. Ей вдруг стало страшно за Матильду, за ее судьбу. И почему она раньше не задумывалась, кто живет в ее доме, почему письмо от Ганса ослепило ей разум, заставило забыть о бдительности? Да и было ли письмо действительно от мужа? Это внезапно появившееся подозрение молнией пронзило ее душу, и она тут же бросилась в свою комнату за письмом. Внимательно вчитываясь в его содержание, тщательно изучала до боли знакомые прыгающие буквы. Когда ее Ганс находился в подполье, скрываясь от властей, он иногда писал ей письма, которые приносили ей его товарищи по борьбе. Ей бросилась в глаза заглавная буква «М» с характерными завитушками и виньетками. Так мог ее украсить только Ганс. Эльза прочла все письмо. Она начала немного успокаиваться. Конечно, это писал Ганс... Тут не было никакого сомнения. Аккуратно сложив письмо, она прошла в свою комнату и спрятала его в потаенное место.

Так, на всякий случай. Береженого бог бережет. Этому ее научила совместная жизнь с Гансом. Она до сих пор не могла забыть унижительный обыск, который произвела местная полиция, когда задержала ее Ганса. Тогда единственная обнаруженная листовка антиправительственного содержания, которую она не успела хорошо спрятать, сыграла роковую роль. Эльза не могла себе этого простить. С тех пор она многому научилась.

Эльза посмотрела на часы. Матильда задерживалась. Подошла к окну и увидела идущих по дорожке Матильду и Отто Егера. «Уже успели встретиться», — подумала она. Впервые ей стало не по себе.

— Мама, мы голодны. Чем ты нас сегодня будешь удивлять? — крикнула Матильда, как только появилась в двери дома.

Эльзе не понравилась веселость Матильды. Ничего не ответив, она пошла на кухню. Матильда и Егер молча переглянулись. Настроение Эльзы передалось и им. За столом ели молча.

Отто Егер, поблагодарив за ужин, поднялся к себе в комнату.

Эльза, как только ушел Егер, подала знак Матильде пройти с ней в ее половину дома.

— Что случилось?! — не вытерпев игры в молчанку, спросила Матильда, когда вошла в комнату матери.

— Тише, — предупредила загадочно Эльза.

Плотно закрыв дверь комнаты, усадив против себя Матильду, она сказала:

— Убирая его комнату, я обнаружила фотографию, где он снят с фашистскими главарями. Выходит, и Егер заодно с ними. Тогда как он оказался вместе с нашим папой? Я боюсь за тебя, пусть он съезжает от нас, как бы не было какой беды.

— Мама, что ты говоришь, подумай, что ты говоришь? Отто — наш верный друг. Поверь мне... А что касается фотографии, мало ли с кем он когда-то фотографировался. Он — друг нашего папы, а папа...

— Что папа? — насторожилась Эльза.

— Папа в... — остановилась на полуслове Матильда.

— Ну, говори же, не тяни за душу.

— Папа в... России, — сказала Матильда и, испуганно посмотрев наверх, замолкла.

— В Рр-о-сс-ии, — протянула Эльза, не веря своим ушам.

— Мамочка, милая, только это между нами, только между нами! Понимаешь, как это серьезно?

— Вот оно что... А Отто? Кто же он наконец?!

— Он — друг папы...

Они еще долго шептались в комнате, обсуждая волнующие их проблемы.

XIX

Егер принял в назначенный час передачу из Москвы и, расшифровав ее, надолго задумался. Москва высоко оценила его усилия, одобрила предложенное им решение, но просила действовать по обстоятельствам и зря не рисковать жизнью. Егер сидел, глубоко погрузившись в кресло, поглядывая на часы. Сегодня решался главный вопрос — принесет Матильда пропуск или нет.

В комнате было душно. Даже открытая дверь балкона не давала желанной прохлады. Егер расстегнул ворот рубашки, чувствуя, как его смаривает сон.

— Вы спите, Отто? — неожиданно услышал он голос Матильды.

— Я?! Ах да, немного вздремнулось, здесь такой аромат, — в растерянности ответил Егер.

— Пропуск у меня. Действителен он только на сегодня. Ратнер рассказал, что едва у него не сорвалось, пришлось пойти на крайность. Шульц на месте, — выпалила одним духом Матильда и передала Егеру конверт.

— Большое спасибо, — произнес Егер, сдерживая охватившее его радостное волнение. — Поспешим, а то Ратнер подумает, что его обманули.

— Я готова. Только возьму сумочку.

— И я пока переоденусь. Готовность — десять минут, — объявил, улыбаясь, Егер.

Через десять минут они встретились в саду. Егер был в форме штандартенфюрера СС.

— Какой вы нарядный! — не удержалась Матильда.

— Вы сегодня особенно прелестны.

На этот раз Матильда вела машину сама. Бетонное шоссе все дальше уходило в лес, к горам. Егер за это время не обронил ни слова, был задумчив и серьезен. Изредка посматривал в сторону Матильды, любуясь ее красивым профилем. Она чем-то неуловимым напоминала ему жену Наташу. И почему-то именно сейчас пришло на память их первое знакомство. Состоялось оно при драматических обстоятельствах. Было это осенью, когда он, студент пятого

курса иныза, глубокой ночью возвращался с вечеринки домой. Шел полутемным, глухим переулком, когда вдруг услышал женский крик, зовущий о помощи. Подбежав к месту происшествия и увидев троих ребят, раздевающих какую-то женщину, не раздумывая, набросился на них с кулаками. Однако силы были неравны, и ему крепко досталось. Две недели он пролежал в больнице. На второй день к нему пришла Наташа, та самая Наташа, на которую напали грабители, и до его выздоровления она не отходила от него. Вскоре они поженились. На свадьбе он сказал:

— Я свое счастье завоевал кулаками.

Случай в глухом переулке пошел на пользу. Он поступил в секцию по борьбе самбо и боксу.

— Вы что-то мне сегодня не нравиться, — неожиданно сказала Матильда. — О чем вы думаете?

— Вспомнилась золотая пора юности, — застигнутый врасплох, ответил он.

— Скоро приедем, — сказала Матильда.

— Хорошо... Вы все помните, о чем мы договорились?

— Да, — грустно откликнулась Матильда.

— Торопитесь, вас ждут. Остановитесь здесь, дальше я пойду пешком.

Машина затормозила недалеко от объекта. Егер открыл дверцу.

— Разрешите вас поцеловать... — И Матильда, заливаясь румянцем, обняла Егера, крепко поцеловала в губы. — Успеха вам, Николай... Я вас не забуду никогда... Надеюсь, мы скоро встретимся.

— Благодарю вас, мой дорогой друг, благодарю. И я тоже надеюсь.

XX

Автомашина, в которой сидел гауптштурмфюрер СС К्लीбер, мчалась по шоссе. Вдали мелькнули очертания города, и через несколько минут Ганс К्लीбер остановился около здания гестапо.

— Как доехал? — спросил Брауэр, поднимаясь навстречу гостю.

— Нормально. Не до церемоний. Времени в обрез.

— Поехали. Дорогой поговорим, — охотно согласился Брауэр.

Они вышли из здания, сели в машину К्लीбера.

— Понимаешь... какое дело... — начал Брауэр, едва машина тронулась, и замолк.

— Пока ты думаешь, посмотри на эту фотографию. — Клибер вынул из папки снимок, не без гордости передал его Брауэру.

Брауэр долго рассматривал фотографию, тщетно пытаюсь определить, где же на ней Егер.

— Покажи, где он.

— Вот, — ткнул пальцем Клибер. — Не похож?

Брауэр продолжал рассматривать фотографию.

— Когда ты видел его в последний раз? — наконец спросил Брауэр.

— Давно. Лет десять назад. Нет, больше, пятнадцать. А что?

— Нет, ничего. Хорошо иметь такого однокашника.

— Пока никакого толку не вижу. Ведь он долгое время был за границей. — Куда мы едем?

Брауэр назвал адрес Гофмана. Машина вскоре остановилась у названного дома. Пассажиры вышли из машины, подошли к калитке. Брауэр нажал на кнопку звонка. Однако на звонок никто не откликнулся. Клибер посмотрел на часы.

— Очень жаль, — с сожалением произнес он.

— Ничего, подождем.

— А что мы будем здесь жариться, поехали, где-нибудь перекусим, а потом вернемся.

— Могу предложить ресторан «Жозефина», — согласился Брауэр с тайной надеждой встретить там Матильду. Тревога у него в душе росла: на школьной фотографии Егер выглядел иначе.

Вскоре они подъехали к ресторану. Матильды там не оказалось. Она сегодня не работала, отпросившись по каким-то своим делам.

Перекусив в ресторане, Брауэр и Клибер вновь поехали к Гофманам.

XXI

Егер спокойно прошел все проходные и, когда попал на территорию хранилища, скрытого в лесном массиве, увидел перед собой двухэтажное, окрашенное в зеленый цвет здание. Во время последней проверки документов часовой особенно внимательно изучал пропуск, прежде чем возвратить его Егеру. Отто поднялся на второй этаж, остановился у двери под номером «1», вошел в приемную. При виде его дежурный вскочил с места.

— Один? — спросил Егер, показывая дежурному на дверь кабинета Шульца.

— Так точно, штандартенфюрер. Как прикажете доложить?

— Не беспокойтесь. Я сам, — ответил Егер и открыл дверь.

Полковник Шульц сидел у себя за столом и пил кофе. Увидев перед собой штандартенфюрера СС Егера, он от удивления даже привстал со стула.

— Как вам удалось проникнуть сюда, штандартенфюрер? — спросил, часто мигая, Шульц.

— Вы же не догадались меня пригласить. Я и решил проявить инициативу. Так что принимайте незваного гостя, который к тому же имеет к вам сугубо конфиденциальный разговор. Но прежде, полковник, с вашего позволения, я закрою дверь, — произнес, улыбаясь, Егер. — Он опустил кнопку замка, поставив его на предохранитель, затем подошел к столу, за которым продолжал стоять опешивший Шульц. — Мне нужно с вами поговорить тет-а-тет по одному щекотливому делу, касающемуся вашей персоны, — начал Егер, стараясь как можно мягче произносить слова. — Но прежде...

— Скажите наконец, как вам удалось... — перебил Шульц Егера.

— Этим вы, господин полковник, займетесь после моего ухода... Но прежде необходимо выполнить кое-какие формальности. — С этими словами Егер выхватил пистолет и, наставив его на растерявшегося Шульца, решительно произнес: — Ни с места! Руки на стол!

Не успел Шульц опомниться, как оказался в наручниках.

— Что вам н-надо? — пролепетал он растерянно. — Как вы п-посмели? По какому п-праву?

— Тише, Шульц. Права я предъявлю потом, а сейчас предупреждаю: при малейшей попытке позвать на помощь — пуля в лоб. Для начала отдайте распоряжение, чтобы к вам никого не впускали и не беспокоили. Только смотрите, без шуток. — Егер ткнул пистолетом в бок Шульцу.

Шульц беспрекословно выполнил команду, передав ее по телефону в свою приемную.

— Отлично. Прошу встать и занять место вон в том кресле.

Шульц выполнил и эту команду.

— Объясните, в ч-ем-м д-д-ело? Что з-за ком-м-медия?

— Теперь вопросы задавать буду я, — отрезал Егер. — Если вам дорога жизнь, а я в этом только что убедился, не будем терять времени. Где ключ от сейфа?

— Какой ключ?

— Шульц, я пришел к вам не в прятки играть, надеюсь, вы это усвоили. Где ключ?

Шульц задумался, потом, приняв решение, неожиданно бросился головой на Егера, целясь ему в живот, но тот был начеку. Отскочив в сторону, Егер резким ударом ребром ладони полоснул Шульца по шее, и тот распластался на ковре.

— Я предупреждал — без шуток. Смотрите, Шульц, еще одна попытка — и... А теперь встаньте.

Шульц неуклюже поднялся, морщась от боли, тяжело опустился в кресло.

— Дайте воды, — попросил он обреченно.

— Я жду ответа, — напомнил Егер.

— Неужели не видите, что сейф открыт? — презрительно выдал из себя Шульц.

— Меня интересует не этот сейф, тот... Понимаете?

Шульца как взрывной волной подняло с кресла. Он что-то пытался сказать, но кроме нечленораздельных звуков, ничего нельзя было понять.

— Что... вы... хотите сд-д-елать?.. — Шульца трясло, словно в лихорадке.

— Ключ! — спокойно повторил Егер.

— Клянусь фюрером, я не дам его. Но даже если он будет у вас, вы ничего не сможете сделать. Нужен второй ключ, а он находится у Брауэра.

— Звоните Брауэру, и немедленно, — приказал Егер, но, вспомнив, что Шульц в наручниках, подошел к телефону и набрал номер Брауэра. Телефон молчал. Снова набрал. Снова молчание. — У нас мало времени. — Егер подошел к окну. Во дворе около железобетонной ниши в хранилище находились несколько цистерн с надписью «Молоко». Егер подошел к стене, снял висевший на ней автомат, проверил его готовность к действию и положил оружие около открытого окна. Егер вновь посмотрел на часы. По его расчетам и договоренности с Матильдой, ей с матерью нужно примерно часа два, для того чтобы успеть собраться и оказаться в безопасности. Сейчас прошло всего полчаса.

— Скажите, господин Егер, кто вы?

— Какое это имеет значение?

— У меня к вам имеется предложение... Скажите, какой смысл умирать в расцвете сил и во имя чего? Я не знаю, какой вы разведке служите: английской, американской или русской. Да это сейчас не имеет значения. Но зачем вам умирать так рано? Только варвары бессмысленно и бездумно

преждевременно расстаются с жизнью... Я же, не выходя из этого кабинета, дам вам столько золота и бриллиантов, что их хватит на несколько жизней. Швейцарская граница недалеко — и вы свободны. Впереди вас ждет безбедная жизнь, к примеру в Латинской Америке. Я все устрою на высшем уровне... Кроме меня, никто не будет об этом знать... — Шульц, переведа дыхание, выжидательно посмотрел на Егера. — В критическом случае, если он когда-либо наступит, скажете своему шефу, что полученное задание не смогли выполнить по причине, от вас не зависящей. Подумайте. Такого шанса больше не будет, — закончил Шульц.

— При других обстоятельствах я с великим удовольствием прихватил бы вас с собой...

— Значит, вы согласны?! — вскрикнул от радости Шульц.

XXII

Брауэр и Клибер долго нажимали на кнопку звонка, но никто к ним не вышел. Они несколько минут молча стояли у калитки, решая, как им поступить. В это время из соседнего дома вышла женщина.

— Вы случайно не знаете, куда подевались Гофманы? — обратился Брауэр к женщине, когда она проходила мимо них.

— Эльза уехала в город к племяннику, а Матильда на работе, где же ей еще быть. А вы кто будете?

— Благодарю вас.

— Пожалуйста, — пожав плечами, ответила женщина.

Когда она скрылась из виду, Брауэр обратился к Клиберу:

— Не нравятся мне эти отсутствия. Знаешь что, давай рискнем, не упускать же такой случай.

— Не понимаю, о чем речь? — ответил Клибер.

— Заглянем в дом Гофманов, а?

— Не понимаю...

— Потом поймешь. Будь в засаде. В случае опасности — звони в дом. — Не успел Клибер опомниться, как Брауэр перепрыгнул через забор.

Дверь в дом была открыта. Это насторожило Брауэра. Мягко ступая, он обошел комнаты, кругом царил беспорядок. По всему видно, хозяева собирались к отъезду. Но почему не закрыта была дверь? «Забыли в спешке», — решил Брауэр, поднимаясь вверх в комнату, где жил Егер. В этой комнате был прежний порядок, который он отметил

при своем первом посещении Егера. На всякий случай он открыл окно, выглянул в сторону калитки. Тихо.

С профессиональной ловкостью Брауэр стал обыскивать комнату. Открыл чемодан, аккуратно перевернул лежавшие там вещи, но ничего интересного для себя не нашел и разочарованно опустил крышку. В платяном шкафу, кроме гражданского костюма, нескольких рубашек и пары туфель, ничего больше не было.

Когда начал осматривать письменный стол, тут было от чего ахнуть. В одном из ящиков он увидел фотокарточку. Увидел и не поверил своим глазам. На побледневшего Брауэра в упор смотрели фашистские главари, и среди них — Отто Егер. С нервной дрожью в руках перевернул фотокарточку. Размашистым, волевым почерком по всей ширине фотографии шла надпись: «Отто Егеру. За верную службу великой Германии и фюреру. Хайль!» — и подпись: «Гиммлер. 20 июня 1943 года».

Брауэр на какое-то мгновение застыл в нерешительности, соображая, что ему делать. Затем лихорадочным движением положил на место фотокарточку, бросился вниз, забыв даже закрыть окно.

— Все тихо? — почему-то шепотом спросил Брауэр Клибера, когда очутился около него.

— Да.

— Слава богу, — облегченно произнес Брауэр.

— На тебе лица нет. Что случилось?

— Ничего.

Брауэр и Клибер вернулись в гестапо.

Брауэр решил оказать внимание Ратнеру, поскольку тот был в хороших отношениях с Егером. Позвонил ему на работу. Ему ответили, что он еще здесь не появлялся. Позвонил на квартиру. Молчание. Позвонил Шульцу. «Вот я его сейчас ошарашу», — мелькнуло в голове Брауэра, и он улыбнулся от удовольствия. Телефон Шульца молчал. Брауэр в сердцах бросил трубку:

— Черт возьми. Поехали.

— Куда?

— К Шульцу.

Пока они ехали, Брауэр перебирал в мыслях все, что было связано с Отто Егером. И впервые Брауэр почувствовал угрызения совести. Где-то он перегнул палку, заподозрив своего же коллегу черт знает в чем. Опять излишняя подозрительность чуть не подвела его. Впрочем, он действовал во имя безопасности рейха и в случае чего сможет этим обстоятельством прикрыться. Так, успокаивая себя, решил

Брауэр и тут же подумал: «А как быть с той бумагой, где племянник герцога Егера, Отто Егер, лежит в госпитале, а этот Егер спокойно разгуливает здесь? Банальная ошибка, допущенная по небрежности. А если все же не ошибка? — вдруг снова поползли в голове подозрения. — На всякий случай заполучу фотокарточку и пошлю для опознания. За это меня никто не убьет, — окончательно успокаиваясь, решил Брауэр. Его мысли затем вернулись к Ратнеру: — Везет пьянице. Как же он вышел на Егера? Ах да, через Матильду». При воспоминании о Матильде его снова охватила тревога. Вспомнились детали разговора с ней, он вроде бы себя вел не очень навязчиво и вряд ли, даже если она рассказала Егеру, тот что-либо заподозрил.

По пути Брауэр заехал на квартиру к Ратнеру. Однако, сколько ни звонил в квартиру, ему никто не ответил. Дернул дверь. К его удивлению, она открылась. В дальней комнате он застал Ратнера, распластавшегося на ковре. «Опять нализался», — с презрением подумал Брауэр, но тут же усомнился в этом: лицо Ратнера было залито кровью. На ковре валялась пустая бутылка коньяка, рядом — пистолет — парабеллум. Брауэр медленно подошел к столу, обнаружил на нем записку. «Виноват во всем сам. Прощайте!» — прочел Брауэр.

Он долго вертел записку в руках. Внимательно осмотрел письменный стол, но ничего подозрительного больше не обнаружил. Тогда он судорожно схватил телефонную трубку. Абонент не отвечал. Брауэр набрал номер дежурного офицера.

— Где господин Шульц? — рявкнул Брауэр в трубку.

— Кто его спрашивает?

— Брауэр, черт возьми.

— Хайль! Он у себя, штурмбанфюрер.

— Немедленно соедините меня.

— Приказано не беспокоить его, — последовал ответ.

— Свинья! — И Брауэр со злостью бросил трубку.

Он бегом, как только мог, спустился со второго этажа и, запыхавшись, резко дернул дверцу машины.

— Быстро к Шульцу! — приказал он.

— Мне пора возвращаться, — робко произнес Клибер.

— Пока не повидаешься с Егером, никуда тебя не отпускаю.

— Ты можешь мне сказать, что происходит? — спросил Клибер, трогая с места машину.

— Я многое бы отдал, чтобы это знать. Давай нажимай на газ. Быстрей!

Охраняемый объект находился в двадцати километрах от города. Единственное шоссе, ведущее к объекту, было забито молокоцистернами. У подножия гор паслись крупные стада коров.

Нырря между цистернами, машина мчалась к объекту. Через полчаса она остановилась у ворот.

— Подожди здесь. Я сейчас вернусь, — сказал Брауэр, выходя из машины.

Он предъявил пропуск часовому, направляясь к главному зданию. При появлении Брауэра дежурный офицер вскочил с места, ожидая распоряжений.

— Кто у господина Шульца?

— Штандартенфюрер Егер.

— Давно? — переводя дыхание, спросил Брауэр.

— Полтора часа, — ответил адъютант, взглянув на часы.

— Телефоны переклочены на вас?

— Никак нет.

— Я звонил полковнику, но его телефон не отвечает. Почему?

— Не могу знать.

— Адъютант должен все знать, на то он и адъютант, — буркнул недовольным голосом Брауэр. — Доложите, что я прибыл по срочному вопросу.

— Он приказал... — начал было адъютант.

— Доложите, — потребовал Брауэр.

К удивлению шефа гестапо, дверь кабинета Шульца оказалась заперта.

— Постучите, — раздраженно сказал Брауэр.

— Не положено, — ответил адъютант.

Брауэр, зло глядя на адъютанта, постучал в косяк костяшками пальцев.

— Кому там не терпится? — раздался голос за дверью.

— Господин Шульц, это Брауэр. У меня срочный вопрос.

— Подождите, — последовала команда.

Брауэр сел на диван, заметив на лице офицера потухающую улыбку. «Скотина», — подумал он.

Минут через десять в приемной раздался звонок.

— Прошу вас, господин Брауэр, — сказал адъютант, предупредительно распахивая дверь.

— Как раз вас-то и не хватало, — улыбаясь, заметил Егер, закрывая дверь за Брауэром.

Генерал Фролагин сидел в своем кабинете. На столе перед ним лежал лист бумаги. Он, словно замороженный, не сводил с него взгляда. Глубокая складка перерезала лоб. В кабинете почти беспрерывно звонили телефоны. Он не отвечал. Сейчас было не до них. Перед его глазами предстал разведчик — подполковник Серов. Как будто это было вчера. Вот здесь, в этом кабинете, он вручал ему орден Красного Знамени за успешно проведенную операцию в оккупированной фашистами Чехословакии, и здесь же состоялся с ним последний разговор перед его отъездом к Жаворонку...

— Ну что, Николай Максимович, надеюсь, ты понимаешь срочность и сложность стоящей перед тобой задачи? — обратился тогда генерал к Серову.

— Понимаю и сделаю все от меня зависящее, — ответил Серов.

— Обстановка на фронте серьезная. Сейчас дорог каждый день, каждый час, — продолжал Фролагин. — Фашисты хотя и разгромлены под Курском и отступают, неся большие потери, но хребет им еще не сломлен. Перед нами поставлена задача как можно больше обескровить гитлеровскую армию, и мы должны ее выполнить. Вот почему, Николай Максимович, надо не спеша поторапливаться. Будьте осторожны. Впрочем, не мне вам об этом говорить. — Генерал сделал паузу. — Есть ко мне вопросы?

— Нет, я все понял и готов.

— В таком случае благополучного тебе приземления, Аист, удачной встречи с Жаворонком и успешного выполнения задания.

— Благодарю, товарищ генерал...

Воспоминания генерала Фролагина прервал вошедший секретарь.

— Товарищ генерал, к вам по срочному делу полковник Марков.

— Зовите, — усталым голосом распорядился Фролагин.

Секретарь молча удалился. Марков вошел в кабинет, посмотрел на Фролагина и... сразу понял, что тот в курсе событий, ради которых он так спешно попросился к нему на прием.

— Георгий Иванович, два дня назад зафиксирован мощный взрыв в районе, где действует Аист. Контрольное время выхода в эфир Аиста истекло. — Марков замолчал, опустив голову.

— При вас дело на него? — спросил Фролагин.

— Да.

— Давайте еще раз проанализируем его сообщение о хранилище, — предложил генерал.

Полковник Марков открыл дело, перелистал страницы, нашел нужную и посмотрел на шефа.

— Читайте вслух, только помедленнее.

Марков перевел дыхание и начала читать:

— «Место хранилища скрыто в одном из естественных глухих ущелий. Оно представляет собой выемку, не имеющую выхода в долину. Выемку окружают отвесные гранитные скалы большой высоты. Переброшенная через ущелье громадная маскировочная сеть полностью исключает обнаружение его с воздуха. Цистерны с бензином расположены в специальных штольнях, пробитых в горе. Над штольней не менее пятисот метров гранита. Недалеко от этой выемки серпантином проходит через туннель железная дорога. Именно это обстоятельство было использовано для строительства молочного завода, который удачно маскирует местонахождение бензохранилища. Все подступы к хранилищу перекрыты надежной охраной. Охрана ведется тщательно и строго. Крестьяне близлежащих сел выселены. Лишь для отвода глаз оставлены три хутора. Вокруг бензохранилища в горах создана особая зона, окруженная несколькими рядами колючей проволоки под током высокого напряжения. Подходы к хранилищу заминированы. По внутреннему периметру фланируют подвижные посты с собаками. Установлена строжайшая пропускная система. Обслуживающий персонал живет в черте зоны. Разрешение посторонним на пребывание непосредственно в зоне не выдается.

Из рассказа Рыжего вытекает, что осуществить с внешней стороны проникновение непосредственно в зону, к хранилищу, невозможно.

Учитывая, что время не ждет, предлагаю следующий вариант. Попытаться через Рыжего проникнуть на объект непосредственно к Шульцу (есть надежда, что он может организовать пропуск) и взорвать бензохранилище. Жду решения завтра в двадцать два ноль-ноль. С приветом. Аист».

Марков закончил читать, закрыл дело, посмотрел на генерала. Наступила минута тягостного молчания.

— Георгий Иванович; в этих условиях иного решения не могло быть... — нарушил молчание полковник Марков.

— А где его последняя телеграмма?

Найдя ее, Марков прочитал:

— «Пропуск получил. Иду на задание. Ничего не пожалю для его выполнения. Прощайте. С приветом. Аист».

— «Ничего не пожалею для его выполнения. Прощайте», — повторил в раздумье генерал Фролагин.

— Любая потеря невосполнима, а эта для меня... — Марков опустил голову.

— Понимаю ваше состояние, Владимир Александрович, ведь столько лет вас связывала дружба с семьей Серовых... Если в течение недели не поступит известий от него, готовьте представление на Николая Максимовича к высшей правительственной награде.

— Есть, готовить представление.

Фролагин поднял глаза на Маркова:

— Звонили из Генерального штаба, благодарили за успешную операцию. Воздушная разведка подтвердила место взрыва. Поступление бензина оттуда прекратилось...

Известие от Егера поступило, но не через неделю, а через месяц. И поступило оно от Матильды, которая была частично посвящена Егером в его дела. Это был конверт с фотографией жены и сына подполковника Серова — Отто Егера и запиской, адресованной полковнику Маркову.

«Я всегда думал о вас. Вам никогда не придется краснеть за своего мужа и отца. Будьте счастливы», — гласила надпись на обороте фотокарточки.

В записке Серов писал:

«Дорогой Владимир Александрович!

Сейчас иду на задание. Отчетливо сознаю, что это последний, наверное, экзамен на мужество и отвагу.

Я долго шел к этому рубежу, вдохновляемый нашей дружбой, и думаю, уверен, что не подведу, чего бы это мне ни стоило. В такие ответственные минуты, когда на карту поставлен гамлетовский вопрос «Быть или не быть?», невольно вспоминается прошлое. Я всегда гордился тем, что в нашу семью вошел и прочно в ней обосновался такой высоко нравственный человек, которым были Вы, дорогой Владимир Александрович. Я всегда помню Вашу заботу, Ваши наставления, Ваше внимание ко мне. Помните, как когда-то Вы сказали, что «жизнь надо прожить так, как ее прожил Ф. Э. Дзержинский». И я изо всех сил старался быть достойным его бойцом. Где-то я преуспел, где-то еще надо было дожать. Там, в Чехословакии, была первая проба на зрелость. Кажется, мне тогда кое-что удалось. И не только орден, но и Ваша похвала для меня были большой наградой. Сейчас другое дело. Сейчас... Что сейчас? «Быть или не быть?» Не знаю почему, но я не испытываю никакого страха, никакой робости. Надо, — значит, надо. Как само собой разумеющееся. Есть ли шанс остаться живым? Он всегда

есть, должен быть, во всяком случае, так думает всякий человек. Думаю и я так. Есть. Очень маленький, но есть. Ну, а если... И на это я готов. Пусть это будет моей скромной лептой в общую копилку Победы над страшным злом человечества. Извините за банальность. Пишу эти строки и смотрю в окно на березку, ветви которой так и просятся в комнату. Вспомнил нашу последнюю поездку в лес. Помните поляну, усеянную чудо-ромашками. И Вы, сорвав одну из них, в шутку начали гадать... Как было тогда весело и беззаботно. Кажется, я ударился в сантименты... Через десять минут я выезжаю. Пожелайте мне удачи, как тогда с ромашкой на лугу. Оглядываясь назад, мне кажется, я что-то недоделал, не успел. А что, никак не могу сообразить. Несколько слов о семье Гофман. Матильда и Эльза — хорошие люди. На них можно положиться. Матильда мне очень помогла, и неплохо было бы ее как-то отметить. Передайте привет Гансу. Та фотокарточка, что сделал Саша, пригодилась. Спасибо ему.

Вот, пожалуй, все. Так много хотелось сказать и ничего из этого не получилось.

И последнее. Ратнера не следует упускать. Он может еще понадобиться. Все. Позаботьтесь о семье. Желаю всем и во всем удачи. Обнимаю. Ваш Николай».

Полковник Марков прочел письмо и надолго задумался. Звонок генерала по прямому телефону вывел его из оцепенения.

— Иду, — ответил Марков и, захватив с собой полученные от Серова записку и фотографию, покинул кабинет.

ОШИБКА ГОСПОДИНА РОДЖЕРСА



Поезд шел медленно, словно давал возможность внимательней рассмотреть незнакомую землю. Аккуратные домики, тянувшиеся вдоль полотна железной дороги. Земельные наделы, тщательно отделенные от мира не высокими, но глухими заборчиками... Кое-где в окнах уже горел свет. Рано поднимаются люди, значит, у них немало забот. Но в эти минуты я думал не о чужих заботах.

Все было для меня новым, интересным, необычным.

Заграница... Через каких-нибудь полтора часа — знаменитая Вена.

Пожалуй, не только я один поднялся в полночь, умылся, оделся, приготовил вещи. Возле окон группками и в одиночку стояли пассажиры и рассматривали маленькие, чисто убранные станции, которые мы проезжали.

А поезд громыхал на стрелках, вагоны ритмично показывались, мелькали встречные составы.

Я нетерпеливо поглядывал на часы. И неизвестно, что меня больше волновало: встреча с братом или с чужим миром.

В последнем письме брат предупредил, чтобы я не выходил из купе. Иначе как он меня узнает! Ведь прошла целая вечность! Тридцать лет.

Город приближался... Он был где-то рядом. Заводы, закопченные домики, оживленные пригородные станции...

Я, наверное, очень волновался, потому что даже не заметил, как поезд, замедляя ход, остановился у перрона.

Да... Мне нужно занять свое место. Люди торопились. И я прошел в купе, примостился на своем диване и стал рассматривать невзрачный номерок, по которому брат сможет меня отыскать... Не по глазам, не по голосу, а по номеру.

Вагон пустел... Вдруг в купе ворвался полный розовощекий мужчина. Через секунду я оказался в его крепких объятиях. До сознания медленно доходили детали. Почему у него такие пухлые щеки? Большой живот. И весь он словно бочонок. Ну, допустим, потолстел, но голос тоже чужой... Язык! Конечно, и язык чужой.

Толстяк продолжал меня хлопать по плечу, обнимать, шумно и пыхтя радоваться, а я все не мог прийти в себя.

Кто это? Неужели это мой брат?

Наконец он отступил, насколько позволяло тесное купе, чтобы лучше меня рассмотреть.

— Який ты у мене молодэц, Павлуха! Прихав! — громко причмокивая, восхищался он.

«Почему Павлуха, при чем тут украинский язык?» — пронеслось в моем сознании, прежде чем я понял, что передо мной стоял совершенно чужой человек.

— Алексей, а не Павлуха. Вы ошиблись.

— Как Олексий? А дә Павлуха? Якэ у вас мисцэ? — все еще не понимая, что происходит, басил толстяк. И его маленькие глазки, вынырнув из-под жирных век, удивленно уставились на меня, потом на номер моего места.

— Седьмое, — сказал я.

— А мени трэба симнадцатэ. Пробачьте. Я вид щырого сердца... Пав-лу-ха! — закричал он, с трудом выбираясь из моего купе.

Я опять опустился на свое место. Почему-то эта, казалось бы, невинная ошибка испортила мне настроение.

В купе заглянул высокий, сухощавый, с родинкой на щеке, элегантно одетый мужчина.

Зоря! Конечно, это Зоря! Он не бросился ко мне, а только прошептал:

— Святая дева Мария! Наконец-то...

Мы не знали, что сказать друг другу. Не было шумных восторгов. Было только удивление и какая-то непонятная грусть.

У него влажно поблескивали глаза. Зоря и не пытался скрывать своего состояния.

— Наконец-то, — то и дело повторял он.

Прошел проводник, напомнив, что все пассажиры давно сошли и нам не мешало бы сделать то же самое.

— Ну конечно, конечно... — заторошился Зоря. — Надо спешить. Не хватало, чтобы нас затащили в тупик. — Он улыбнулся. Но улыбка его тоже показалась мне грустной.

— Ну, пойдем же, Алексей.

Мы оба были настолько взволнованы встречей, что пришли в себя уже позже, когда сели в машину.

Зоря, осмотрев меня внимательно, произнес:

— Мне просто не верится, что ты рядом со мной. Алешенька, милый мой человек... Как я рад. Как хорошо и тепло у меня на душе.

— Я тоже рад.

О чем говорилось? Странно, но я не помню, о чем говорили с братом.

— И сколько же ты погостишь у меня? — спросил он.

— Две недели.

— Так мало? — искренне огорчился Зоря. — Я тебя не отпущу. Так и знай, не отпущу.

— Больше нельзя. Увы! Виза...

— Впрочем, и две недели не так уж мало, — согласился он и вздохнул: — Сколько лет мы не виделись, Алешенька?

— Считай, с сорокового года.

— Да. Скоро тридцать один... Много воды утекло за это время.

— Если бы только воды...

— Время летит, не угонишься. А мы стареем...

— Стареем... — согласился я.

Мы внимательно рассматривали друг друга и оба не стеснялись этого.

— Алешенька, — робко спросил брат, — а о просьбе моей, наверное, забыл?

— Да что ты! — всполошился я. Мне было приятно, что он вспомнил о главном.

— Неужели привез? Вот уж уважил. Пожалуйста. Прощу тебя...

Я полез в портфель, достал целлофановый мешочек с землей и передал его брату.

— Оттуда? — все еще не верил он.

— Специально ездил.

Перед светофором Зоря затормозил и повернулся ко мне:

— Это бесценный подарок. — Он бережно взял мешочек, подержал его на ладони, а затем положил во внутренний карман пиджака.

Мигнул зеленый свет, и мы поехали дальше. Да, в этом потоке нельзя задерживаться ни на секунду: сметут.

Я не торопился расспрашивать брата о его жизни и делах. Не спросил даже, кому принадлежит этот красавец «мерседес». Я только отвечал на его вопросы.

— Деревня на месте? — интересовался Зоря.

— Сожгли немцы. Но отстроена новая.

— И наш дом сожгли?! — сокрушался он.

— Все дотла.

— В живых-то кто-нибудь из знакомых остался?

— Видел Степана, сына тети Нюси. Помнишь? Он без ноги. Инвалид. Работает в колхозе. А больше никого, всех жизнь разметала.

Брат с сожалением покачал головой, потом бодро сказал:

— Ладно. Не будем говорить о грустном. Зачем омрачать радость встречи? Скажи лучше, как дома.

— Да все по-старому. Ни шатко ни валко.

— Выше голову. Не надо унывать. Дорогой ты мой Алешенька, как я рад встрече,—в который уже раз признался он.

— Да я и не унываю. Откуда ты взял?

Он полуобернулся, словно желал убедиться в том, что я не обманываю.

И тут мне показалось, что брат держится как-то напряженно, даже нервозно. Но нетрудно было найти этому объяснение: он долго не был на Родине. Да, наверное, никогда уже не будет. Зоря всегда был очень сдержан. А в такой ситуации, после долгих лет разлуки, нет ничего удивительного в том, что он нервничает.

— Как дела у старшей племянницы? — спросил Зоря, желая сгладить некоторую неловкость.

— Хорошо. Толковая девчонка. Учится старательно. Словом, молодец.

— А как ее дружок поживает?

— Нормально, — пожал я плечами.

— С таким отцом, как у него, не пропадешь. Опора надежная...

— Да, отец у него видный человек. Доктор наук.

Кажется, эту фразу я произнес с гордостью. Собственно, почему мне не гордиться. С «видным человеком» я был хорошо знаком. Мы вместе не раз бывали на рыбалке. А его сын... Что ж, время покажет, возможно, Виктор станет моим зятем...

— Наверное, и работает в солидной фирме? — подчеркнуто небрежно спросил брат.

— В почтовом ящике.

— Что это такое? Уже забыл.

— Закрытый объект.

— Как же ты познакомился с таким человеком?

— Познакомился! Раньше я работал с ним... Он увлекается рыбной ловлей. Я тоже. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Организовывал для него охоту, рыбалку, ча-

сто помогал во всяких хозяйственных делах. Ему-то все некогда. Ну, а ко всему — Маринка дружит с его сыном. В пионерском лагере были вместе. Он — вожатый, а она — в его отряде. С тех пор так это знакомство и сохранилось. Да, Старик — голова, не чета нам с тобой. Старик его так звали у нас, — лауреат, а вот медаль носить нельзя.

— Почему?

— Так принято... На той работе... Нельзя афишировать.

— Ясно... — сказал он. — Значит, рыбаки.

— Именно. Хотелось бы для него достать леску «ноль-ноль два» фирмы «Сатурн». Я обещал, понимаешь?

— Что за вопрос. Купим. Это чепуха. Тем более для такого знатного рыбака. Подозреваю, что он еще твой начальник.

— Нет... — ответил я. — Раньше — да, вместе работали.

— Тебе не понравилось служить в его фирме? — удивился брат. — Такой уважаемый человек, да еще вместе с тобой проводит время на отдыхе! Это же редкость... Что-нибудь случилось?

— Редкость... — согласился я. — Но... обстоятельства... — Я пожал плечами.

— Сейчас у тебя работа скромнее? — продолжал он.

— Скромнее... Хотя зарабатываю больше... И нет строгого режима на работе.

— Тебе виднее, конечно, но я не ушел бы от такого шефа.

Зоря не одобрил мои действия.

— Ты меня не понял... — уточнил я. — Денег действительно больше. Но менее интересно. А случилось...

Я не знал, стоит ли говорить о неприятностях, которые произошли со мной несколько лет назад. Но Зоря ведь мой брат. Родной брат.

— Была, понимаешь, такая штука, — решил я, — оступился. Хотели уголовное дело заводить... Однако обошлось. Помог шеф. Ушел по собственному желанию.

— Понимаю...

— А вот на душе беспокойно, — добавил я.

— Понимаю... — повторил в раздумье Зоря.

— Однако мы по-прежнему, редко правда, но встречаемся с ним на рыбалке.

В ответ Зоря одобрительно улыбнулся. Он удивительно хорошо вел машину. Ухитрялся находить свое место в этом огромном потоке. Я с любопытством поглядывал на здания, на площади, на улицы, на огромный поток машин, поражающих ярко расцветченными красками, — красные, жел-

тые, вишневые, серые, белые, оранжевые, черные. И почти ни одна машина не похожа на другую. То длинные и широкие, то маленькие горбатые, напоминающие божьих коровок. Я поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, стараясь все увидеть, все охватить.

Брат словно прочел мои мысли:

— Так города не узнаешь... Мы потом побродим, побываем в самых интересных уголках.

Я кивнул. Конечно, из окна машины много не увидишь.

— Ну, а как у Марины с его сыном, любовь или так просто? — продолжал Зоря.

— Не поймешь. Она, по-моему, фокусничает. А он-то, Виктор, от нее без ума.

— А где учится?

— Окончил МГУ. Сейчас вот — аспирантура. Скоро будет кандидатом.

— Да... В отца пошел, значит. Это хорошо. Неплохую партию может она составить. Я рад. Не упускайте момента, — настаивательно произнес он.

— Да разве теперь от нас это зависит? Это не раньше, когда воля родителей была законом.

— Верно. Тем не менее сделай все возможное. Аписья Евдокимовна здорова?

— Ничего. Твое лекарство было кстати. Спасибо.

— Для меня это не проблема.

— Тебе все шлют большой привет.

— И Марина?

— Разумеется... — сказал я.

— Жаль, что мои не увидят тебя. Не судьба, видно.

— Ты-то как поживаешь? — решил наконец спросить я.

— Да как тебе сказать? Пришлось хлебнуть горя. Но мне повезло больше, чем другим. Сейчас вроде бы уже грешно жаловаться. Да я тебе писал обо всем...

— Надолго здесь обосновался?

— Смотря как пойдут дела. Все от этого будет зависеть.

Время сейчас горячее.

— А занимаешься-то чем?

— В некотором роде медициной.

— Вроде бы ты и не медик.

— Разве это имеет значение?

— Это верно. А ты мало изменился, такой же стройный и подтянутый.

— Спорт, Алешенька, делает свое дело. Ты тоже вроде бы в форме.

— У меня работа — волка ноги кормят.

Остаток пути ехали молча. В окне лимузина мелькают красочные витрины, нарядно одетые горожане. Причудливые здания, не похожие одно на другое. Зеленые улицы и площади с затейливыми фонтанами производили впечатление.

— Ну вот мы и дома. Будь моим гостем. Самым дорогим и самым желанным...

Так началась эта история.

А возможно, она началась раньше? Конечно, раньше. Еще до этого первого приезда в Вену.

Пожалуй, лучше рассказать все по порядку. По ходу я буду ссылаться на некоторые высказывания и оценки событий, позаимствованные из дневника моей дочери Марины.

Письма из Канады

О моем уходе, а точнее увольнении, из научно-исследовательского института обычно не говорили в семье. В первое время я умел хорошо держаться. Вида не показывал. Будто так и нужно.

Больше всего я боялся вопросов Марины. Но вроде ничего, обошлось.

В этом научно-исследовательском институте я был на хозяйственной работе. Однако имел возможность распоряжаться, как говорится, материальными ценностями. Нагрянула ревизия. Обнаружилась недостача. Вот эти «ценности» и явились причиной всего, что случилось. Все могло кончиться гораздо серьезнее. Честно говоря, даже судом. Но в научно-исследовательском институте ко мне хорошо относились. Несколько ученых, в том числе доктор наук Фокин, приняли участие в моей судьбе. Да, это добрые, отзывчивые люди. Они пытались даже найти мне оправдание в том, что я очень доверчив и не имею большого опыта.

Жене, конечно, пришлось все рассказать. Ведь недостающую сумму надо было внести. Но от дочерей мы все скрыли.

Марина долгое время не верила, что я так, по собственному желанию, бросил работу в институте и перешел в жэк. Туда, где вечные жалобы, споры, ругань, повседневные мелкие заботы. Но постепенно и она привыкла к моей новой должности.

Жизнь вошла в прежнюю спокойную колею. Я был почти уверен, что профессор Фокин не говорил дома о случившемся со мной. Так что его сын Виктор ничего не знал.

В жэке подобрался неплохой коллектив. Конечно, не

хватало нужных специалистов, были и выпивохи, так что приходилось быть мастером на все руки.

Вот мы и трудимся. Иногда под вечер уже с ног валяешься. Только соберешься домой, как раздается тревожный звонок. Ну разве откажешь в помощи известному музыканту, старому артисту, для которых протечка крана — настоящая катастрофа, конец света.

Обещаешь зайти. И разумеется, заходишь. Ну, а в благодарность — пятерка, а то и десятка, люди они денежные. И конечно, не обходится без ста граммов водки или коньяка.

Вот таким усталым после напряженного рабочего дня я пришел домой первого апреля. Пришел уже совсем поздно.

— Папа, тебе письмо, — торжественно объявила Марина.

— Нечего разыгрывать меня. Первое апреля уже на исходе, — ответил я.

— Нет, я серьезно... Знаешь, откуда?

Я вообще не получаю писем. Писать некому и ожидать писем неоткуда. А тут еще такие загадочные вопросы.

— Откуда? — спокойно спросил я.

— Из Канады. — У меня было желание повернуться и уйти, слитком я устал, чтобы шутить. Но Марина продолжала: — Вполне серьезно говорю — тебе письмо, и непростое. — Она протянула необычный, продолговатой формы, конверт. — Из-за границы. Видишь, написано: «Канада».

Что за чертовщина? Я нерешительно взял письмо. Долго рассматривал странный конверт и фиолетовую марку с портретом какого-то деятеля в парике.

— Верно, Канада, — растерянно произнес я. — Что за чудеса? От кого бы это? Какая-то ошибка, наверное.

Но фамилия и имя написаны четко, разборчиво, по-русски. Вроде бы мне.

— Папа, ну что ты тянешь? Вскрывай же! — раздался голос Марины.

— Да, да... Конечно. — Я вновь принялся изучать конверт. Обратил внимание на обратный адрес. Так же четко выведено: «Э. Ванов». Кто бы это мог быть?

Разорвав конверт, я вынул оттуда небольшой желтого цвета листок. Первым делом посмотрел на подпись. Вроде бы знакомая подпись. Неужели брат Зоря?! А слева, в верхнем углу листа, напечатано: «Зоря Ванов». Точно, Зоря. Стою, словно пораженный громом.

«Но почему вдруг «Ванов»?» — недоумевал я.

— Папа, ну что медлишь? Читай, — слышу как сквозь вату голос Марины.

— Да, да, конечно... — отвечаю я.

«Здравствуйте, мой младший брат Алексей Иванович! Произошло чудо. — («Действительно чудо», — невольно подумал я.) — Я узнал ваш адрес совершенно случайно. Я уже не надеялся на это, точно так же, как вы, наверное, не ожидали моего письма. Может быть, оно вас даже расстроит или приведет в смятение. Мол, откуда он вдруг объявился и что он теперь такое. Но тем не менее о себе не буду много распространяться, до тех пор пока не получу от вас ответа на это письмо. Сообщу только, что живу в Канаде, веду кое-какие дела и имею приличный доход. Все хорошо, если бы не одно обстоятельство, о котором напишу в следующий раз. Чтобы у вас не возникло сомнений, что я — это я, посылаю свою фотографию. Ради всего святого, откликнитесь быстрее. Напишите мне все-все. Не обращайтесь внимания на отсутствие буквы «и» в фамилии. Это сделали ошибку в одном из моих старых паспортов, с тех пор так и пошло — Ванов вместо Иванов. Большой привет всему вашему семейству. Обнимаю. Ваш брат Зоря».

Я закончил чтение письма. Около меня стоит Марина. Она вся в напряжении. Уставилась на письмо, будто бы у меня в руках что-то диковинное и необыкновенное.

Я прочитал письмо еще раз. Внимательно рассматривал фотографию. Сомнений нет. Конечно, это Зоря. И фотография его, и почерк тоже.

Зоря... Мой старший брат. Помню, что у отца нашего было середняцкое хозяйство. Ездили на базар, торговали чем могли. Но родители не слишком баловали нас. Мы работали как взрослые. Дома все было спокойно и мирно, казалось, ничто не предвещало беды. А беда подстерегала. На сенокосе мать упала с воза, сломала позвоночник. После ее смерти жизнь наша круто изменилась. Запил и вскоре наложил на себя руки отец. Мы с Зорей остались одни. Нас взяла к себе сердобольная тетя Нюся. А у нее было своих шесть ртов. Естественно, мы были в тягость. Начали к нам придирааться по всякому поводу и без повода ее старшие сыновья. Пошли ссоры, драки. Вскоре нас отвезли в город и определили в детдом. Так закончилась наша жизнь в деревне.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, а брату восемнадцать, нас из детдома определили на завод и поселили в общежитии. В тесной комнатке — семь человек. Жизнь учила суровой самостоятельности. А кое-кого, в зависимости

от характера, и расчетливости. Таким оказался Зоря. Он пошел в отца. С годами все это усугублялось. Зоря становился жадным, эгоистичным. За ним укрепилась кличка Куркуль.

— Хорошо, пусть Куркуль! — зло огрызался он. — Посмотрим, кто будет в конце концов жить по-человечески.

Через год Зорю арестовали. Я был на суде. Брату дали восемь лет за хищение остродефицитных деталей. Горькое прощание. Первое письмо из далекого исправительно-трудового лагеря. Конечно, ему там несладко. Но ни одной жалобы, ни единой просьбы.

Во время войны, в 1943 году, я получил от Зори последнее письмо через знакомого. Зорю направили на фронт. Несколько строк смутили меня. Я их хорошо запомнил: «Давно ждал такого случая. О! Я повоюю. Я им покажу! За все отплачу». Я ломал голову над этими словами. Что это? Как все это понять? Письмо на всякий случай уничтожил. Подальше от греха.

И вот на тебе, спустя тридцать лет объявился Зоря, да еще где — за границей, в Канаде. Как он попал туда? Почему до сих пор молчал? От кого узнал мой адрес?.. А в голову все лезут строки из того последнего письма.

— От кого письмо, папа? — спросила нетерпеливо Марина.

— От брата Зори. Я как-то говорил тебе о нем, помнишь? Где мать?

— Пошла в магазин. А прочитать можно? — заинтересовалась дочь.

— Читай... — Я протянул ей письмо.

Марина прочла и, возвращая листок, просто и строго сказала:

— Вот и брат нашелся. Да еще за границей. Тесен мир.

— Просто не верится в это, так все неожиданно. — Я пытался найти сочувствие у дочери, но в это время вошла жена, и я молча протянул ей письмо.

— От кого это? Неужели от Виктора? Опять поссорились? — сокрушалась она и укоризненно поглядывала на Марину.

Все в доме знали, что когда Виктор Фокин ссорится с Мариной, то пишет ей письма.

— Да что гадать, ты читай! — излишне нетерпеливо сказала Марина.

Жена читала медленно, то и дело поглядывая то на меня, то на дочь.

— С ума можно сойти. И что ж он, богатый, наверное? — У жены дрожали руки.

— Разве в этом дело? — возмутилась Марина.

— Так если он богатый, не грех и повидаться, — рассудительно сказала жена. — Вон в соседнем подъезде тоже объявился у кого-то дальний родственник за границей, говорит, завалил посылками. Поди, плохо им от этого.

— А если бедный... Странно, почему он вдруг изменил нашу фамилию и, кроме того, называет папу на «вы», — подвела первую черту нашей радости будущий юрист Марина.

— Он же объяснил... — возразил я.

— Несерьезно... Чепуха какая-то.

— Чепуха не чепуха, а раз письмо от родного человека, нечего обращать внимание на мелочи. Надо ему немедленно ответить. Представляю, как ему, горемычному, приятно будет получить от нас весточку, — решительно заявила жена, возвращая мне письмо.

— Нашла горемычного... — хмыкнула Марина и после паузы продолжила: — Мелочи? Фамилию, мамочка, так просто, за здорово живешь, не меняют.

— Значит, случайную описку в документе, о чем пишет брат, ты исключашь? — строго спросил я.

— Случайности, конечно, могут быть... Но все равно, что-то мне во всем этом не нравится...

— Да что там... Писать — и точка! — окончательно решила жена. — В самом деле, Марина, не порти настроения своими подозрениями...

— Подчиняюсь большинству, но остаюсь при своем мнении... — заявила Марина. И строго посмотрела на меня. Я невольно залюбовался ею. Брови взлет. Большие голубые глаза. Густые ресницы. Прямой нос. Пухлые, красиво очерченные губы. На щеках ямочки. Упрямый подбородок. Русая коса, спадающая на плечи. Стройная. Красивая.

— Ну и молодец, — сказал я, нежно обнимая Марину за плечи.

— А что у тебя в руках? — спросила жена.

— Фу, черт, забыл, это же фотография Зори.

Жена стремительно выхватила ее у меня.

— Какой франт, — с завистью сказала жена. — Посмотри, Маринка.

Марина лениво подошла к матери, взглянула на фотографию, иронически улыбнулась и, ничего не сказав, отошла к окну.

Мы невольно переглянулись с женой.

Письмо, однако, я написал.

Все последующие дни были наполнены разговором о Зоре. Я много рассказывал о нашей молодости, о детдоме, заводе, где мы с ним работали. И конечно, с большим нетерпением ожидали от Зори ответа.

Через месяц из Канады пришел ответ.

«Дорогой мой брат Алексей Иванович, — писал Зоря. — Получил от вас весточку. Святая дева Мария, какое это было счастье! Я неделю был словно пьяный и не находил себе места от радости. Каждый день по вечерам всей семьей мы вслух читали ваше письмо и каждый раз находили в нем что-то новое. Вы себе не представляете, какая радость, какое это блаженство — получить письмо с Родины. Я чувствую ваше нетерпение поскорее узнать все обо мне, и я это сделаю, но сейчас мне не хочется омрачать свое блаженное состояние историей, не очень-то веселой.

Извините меня, но я напишу об этом в следующий раз, сейчас, дорогой Алексей Иванович, могу сказать только, что я ничего плохого не сделал и краснеть вам за меня не придется. Еще раз огромное спасибо, что откликнулись на мое письмо.

Моя жена Эльза и сын Роберт шлют вам большой привет и желают здоровья.

Пришлите, пожалуйста, семейную фотографию, нам будет очень приятно.

Надеюсь вновь получить ответ от вас. Ради бога, пишите, пишите как можно больше и подробнее обо всех, обо всем.

Обнимаю. Ваш брат Зоря».

Это письмо мне вручил почтальон утром, когда я шел на работу в свой жэк. На ходу прочел, на одном дыхании. Настолько увлекся, что чуть не сбил с ног впереди идущую старушку. В конторе я прочел его еще раз, потом второпях снял пиджак, небрежно повесил на спинку стула и не заметил, как конверт выпал из пиджака.

Когда возвратился, слесарь Савельев, загадочно улыбаясь, подал мне Зорино письмо.

— Заграничное. Подари марку. Такой у меня нет, — попросил он.

— Прочел небось?

— Что я, ненормальный, что ли? За кого ты меня принимаешь? — возмутился Савельев. В его голосе звучала неподдельная обида.

— Ну, коли так, не жалко. Бери марку.

Савельев вынул из кармана перочинный ножик и аккуратно вырезал марку.

— Нельзя ли полюбопытствовать, от кого письмо получил?

— Можно. От тебя секретов нет. От брата.

— Что-то ты никогда о нем не упоминал.

— Не было случая.

— Ну что же. Значит, будем барахлиться?

— Там видно будет.

Домой я пришел поздно. Леночка и жена спали. Только Марина, прикрыв настольную лампу газетой, лежала в постели и читала.

— Где пропадал? — спросила она полушепотом.

— Отмечали день рождения... Я письмо от Зори получил.

Порывшись, нашел письмо. Передал его Марине. Она быстро прочла.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался я.

— А о себе опять ничего, — ответила она.

— Расскажет, никуда не денется. Потерпи.

— Потерплю.

Из дневника Марины

«Я все-таки была уверена, что у отца на прежней работе была какая-то неприятность. Иначе зачем ему было уходить из научно-исследовательского института. Интуиция меня не подвела. Я сходила в институт, и мне рассказали, правда, в общих чертах, что у отца на складе обнаружилась недостача. Неужели он приложил руку? Не могу в это поверить. Скорее всего из-за своей доверчивости что-то не учел, упустил. Ведь профессор Фокин по-прежнему хорошо относится к нему. Они продолжают ездить вместе на рыбалку. Будто ничего и не было.

А может, так оно и есть?..

Пыталась заговорить с отцом. Он отвечает уклончиво, но спокойно. В конце концов все образовалось. Отец перешел на работу в жэк, правда, нам с мамой это не совсем по душе, но что поделаешь.

И вдруг это письмо из Канады. Внезапное появление дяди Зори внесло в семью атмосферу ажиотажа. Отец и мать только и говорят об этом событии, строят радужные планы, подсчитывают, какие выгоды их ожидают. До чего же живучи в человеке алчность, стремление к наживе. А мне грустно. Возможно, я черствый и слишком щепетильный человек, но мне не по душе вся эта история.

...А Виктор меня любит... Теперь уже в этом можно не

сомневаться... Сегодня он меня поцеловал. Боже мой, как он был счастлив! А я?! Ничего определенного сказать не могу. Неужели у всех так? Неужели первый поцелуй — пустой звук?»

Первые подарки

Все последующие письма брата были исполнены тоски по родной земле, жалоб на одиночество в чужом мире.

Марина молча читала откровения своего дяди. И только однажды, не выдержав, заметила:

— Сантименты!

Жена с удивлением посмотрела на Марину, но промолчала. Дочь демонстративно вышла из комнаты.

— Что с ней? — спросил я.

— Да бог ее знает. С Виктором, наверное, поссорилась.

Но я-то хорошо понимал, что дело было не в Викторе. Вечером мы старались в присутствии Марины не говорить о письмах из Канады и о Зоре. Но жена все же неожиданно выпалила:

— Если он действительно такой благополучный, то почему бы ему нам не помочь?

Ох, как не вовремя это было! Я невольно настороженно покосился на дочь. Не отрываясь от учебника, она тихо произнесла:

— Мама, неужели вам не стыдно будет выпрашивать подачки?

— И ни капельки не стыдно... — вспылила жена. — Ты посмотри, сколько нам нужно! Еле концы с концами сводим. А тебе ведь еще два года учиться...

— Если надо, я могу бросить учебу и поступить на работу.

— Не об этом речь, доченька, — спохватилась жена, но было поздно. Марина выбежала из комнаты. Было слышно, как хлопнула дверь от квартиры. Ушла. Мы не ложились спать. Ждали Марину. Она пришла часа через два. Мы с женой облегченно вздохнули.

Жили мы в коммунальной квартире. Особым достатком похвастаться не могли. Скромно жили. А вот соседи наши, нужно сказать, процветали. Даже завидно иногда было. Матвей Елисеев работал в редакции газеты, его жена Люся — там же, машинисткой. Елисеев часто ездил в командировки за границу. Привозил красивые вещи.

Однажды, это было уже после того как объявился Зоря, у меня с соседом произошла размолвка. Елисеев только что

вернулся из Алжира. Как всегда, опрятно одетый, он что-то разогревал на кухне. Я невольно посмотрел на свою потрепанную, давно выцветшую пижаму, стоптанные войлочные шлепанцы, и мне стало не по себе. А тут некстати вернулась из магазина его жена. Не снимая нарядного пальто с норковой, она заглянула на кухню:

— Понимаешь, Матвей, зря простояла в очереди. Такая досада. А рынок сегодня богатый, — сказала она.

— Это вам не заграница, где всего полно. Бери — не хочу, — вдруг сорвался я.

Елисейев удивленно взглянул на меня.

— Что значит — бери? — усмехнулся он. — Вы в самом деле считаете, что там, на Западе, вот так пришел в магазин и взял что хочешь?

— Да уж по вас видно, не так там плохо, — перебил я его.

— Зря вы все это. Вы бы вот послушали тех, кто там побывал. Не в командировке или в туристической поездке. У меня был такой знакомый. Наслушался заграничных передач «Голоса Америки» и ему подобных, захотел «свободы» и «легкой жизни». Протянул он там всего полгода, хлебнул лиха сполна. Потом пришел в наше посольство и, ползая на коленях, умолял помочь вернуться на Родину. Помогли. Простили. Знаете, что он сказал по возвращении? Лучше на одной картошке буду сидеть, но у себя дома. Хотите я познакомлю вас с ним? Он вам расскажет о «прелестях» заграничной жизни.

— Зачем он мне сдался? — грубо оборвал я соседа. — Зачем мне знакомиться с подонками?

Елисейев даже растерялся:

— Но вы ведь сами же затеяли...

— Ничего я не затевал... Пошли вы к черту, — выпалил я и повернулся к нему спиной.

— Что там у вас случилось? — спросила меня позже жена.

— Сопляк. Живет припеваючи, одевается с иголки, ездит по заграницам, привозит всякие шмотки, еще поучает других. Пожил бы, как мы, не так бы запел.

— Чего раскипятился-то? И не один он живет так. Посмотри на своего Савельева. Семья такая же, как у нас, и получает он меньше тебя, а живет лучше нас. Поменьше надо пить — вот что я скажу, — подлила масла в огонь жена.

— Выходит, и для вас я плохой, черт возьми! — Повернувшись, я выскочил из комнаты.

— Подожди, куда ты? — всполошилась жена.

Немного придя в себя, я подумал, что пора положить конец этой постоянной нервозности, нужно взять себя в руки, а не распускаться так. Жена права — надо бросать пить. Я прекрасно отдавал себе отчет и в том, что причина нервозности во многом — письма брата. Но тут же оправдывал себя тем, что плохого ничего в них нет. Ну, нашелся брат... Радоваться надо, что он жив и здоров, а я кидаюсь на людей, ни в чем не повинных.

А письма продолжали приходиться... Через неделю после ссоры с Елисеевым пришел еще один продолговатый конверт.

К моему удивлению, он не вызвал во мне прежней радости.

«Дорогой Алексей Иванович!

Получил ваше письмо. Стотысячное спасибо за память. Святая дева Мария, как я завидую вам, как мне хочется вас увидеть и обнять!

Дорогие мои родственники, мы живы и здоровы. На днях наша фирма получила крупный заказ, и мы заметно поправили свои финансовые дела. Так что у нас радость. Мы счастливы разделить с вами и вашу радость. Пусть Марина будет счастлива. В наше время иметь жениха-ученого — дело весьма важное. Осмеливаюсь предложить вам свою помощь, если что-то надо. Мне это ничего не стоит, наоборот, буду рад быть вам чем-либо полезным. Ведь мы же родные.

Ждем вашего ответа и по-прежнему ждем фотографию. Обнимаем и целуем. Ваш брат Зоря».

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил я жену.

Она задумчиво посмотрела на листок бумаги:

— Поди, какой культурный. Чего скажу, спрашиваешь? Вот что скажу. Есть бог на свете. И думать нечего, раз сам предлагает помощь, грешно от нее отказываться. Садись и пиши.

— Верно, Анисья. Я тоже так считаю. Надо только Марине сказать...

— Покажи ей письмо. И все тут.

— Может, это лучше сделать тебе?

— Как хочешь... — без особого энтузиазма согласилась она.

На том и порешили. Когда Марина пришла из института, жена дала ей прочесть письмо.

— Папа, мне не хочется омрачать твоей радости по поводу того, что нашелся твой брат, но я не могу ничего с собой поделаться. Знаешь, есть такое слово — «интуиция», вот

она мне подсказывает, что здесь что-то не так. Почему он ничего не пишет о своем прошлом? Не кажется ли тебе все это странным? Верно, мама? — Марина искала поддержки.

— Не вижу ничего в этом странного. И чего тебе от него нужно? Он желает нам добра. Не понимаю тебя, Марина.

— Ты не права, дочка, — вступился я. — Может, человеку не до воспоминаний о прошлом. Успеется. Все еще впереди. Кстати, он же писал, что ничего плохого не сделал и краснеть за него не придется. Уж очень ты у нас правильная! Лучше вот скажи, что ему ответить.

Мне очень хотелось на этот раз быть спокойным, но я чувствовал, что едва сдерживаю себя.

— И обсуждать тут нечего, — вмешалась опять жена. — Какой дурак отказывается от помощи? И главное, помощь эта кстати. Марина — уже невеста, надо ее приодеть. Да и Леночку тоже.

— Я обойдусь без подачек, — решительно заявила Марина.

— А я не обойдусь! — весело закричала Лена.

— Значит, мнения разделились. Хорошо. Проголосуем. Кто — «за»? Трое. Значит, решено. А как быть с фотографией? Пошлем или нет?

Мне все еще очень хотелось мирно уладить дело.

— Надо еще иметь ее, — ответила Марина.

— Есть предложение в воскресенье всем сфотографироваться. Кто «против»? — вмешался я.

— Можно, — откликнулась Марина.

— Давно пора. Ни одной семейной карточки, — обрадовалась жена.

«Слава богу, хоть в этом есть согласие», — подумал я с облегчением.

Фотографию я отправил вместе с письмом, в котором осторожно, не слишком навязчиво говорил о том, что жена не отказывается от помощи. Что поделаешь с женщинами? Им только и подавай тряпки. Что самому мне ничего вроде и не нужно.

Вскоре мы получили извещение о посылке. Ящик был довольно большой. Жена деловито вынимала из него красивые вещи. Глаза разбегаются — такие яркие краски! Просто радуга в доме.

— Какая прелесть, а? С ума можно сойти, Алеша, да ты посмотри. Это Леночке. Это мне. А это Марине. Это тебе... — повторяла жена, не зная, за какую вещь ухватиться прежде.

— Не вижу, что ли, — говорю я, стараясь утихомирить восторг жены. — Лучше подумаем, что можно продать.

— Найдем, мой дорогой. Не волнуйся. Сейчас определим. — Жена начала снова перебирать вещи. — Это нам, а это продать.

— Сколько, интересно, можно выручить за это? — невольно вырвалось у меня.

Мы подсчитали, получилась солидная сумма.

— Анисья, только смотри, осторожней... — предупредил я, в глубине души уверенный, что жена справится со всем и без моего предупреждения.

— Нет, какой он молодец, дай бог ему здоровья и долгих лет жизни. Вот счастье нам привалило. Что ни говори, а бог на свете есть... — причитала жена.

Наша жизнь изменилась. Все другие интересы отодвинулись на второй план. Мы жили вновь воспоминаниями о брате. Никогда жена не интересовалась детством и юностью Зори. Да и вообще мы раньше его не вспоминали. А сейчас я рассказывал обо всем, что помнил. Правда, в моей подаче Зоря выглядел смышленным, бойким пареньком. Я страшился рассказывать о теневых сторонах биографии брата. Жена слушала с восхищением.

А письма продолжали приходить. Вот что он писал в следующем послании:

«Очень обрадовался новой весточке. Словно выиграл крупную сумму в тотализатор. Теперь ваши письма мы будем хранить перед образом святой девы Марии. Извини, что долго не отвечал. Я болел. Сейчас, слава богу, встаю, прогуливаюсь по саду — в вилле душно. Набираюсь сил. Зимой думаю обкатать новую машину, а затем поеду куда-нибудь в горы, так рекомендуют врачи. Надо спастись легкие. Моя супруга решила сделать вам приятное — кое-что на днях послала посылкой. Скажи Марине, что я не стеснен в средствах и с радостью могу поделиться с вами. Ведь даже в писании сказано — помогай ближнему. А мы — самые близкие родственники.

Мне предстоит поездка в Европу. Наша фирма участвует в выставке, и я назначен представителем. Буду очень близко от вас. Боже мой, как мне хотелось бы повидаться! Святая дева Мария, помоги мне в этом. Пишу с трудом. Устал. Напишите, где вы все работаете, как проводите время, где отдыхаете».

Марина, как всегда, внимательно прочитала письмо.

— Ну вот, я же говорила. Опять ни слова о своем прошлом. Оттягивает. Значит, чего-то боится.

— Марина, ты несешь вздор, — оборвал я. — Ведь человек был тяжело болен, дай ему прийти в себя.

— Заболел, — усмехнулась дочь. — Ну и что? Зачем же прикидываться простачком? Ты посмотри, как он хитро подкидывает нам сведения о своем благополучии: ходит по саду, в вилле, видите ли, душно, поедет обкатывать новую машину. Понимай так, что у него иеется и обкатанная. Едет отдыхать в горы, а потом предстоит вояж в Европу. А с посылками, обрати внимание, как ловко все обставил. Тут тебе и обращение к Библии — помощь ближнему. Не могу я с этим смириться. Так ему и напиши...

— С ума можно сойти! — воскликнула жена. — Ведь он добра нам хочет, а ты готова съесть его. Даже отказалась посмотреть посылку. А знаешь, сколько мы за нее выручили?

Кажется, она сказала лишнее.

Ведь мы договорились не вспоминать при старшей дочери об этих тряпках. Не нравится ей, и не надо. Зачем создавать лишнюю нервозность.

— Противно мне, что вы из-за тряпок готовы перед ним встать на колени. Как будто мы оборванцы. Никакой гордости и самолюбия, — заключила Марина.

Жена сделала попытку уладить вновь назревающий конфликт. Вступила в разговор и наша младшая — Лена.

— Что ты, Мариночка! Посмотри, какие вещи красивые. Взгляни на это платье. Все девочки завидуют!

Марина не обратила на сестренку внимания, а повернувшись к нам, сказала:

— Любуйтесь. Вот вам и плоды.

Мне пришлось вмешаться:

— Лена, помолчи, когда тебя не спрашивают. А ты, Марина, имей в виду, мне, как и матери, не нравится твой тон. Позавидовать только можно, что брат живет в достатке да еще и нам помогает. Вместо благодарности ты...

Что-то не то я говорю. Чувствую сам, что не убедишь этим Марину.

— Зависть, папочка, — тяжелая болезнь. Берегись ее. Она уже многих сгубила и еще погубит, — перебила она меня.

— А я завидую. За-ви-ду-ю. Вот и все! — Я начал выходить из себя. — И потом, не учи нас жить. Воспитывай своего Виктора.

— Не беспокойся за Виктора, его-то воспитали! А вот мне стыдно бывает перед ним.

— Родителей стыдишься? — взорвался я.

Не знаю, чем бы кончилась наша перепалка, если бы не вмешалась жена. Когда дело касалось Виктора, она всегда становилась на сторону Марины, и я оказывался в одиноче-

стве. Да и мне самому, откровенно говоря, нравился этот скромный, серьезный парень. О нем не скажешь пренебрежительно «профессорский сынок». Я рад был, что Марина встречается с ним. И в глубине души не думал, что дочь стыдилась нас.

Но мы все были взволнованы. Одно неверно сказанное слово влекло за собой скандал. Так уж сложилось с момента получения того злосчастного письма. Мы все понимали это и тем не менее продолжали ждать от Зори писем, а больше всего — чего греха таить! — посылок.

И вот наконец пришел толстый конверт. Это было то самое письмо, которого так ждала Марина. Она зачитала его до дыр. Зоря писал о своей жизни, объяснял все «неясности».

«Я благополучно съездил в Европу. Сейчас отдыхаю в горах. Посылаю фотографии. Набираюсь сил и с грустью думаю о прожитом. Я обещал тебе обо всем рассказать.

Не знаю, получил ли ты письмо, отправленное в августе 1943 года из колонии, перед моим отъездом на фронт. Может, и не дошло оно до тебя. Поэтому начну с того времени. Я попал на фронт в разгар боев, что называется, с колес нас бросили в атаку. Завязался рукопашный бой. Помню, передо мной вырос огромный рыжий детина, который с ходу сбил меня с ног. Очнулся я уже в переполненном бараке. Потом были страшные дни. Я боролся за жизнь. После выздоровления — отправка в немецкий тыл. В Германии на рудниках мы каждый день спускались в шахту и каждый раз когонибудь оставляли там навсегда. Были минуты, когда мы мечтали о смерти как о единственном способе избавления от мук. Но, слава богу, нашелся один пленный. Даже в этих, казалось бы, совершенно невозможных условиях он сумел сплотить вокруг себя группу людей и организовал побег. Не всем удалось бежать. Я оказался в числе немногих счастливыхчиков. Добрые люди укрыли нас в безопасном месте, а затем, снабдив надежными документами, поодиночке переправили в разные места. Я попал в Швецию. В течение полугода метался по стране в поисках постоянной работы, но не так-то легко ее было получить. Перепробовал все: был черно-рабочим, мойщиком машины, сторожем, мусорщиком, земле-копом, носильщиком. Только закалка, полученная в деревне, в детдоме и общежитии, в лагере — словом, в России, да вера в возможность вернуться на Родину помогли мне выжить.

За очень короткое время я испил сполна чашу горя и лишений, которые были отпущены человеку на всю его

жизнь. Ох, как невыносимо трудно, тяжело было тогда и как нелегко об этом вспоминать даже сейчас.

Потеряв всякую надежду устроиться на постоянную работу, я «зайцем» выехал в Канаду. В угольной яме грузового парохода долго не просидишь. Я просидел столько, сколько хватило сил. «Зайцу», оказывается, нужен не только воздух. Он нуждается в пище и воде. В общем, на десяти сутки меня еле живого нашли.

Было много всяких приключений со мной, прежде чем я добрался до Канады. Здесь мне повезло. Я познакомился с прибалтийским немцем Крафтом, золотоискателем, и вместе с ним мы долго гонялись за кладами. Но их, как оказалось, находят не те, кто ищет. И кладов мы не нашли. У Крафта была небольшая бакалейная лавка, где хозяйничала его дочь Эльза. Мы с ней стояли за прилавком. Она стала моей женой. После смерти Крафта лавка полностью перешла к нам. Я окончил коммерческий колледж. Сейчас состою компаньоном небольшой фирмы медицинского оборудования.

Здесь много русских и особенно украинцев. Почти все мы очень тоскуем по России, с жадностью слушаем концерты русских артистов, когда они приезжают. Не пропускаем ни одной выставки. Слушаем радиопередачи.

Вот и вся моя история. Как видишь, в ней нет ничего героического. И, честное слово, пойми меня правильно, я не обижаюсь на Марину, которая, наверное, видит во мне чуть ли не предателя. Может быть, на ее месте я думал бы так же. Не будем на нее сердиться, молодо — зелено. Время рассудит.

...Письмо это заканчиваю много дней спустя. Воспоминания о прошлом разволновали меня настолько, что пришлось опять долго успокаиваться, принимая изрядные дозы успокоительных.

На твои вопросы о текущих делах отвечу позже. Извини.

Большой привет семейству, и Марине особенно, от всех нас.

Обнимаю. Твой Зоря.

Р. С. Здорова ли уважаемая твоя супруга Анистья Евдокимовна? У нас есть очень хорошее средство от радикулита. На днях Эльза его вам вышлет.

Фотокарточку получили, большое спасибо. А где же Марина?»

«Сегодня воскресенье. С утра отец и мать начали обсуждать, что им надеть, прежде чем пойти к фотографу.

— Надень куртку, которую прислал Зоря. Сделай ему приятное.

— Мне больше нравится коричневый костюм, — ответил отец, явно потрафляя мне. Я не пошла фотографироваться. К моему удивлению, родители не стали настаивать.

В понедельник была на лекции. Чекист толково рассказывал о методах иностранных разведок по обработке наших людей, находящихся за границей. Много приводил интересных примеров. Особенно запомнился один из них. Вот так же, как и у нас, вдруг в одной семье объявился родственник в Южной Америке. Началось с простой переписки. Потом пошли посылки. Затем последовало приглашение приехать к нему. Поехал. Его там окружили особым вниманием. Всячески задабривали, водили по значным местам, развращали, спаивали и в конце концов запугали его, и он изменил Родине... Представляете мое самочувствие. Я слушала, и у меня холодело сердце. Вдруг и у нас дело дойдет до поездки отца. Ведь он у меня слабохарактерный. Барахольщик. Выпивоха и слаб на язык, когда находится под градусом. Я очень боюсь... А дядя продолжает интересоваться мною и как бы заигрывает. Из-за его посылок у нас дома нет покоя. Испортились отношения. Не знаю, чем это все кончится».

Последнее письмо от Зори стало причиной наших дальнейших неприятных разговоров.

Как-то вечером я сидел дома у телевизора, а жена суетилась по хозяйству. Марина готовилась к экзаменам. Лена читала. Каждый был занят своим делом. «Кажется, сегодня будет все спокойно», — с облегчением подумал я. Но не тут-то было. Словно перехватив мою мысль, Марина отложила в сторону учебник.

— Дорогой мой папочка, — сказала она многозначительно, — знай, что твой брат, а мой дядя, не реабилитировался в моих глазах.

Я старался быть спокойным, сдержанным.

— Почему? — спросил я.

— Может быть, я буду слишком резка в своих суждениях, — начала Марина, — но давай все же еще раз проанализируем содержание последнего письма. Так сказать, подвергнем психологической экспертизе. Нельзя не обратить внимания на абсолютную безыменность шести событий, свя-

занных с его персоной. Ни одно событие в его жизни не привязано, как говорят, к местности. Послушай. Он пишет: «Попал на фронт в разгар ожесточенных боев...» Какой фронт? Когда это происходило? Ни слова. Он был отправлен в тыл Германии. Куда? Место? Работал на рудниках. Каких? Где? Возглавил организацию и организовал побег один пленный. Кто он? Имя хотя бы. Бежит из рудника в числе счастливых. Опять ни имени, ни фамилии товарищей. Далее. Скитается по Швеции в поисках работы. Снова никаких указаний. Затем направляется в Канаду на пароходе. Ни названия порта, откуда уехал, ни названия парохода. Давай задумаемся, отчего это происходит. Не скрывает ли он истинного положения вещей? Можно ли ему верить? Что ты на это скажешь?

Наступило неловкое молчание. Жена недоуменно поглядывала то на Марину, то на меня.

Я обдумывал, что ответить. Во мне все кипело от возмущения. Стараюсь взять себя в руки.

— Органы правосудия могут гордиться, их ряды скоро пополнятся новым Плевако, а вот подобрать колер для покраски квартиры я бы тебе не доверил, уж очень мрачные цвета у тебя в ходу. Конечно, у твоего дяди далеко не безупречная биография, но это еще ничего не значит. В белила тоже попадает сор, но от этого они не перестают оставаться белыми. Оставь все эти сомнения. Почитай внимательней, с какой тоской он пишет о России! Нужно быть добрее к людям.

— Ну да, зачемшний раз утруждать себя сомнениями, — иронически усмехнулась Марина. — Куда проще получить заграничные тряпки и носиться с ними по комиссионным магазинам и толкучкам. Разве ты не видишь, он просто ослепляет и разлагает вас своими подачками.

— За-мол-чи, или я тебя сейчас... — Я высочил из-за стола.

Жена, видя, что дело принимает серьезный оборот, встала между нами. Марина стояла как вкопанная.

— Да вы очумели, наверное? Господи, когда все это кончится? С ума можно сойти, — с горечью сказала жена и развелась.

— Твое воспитание, полюбуйся. Она скоро сядет нам на голову! — кричал я.

— А ты где был, когда я ее воспитывала? — теперь уже не удержалась жена. — Поменьше бы бегал по рыбалкам да шлялся по друзьям, — всхлипывая, заключила она.

После этой истории я целый месяц не разговаривал с Мариной. Никто из нас не хотел первым пойти на примирение. Хотя время и было вроде бы нашим союзником, тем не менее, зная характер дочери, мне первому пришлось ей уступить и в спокойной обстановке объясниться. Объяснение было тягостным. Мы помирились. Однако прежней искренности в отношениях с дочерью больше не наступило. С того случая мы договорились с женой сохранять в строгой тайне от Марины получаемые письма и посылки от брата. Худой мир лучше доброй ссоры.

Тревожные дни

В очередной посылке находилась только мужская одежда. Мне особенно пришелся по душе разноцветный шерстяной свитер. Я тут же его надел, благо было прохладно, и вышел на кухню. Сосед варил кофе. Поглощенный своим занятием, он не обратил на меня никакого внимания.

— Матвей Егорович, я тогда погорячился... Не сердитесь... — извинился я.

— Самокритику приветствую и больше не сержусь... — ответил журналист, не отрываясь от кофеварки.

— Матвей Егорович, одолжите, пожалуйста, спички.

Я все-таки решил заставить его оторваться от кофе и обратить на себя внимание.

— А вон спички, — спокойно сказал Елисеев и кивнул в сторону короба, лежащего на газовой плите.

— Фу, черт, не заметил...

Мне ничего не оставалось делать, как взять коробок и зажечь горелку.

— Противная сегодня погода. — Я не унимался. Да пусть же в конце концов взглянет на меня!

— Да... — равнодушно согласился он и поднял голову. — О! Алексей Иванович, с обновкой вас... Отличная штука!

Я не стал громко расхваливать свитер. Небрежно произнес:

— Конечно, разве сравнишь с отечественным барахлом? Вот только Марина не понимает этого.

— Я давно наблюдаю за Мариной. Нередко приходилось с ней вести кухонные разговоры. Скажу вам, она мне правится. Марина у вас — правильный человек, и я на ее стороне... — как-то очень серьезно сказал Елисеев.

Я сделал вид, что не заметил перемены в его тоне.

— Скажите, Матвей Егорович, дорогие там транзисторы?

— Цены разные, в зависимости от класса.

— Сколько, например, стоит трехдиапазонный?

— Сорок пять — пятьдесят долларов.

— Это дорого?

— Прилично... Извините, Люсенька зовет. — Елисеев побежал к себе в комнату.

Разговора по душам не получилось. Но я все равно был доволен. И, вернувшись в комнату, сказал жене:

— Зря нападаю на соседа... Порядочный человек.

Мне хотелось, чтобы в разговор вступила Марина. Но она сидела, уткнувшись в учебник.

— И культурные люди... — продолжал я. — В театр часто ходят... А мы...

Я знал, что говорил. Марина подняла голову и посмотрела на меня вопросительно — не шучу ли.

— Они предлагали билеты, — сказала дочь. — И не раз...

После этого разговора прошло всего три дня. В обеденный перерыв Марина позвонила мне на работу и решительным тоном попросила не задерживаться.

— Есть важное мероприятие, — закончила она.

Гонимый нетерпением, я раньше срока пришел домой. Меня встретили празднично одетые жена и Марина.

«Что-то случилось», — подумал я.

— Давай приводи себя в порядок. Идем в театр, — заявила безапелляционно Марина.

Было ново и необычно, как они наряжали меня, словно мы идем на прием к английской королеве. Я не сопротивлялся. Наши соседи тоже идут в театр. Марина организовала коллективный поход. Не помню, когда я в последний раз был в театре. Наверное, где-то вскоре после окончания войны.

В Театре имени Вахтангова я никогда не был. Помещение мне понравилось. Публика тоже. Зал был переполнен. На этот раз мы смотрели шумевшую «Иркутскую историю».

Честно сказать, спектакль на меня не произвел впечатления. Об этом я и заявил Марине.

— Почему? — удивилась она.

— Да потому, что уж если разоблачать недостатки, так разоблачать, а не стрелять из пушки по воробьям. Ясно?

— Ты вечно недоволен, — покачала головой Марина и вызывающе закончила: — Отличный спектакль!

Я остался, так сказать, при своем мнении. Елисеевым спектакль тоже понравился. Они с Мариной вспоминали отдельные сцены, хвалили игру актеров. Оказывается, они видели этот спектакль в другом театре и теперь сравнивали.

Возможно, они и были правы, но меня обидела резкость Марины. Подумав, я решил, что серьезно обижаться не стоит.

Наш культпоход помог восстановить дипломатические отношения в семье. И это было уже хорошо: у Марины был преддипломный курс. Первый человек в нашей семье с высшим образованием! Мне самому не пришлось получить его, хотя, говорят, и был способным. Анисья вот и десятилетки не имеет: сначала — хозяйство в материнском доме, потом — в своем собственном. Дел у нее предостаточно. Шутка ли — вырастить дочерей, да еще при нашем скудном бюджете! Только в последнее время мы стали лучше жить. В доме появился достаток. Да и споры с Мариной прекратились.

И вдруг... Нежданно-негаданно появляется милиционер.

— Здравствуйте. Я участковый уполномоченный капитан Морозкин Николай Сергеевич, — представился он. — Это квартира Ивановых?

— Не квартира, а комната, — грубовато ответил я. — Но это не столь важно. Проходите.

При появлении участкового жена и Марина машинально встали. Они вопросительно смотрели на меня. Почему-то в их представлении визит милиционера мог быть связан только с моей персоной.

— Можно присесть?

— Конечно, конечно...

— Кто из вас Анисья Евдокимовна? — спросил участковый.

— Я... — ответила бледная жена.

— Извините, Анисья Евдокимовна, за беспокойство, но у меня к вам есть несколько вопросов. Разрешите?

Жена продолжала стоять, бледная, растерянная.

— Да вы садитесь. И скажите мне, когда вы в последний раз сдавали в комиссионный магазин вещи и какие?

— А что-о-о?! — едва двигая непослушным языком, произнесла жена! Она продолжала стоять. — Кофточки... Шарфы и плащи...

— Когда это было?

— Вчера.

— Какой позор! — возмущенно прошептала Марина. Она резко отвернулась к окну. Все невольно посмотрели в ее сторону.

— Откуда вы их берете? — поинтересовался милиционер.

Жена нерешительно посмотрела на меня. И я пришел ей на выручку.

— Дело вот в чем. У меня в Канаде брат, ну вот он нам и присылает.

— Как часто это бывает?

— От случая к случаю...

— А какое-нибудь подтверждение у вас есть?

Жена с трудом подошла к комоду, вынула квитанции, положила на край стола. Отдать их в руки милиционеру она не решилась.

— А вы тоже сдаете? — спросил меня милиционер, проматривая квитанции.

— Да... И я тоже...

— И вы? — Участковый уполномоченный повернулся к Марине.

Она в ответ презрительно пожала плечами.

— Ясно. Извините за беспокойство, — сказал милиционер, возвращая жене квитанции. — Все правильно. У меня пока претензий к вам нет, — заявил он, сделав ударение на слове «пока». — Но злоупотреблять этим я вам не советую. Спокойной ночи. — И он ушел.

В комнате стояла мертвая тишина.

— Мне стыдно... Стыдно! Слышите!.. — крикнула Марина.

Я ждал, что дочь сейчас выбежит из комнаты. Выбежит и не вернется. Но она стояла у окна, и я видел, как вздрагивали ее плечи.

Все же Марина ушла из дому и пропадала четыре дня. Мы сбились с ног. Приехал Виктор. Он с нами искал ее. Я боялся, что Виктор начнет расспрашивать о причине ссоры. Но он этого не сделал.

Оказывается, Марина жила у одной из своих подруг. Стоило больших трудов уговорить ее вернуться домой.

И уже, конечно, об очередном Зоринном письме не сказали ей ни слова.

А это письмо повергло нас в смятение.

«Милый брат мой Алексей, — писал Зоря. — Я очень огорчен. Мы все в растерянности. Не знаю, с чего и начать. Я получил от Марины письмо. Не понимаю, что случилось. Марина просит меня прекратить переписку. Какие могут быть разговоры? Я это сделаю, если речь идет о судьбе близкого родственника. Ведь мы же братья, мы пойдем друг друга. Не скрою, я в полной тревоге, растерянности и недоумении. Прежде чем написать тебе это письмо, я долго думал и все же решил с тобой объяснить. Если наша переписка может принести тебе какие-либо неприятности, имей в виду, я готов замолчать. Пусть я снова буду одинок,

пусть отшельничество вновь станет моим уделом. Так тому, очевидно, и быть. По-братски благодарю тебя за доставленные счастливые минуты, они навсегда сохранятся в моей памяти, и никто не сможет их у меня отнять.

Если сможешь, прости. Поверь, я не хотел тебе зла.

Обнимаю. Твой Зоря.

Р. С. Я переехал на новую виллу. Поближе к фирме. На всякий случай сообщаю адрес...»

Я читал письмо и не понимал, что со мной происходит.

Перечитал несколько раз. Только после этого дошло. И сразу же настрочил ответ. Извинился за Маринину выходку. Объяснил ему, что Марина сейчас в связи с экзаменационной сессией очень нервничает, да и в личном вопросе не все у нее ладится, ну и на этой почве и выкинула номер. Я с ней на эту тему переговорил, и мы оба просим извинения. Конечно, с Мариной я по этому вопросу не говорил и не собирался. Но надо же мне было как-то выйти из положения. Не хватало еще из-за этого поссориться с братом и прекратить общение с ним, сулившее семье большие материальные выгоды. Попросил в последующей переписке больше не возвращаться к этому недоразумению. Быстро собрался и побежал на почту.

— Ты не забыл новый адрес указать? — спросила меня жена, когда я вернулся домой.

— Нет. А что?

— Ничего. Вот он переехал в новую... как... Счастливец какой, а тут ютишься в комнатухе всю жизнь, и просвета не видно.

— Ладно тебе канючить. Будет и у нас отдельная квартира. Вот Елисеевы уедут, их кооперативный дом всю строится, мы наверняка зайдем их комнату и тоже заживем припеваючи.

— Когда это будет... Да и будет ли,— тяжело вздохнув, сказала жена и после минутного раздумья обратилась ко мне: — Я думаю, Маринке об этом письме Зори не надо говорить. Как ты считаешь?

— По-моему, тоже.

На том мы и порешили.

Через довольно короткое время вновь пришел из Оттавы знакомый конверт.

«Дорогой брат Алексей!

Я спешу поделиться с тобой новостью,— писал Зоря. — Мой главный шеф предложил мне занять пост представителя нашей фирмы в Вене. Откровенно сказать, у меня нет никакого желания уезжать отсюда. Здесь я обжился непо-

хо. Все у меня есть. Работа интересная. Рядом. Имею полезный круг знакомых. Единственное, что меня может побудить дать согласие,— это возможность желанной встречи с тобой.

Напиши, сможешь ли ты приехать ко мне в Вену и что для этого тебе нужно? Разумеется, твоя поездка будет мной оплачена и полностью обеспечена за мой счет.

Очень хочется повидаться с тобой.

С нетерпением буду ждать от тебя ответ. Если можно, пошли письмо авиадепешей. Или лучше дай телеграмму. Только одно слово — «да» или «нет». Очень хочется, чтобы это было «да».

Дома у меня, слава богу, все нормально. За последнее время увлекся тоже рыбалкой и чувствую себя неплохо.

Эльза и Роберт низко вам кланяются.

Как у тебя дела? Здоровы ли Анисья Евдокимовна, Марина, Леночка? Как Марина сдала экзамены? Как у нее отношения с Виктором? Надеюсь, все в порядке?

Жевательную резинку послал. Зачем так много? А что касается сигарет, извини, не принимают к отправке за пределы страны. Чем можно заменить? Пиши, не стесняйся. Может быть, что нужно Марине, она ведь у тебя невеста...»

Мы долго с женой обсуждали последние новости, полученные от брата, и сошлись на том, что будет хорошо, если он переедет в Вену. Так мы скорее сможем с ним увидеться. Ведь это намного ближе, чем ехать в Канаду.

Побывать в Вене! Посмотреть собственными глазами Австрию. Разве от такого удовольствия откажешься!

На другой день, сославшись на плохое самочувствие, я не пошел на работу. Нужно было узнать, где находится организация, которая занимается оформлением поездок за границу. Оказывается, этим вопросом ведает МВД СССР — так называемый ОВИР (отдел виз и регистрации).

Это оказалось несложным делом, и я сразу же бросился знакомиться с порядком оформления поездок за границу.

Мучительно долго тянулась очередь на прием к начальнику ОВИРа. Видимо, у каждого посетителя были сложные вопросы. И с каждым следовало терпеливо разобраться.

Наконец подошла и моя очередь.

Начальник ОВИРа был любезен. Внимательно выслушал меня, толково разъяснил, что нужно для поездки за границу, какие и как надо оформить документы. Окрыленный предстоящей перспективой, тут же помчался на Центральный телеграф и дал Зоре срочную телеграмму. Как он и просил, одно слово — «да».

Все оказалось проще, чем я думал. Летел домой, ног под собой не чуя.

— Анисья, все хо-ро-шо, черт возьми. Поеду и я за границу... на родину Кальмана!..— крикнул я, открывая дверь в комнату, и замер. Передо мной стояла Марина.

«Ну, — мелькнуло у меня в голове, — сейчас будет буря».

— Папа, это родина Штрауса! Родина Кальмана — Будапешт,— сухо сказала она.

— Штрауса так Штрауса...— пробормотал я. «Неужели пронесет?»

— Она все знает. Я ей рассказала...— призналась жена, виновато пряча глаза.

— Покажи письмо...— тихо попросила Марина.

— Письмо осталось в ОВИРе...

Зачем мне нужно было ее обманывать, и сам не могу объяснить.

Марина недоверчиво посмотрела на меня.

— Как интуиция? — попытался улыбнуться я.

— Ты сказал неправду. Ладно, дело не в письме, а в сути. Почему он вдруг приглашает тебя в Вену, а не в Оттаву? Как ты думаешь?

— Какая разница, откуда поступает, как у нас говорят, подряд, главное — от кого. Надеюсь, тебе это понятно, будущий следователь?

Марина не разделяла моего бодрого настроения.

— Не находишь ли ты нужным поставить в известность об этом компетентные органы? — сухо спросила она.

— А ОВИР МВД СССР тебе что — не компетентные органы?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Да ты что? — возмутился я.— Я же еду встречаться с братом. Понимаешь, с родным братом!

— Не кричи и не смотри на меня как на сумасшедшую,— проговорила уже мягче дочь.— Я все прекрасно понимаю, оттого и болит душа.

Из дневника Марины

«Что делать с отцом? Эти письма и посылки от нашего дядюшки сделали жизнь в доме совершенно невыносимой.

Виктор, видя мое настроение, старается меня как-то расшевелить, предлагает то одно, то другое. А я стала, кажется, несносной. Грублю. Капризничаю. Он терпит. Молодец. Чувствую, хочет спросить, что со мной происхо-

дит, а не решается. Ох уж эта мне корректность, воспитанность!

Но я ничего Виктору не рассказала. Стыдно признаться и боюсь, а чего, и сама толком не знаю. Потерять его?! Чуть. Мне так нужна дружеская помощь. Ведь не будешь же жаловаться на родителей любому? Да еще по такому щепетильному вопросу. За какие грехи свалилась такая беда?

Вот и молчим...

Отец на самом деле едет к брату за границу. Дядя уже в Вене. Прислал отцу приглашение. И он как очумелый собирает документы на поездку. А что, если мне пойти в ОВИР и рассказать о своих сомнениях, тревогах?»

Вена

Оказывается, не так-то просто, как казалось вначале, выехать за границу. Пришлось изрядно помотаться, попервичать и немало ждать. Но вот, слава богу, все позади.

Собирала меня вся семья. К моему удовлетворению, и Марина была небезучастна. Смирилась. И вот вокзал. Прощание. Последние наставления. Поезд тронулся — и я в дороге.

В Вене в мое распоряжение были выделены две комнаты. Вся квартира, в которой жил Зоря, состояла из пяти. Ничего себе — квартирка. Представляю какая у него вилла!

А ведь он пока один! Семья переедет позже. Я с нескрываемым восхищением осматривал обстановку. Все было для меня в диковину. И обои, и сантехника, и линолеум, и мебель.

Вела хозяйство Фани, экономка, стройная, миловидная, жгучая брюнетка и на вид серьезная женщина с большими вишневыми глазами. Она приехала с братом из Канады.

— Располагайся, приводи себя в порядок после дороги. Фани покажет тебе все, что надо. Вообще все здесь в полном твоём распоряжении, — улыбался Зоря. — Извини, у меня сейчас, как назло, много неотложных дел, я должен уехать, так что действуй. Деньги на столе, машина у подъезда. Шофер предупрежден. Вечером поговорим. Вопросы есть?

Я еще не мог опомниться. Какие могут быть вопросы? Когда меня всего распирало от первых впечатлений.

— Спасибо.

Зоря уехал. Я вместе с Фани осмотрел квартиру. Со вкусом обставлена. Об отделке и говорить нечего. Особенно

меня поразили просторные кухня, ванная, туалет. А какая фактура! Пальчики оближешь. А разноцветные с причудливыми рисунками кафельные плитки. Мягко льющийся свет. Не выходил бы отсюда совсем. А ковры, как скажет жена, с ума можно сойти.

Приняв душ и позавтракав, я отправился в город. Шофер повез меня на «венский Бродвей» — улицу Кернтерштрассе.

Вот бы посмотрели на меня жена и дочки или мои соседи Елисеевы. Да и Савельев тоже. В какой роскошной машине я еду. И шофер со мной весьма приветлив. Он знает немного русский язык и с грехом пополам, но все же объясняется.

Город меня поразило. Я, правда, мало что запомнил, настолько было много впечатлений. Улицы сверкали витринами, поражая обилием красок и реклам, а люди медленно, словно сонные, шли по тротуару, будто бы им не было до этого никакого дела и нет у них других дел, кроме как слоняться по улице. А ведь кругом роскошные, манящие к себе магазины, бары, рестораны. Такое впечатление, что здесь люди не работают, а только празднично шатаются.

Я попросил шофера остановиться. Но это оказалось не просто. Здесь не как у нас в Москве, где хочешь, там и припаркуешься. С большим трудом водитель нашел место и то строго предупредил, чтобы я быстрее возвращался: за стоянку надо платить. Я вошел в первый попавшийся магазин. От ярких красок и обилия товаров зарябило в глазах. Продавец, не успев я войти в зал, тут же оказался около меня. Оглянулся. Народу — никого. Смущенный, покинул магазин. Покупать ничего не собирался. Хотел просто поглазеть. Оказывается, здесь так не принято. Раз зашел, значит, покупай. Вот бы у нас так. Какая бы была красота.

К вечеру мы вернулись домой. Я устал, болела голова, гудели ноги. Появилась слабость. Отчего бы это? От перемены климата или от праздничных впечатлений? Или простыл в дороге.

А через час появился и Зоря.

К сожалению, он был не один. Меня это несколько смутило. Я рассчитывал, что если не целый день, то уж вечер проведу наедине с братом.

— Мне сказали, что ты даром не терял времени, — весело начал брат. — Молодец. Ну, как впечатления? — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Знакомься. Это мой

друг и компаньон, его ты можешь не стесняться. Большой знаток и почитатель России.

Передо мной стоял высокий, слегка сутулящийся, элегантно одетый, совершенно седой, с холемым лицом мужчины. За большими роговыми очками скрывались серые холодные глаза. Его губы украшали чаплинские усики. Они ему шли. Во рту он держал сигарету.

— Роджерс Керн, — отрекомендовался он, обнажив в улыбке золотые зубы.

— Алексей Иванович, — ответил я и спросил: — Уж не родственник ли известной Анны Керн, которую так любил Пушкин?

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты... —

продекламировал Роджерс на приличном русском языке и, осмотрев меня внимательней, продолжал: — Такой вопрос мог задать только русский. К сожалению, Алексей Иванович, я лишь однофамилец. Но и этим горжусь. Люблю Пушкина.

— Наша гордость...

— Моя тоже. Больше того — гордость мировой литературы, — мягко поправил Роджерс.

— Верно, — согласился я.

— Надеюсь, бывали в пушкинских местах?

— К сожалению, нет.

— Непростительно, Алексей Иванович. Обязательно побывайте. Получите огромное наслаждение... — посоветовал Роджерс, слегка погладив свои усики.

Я впервые ощутил угрызения совести за свое невежество. Какой-то иностранец лучше меня знает историю моей Родины, а я, можно сказать, живу рядом и...

— Ну, а как доехали? — спросил Роджерс.

— Спасибо. Хорошо.

— Очень надеемся, что здесь вам понравится.

— Я уже кое-что видел и не мог удержаться от восторга.

— О! Это только начало. Мы постараемся сделать ваше пребывание здесь приятным и бесполезным.

В наш разговор вмешался брат, и я не успел спросить Роджерса, где он учился русскому языку.

— Мы едем в ресторан, — сказал брат. — Надеюсь, ты успел отдохнуть с дороги?

— Какое там — отдохнул, наоборот...

— Ничего, у тебя все еще впереди. Не будем терять времени.

Зоря критически осмотрел меня:

— Извини, Алешенька, но ты немного того... старомодно выглядишь. Может быть, тебе подойдет что-нибудь из моего гардероба? Извини еще раз, бога ради, но... сам понимаешь — ресторан.

Я не был смущен предложением брата. Он прав. Наверное, мы едем в очень дорогой ресторан. Костюм у меня новый, приличный. Но, вероятно, не очень модный. Я посмотрел на костюм брата. Ну, конечно. Разница очевидна. У меня борта широкие, острые, у него — маленькие, округленные.

В течение получаса меня переодели. Я стоял перед зеркалом и не узнавал себя. Франт, да и только. Вряд ли кто-нибудь из моих родных сейчас узнал бы меня.

Пока мы ехали в машине, Роджерс и Зоря обсуждали деловые вопросы, касающиеся их фирмы. Я особенно не прислушивался, но понял, что брату предстоит какая-то командировка в Париж.

Ресторан поразил своим великолепием и интимностью, обилием блюд. Оказывается, здесь можно заказать и нашу русскую водку, да еще с завинчивающейся пробкой, и коньяки всех марок. А я, дурак, вез все это сюда в такую даль.

Мне как гостю дали возможность заказать ужин. И я, не стесняясь, останавливался на закусках и блюдах с таинственными названиями. Потом я сидел и осматривался. Мягко, неназойливо играл джаз, задушевно, как бы для себя, пела полуголая певица.

Роджерс и брат атаковали меня с двух сторон. Я едва успевал отвечать.

О чем они только не расспрашивали! Их интересовал даже мой жэк... Моя дочь Марина... Мои соседи... Виктор... Его отец Фокин.

Я глазел на эстраду, где группа молодых, красивых полуголых девушек ловко выделывали разные фигуры, словно выдрессированные лошади в цирке.

Когда мы ушли из ресторана и как добрались до квартиры, я уже не помнил. Утром встал с больной головой. Брат сидел за какими-то бумагами. Когда я открыл глаза, он заботливо спросил:

— Проснулся?! Как чувствуешь себя?

— Похмельить бы... Муторно...

— Сейчас.— И брат бросился к бару, налил стакан коньяку.

— Мне водки! — крикнул я ему.

— Понятно.

— Я лишнего ничего вчера не наболтал? — спросил я после того, как опорожнил полстакана водки. Сразу стало легче.

— Вернее, сегодня, — поправил он. — В основном все в порядке.

— А точнее...

— Тебе много пить, Алеша, нельзя. В этом я убедился.

— Ну, скажи откровенно, я много наболтал лишнего?

— Не берусь судить, лишнее или нет, но теперь-то я знаю, в какой области работает твой бывший шеф, лауреат Государственной премии... и многое другое.

— Не может быть! Ты меня разыгрываешь!

— Не принимай все так близко к сердцу. Ну, сказал и сказал. Не вижу в этом большой беды. Ты же среди друзей, и они тебя не подведут, будь спокоен, — заверил Зоря.

Но я не на шутку встревожился:

— Зоря, а кто такой Роджерс?

— Не волнуйся, Роджерс — свой человек. Он работает здесь в одном из посольств. Раньше находился в Москве. Человек прогрессивных убеждений. С большим уважением относится к России. Мы с ним давно дружим. Между прочим, ты ему понравился, и он намерен взять над тобой шефство на время моего недолгого отсутствия. Так уж получилось. Прости.

— Ты меня оставляешь? Сейчас? — удивился я.

— Уезжаю завтра, всего на три дня. В Париж. Неотложные дела. Сегодня я в полном твоём распоряжении, мой дорогой Алешенька.

— Как же мне тут одному?.. — все еще недоумевал я.

— А Роджерс? О, это человек, с которым ты не соскучишься. Вену он знает лучше меня.

— Мне что-то все это не очень нравится...

— Что? — немного насторожился Зоря.

— В чужом городе, да еще с чужим человеком. Мы так не договаривались.

— Чепуха! — Настороженность в его тоне сменилась безразличием. — Три дня... Париж рядом...

— Признаюсь тебе откровенно, я боюсь, ведь он, как я понимаю, иностранный дипломат.

— Ну что ты, Алешенька. Положись в этом деле на меня. Я же не враг тебе.

— Так-то оно так... Ну ладно. Только уж ты не задерживайся.

— Вот и молодец. А теперь пошли к столу, нас уже давно Фани приглашала.

Все это время мне казалось, что брат чем-то озабочен. Но после разгула в ресторане я чувствовал себя не очень-то бодро и не стал ни о чем расспрашивать. Когда мы уселись за стол, Фани позвала Зорю к телефону.

Вернувшись, он сообщил:

— Звонил Роджерс. Приглашал нас вместе обедать. Я ему ответил, что сегодня ты в моем полном распоряжении и поэтому никому тебя не отдам. Он было обиделся, но, вспомнив о моем отъезде, согласился. Так-то!—Брат похлопал меня по плечу. — Давай наметим план мероприятий на сегодняшний день. На правах хозяина предлагаю следующую программу: до обеда мы ходим по магазинам. Купим, что тебе надо. Обедаем в ресторане. Потом я покажу тебе некоторые достопримечательности города. Не бойся, повторений не будет. К ужину вернемся домой. Согласен?

— Возражений нет.

— Теперь говори, какие наказания получил. О рыболовных снастях я уже слышал, меня интересуют заказы от домашних. Не просила ли чего Марина?

— Да ничего особенного. И Марина, представь себе, ничего не просила.

— Дева Мария!— В голосе брата прозвучали нотки разочарования.

— Не сердись на нее. Она у меня с характером.

— Ладно,— спокойно согласился Зоря.— Теперь, ближе к делу. Слушаю тебя.

— В основном меня интересует техника — магнитофон или транзистор. И еще набор слесарных инструментов. Моя мечта. Ну и барахло кое-какое. Оно тут, говорят, доступное и дешевое,— сорвалось у меня.

— Это смотря для кого! — тяжело вздохнул Зоря и, не договорив, махнул рукой.

— Что ты хочешь сказать? — насторожился было я.

— Всего, чего я хотел бы сказать, не скажешь...— Лицо брата помрачнело. Мне показалось, что у него резко испортилось настроение. Таким я его еще не видел.

— Разве жизненный уровень здесь сравнишь... — начал я.

— Не надо об уровне...— поморщился он. — Оставим эту тему для газет и социологов. Все в мире сложно и разноречиво, Алеша.

— Ты-то устроился будь здоров. Вилла, машины... Не квартира, а хоромы... Любой позавидует.

— А я тебе завидую... И очень...— с какой-то внутренней болью произнес Зоря.

— Мне?! — не понял я.

— Да, тебе... — с грустью подтвердил брат. — Давай об этом в другой раз поговорим. Итак, на чем мы остановились?

— Зоря, может быть, отложим все это до следующего раза?

— Следующего раза может и не быть. Не откладывай до обеда то, что можно съесть за завтраком.

— Не понимаю, о чем ты?

— Кто знает, что будет завтра,— сказал он.

В этот день мы полностью выполнили программу. Побывали в магазинах. Да еще в каких магазинах! Мечта! Я даже расстроился. Подчеркнутая вежливость и предупредительность продавцов. Невозможно уйти, не купив чего-нибудь. Вот это уровень, вот это культура!

Обедали в ресторане с русской кухней, где впервые отведал ухи из стерляди. Очень вкусно. Русские купцы не зря увлекались ею. А после этого брат показал мне старую часть города. И мы на лошади, празднично убранной и расцвеченной всеми цветами радуги, запряженной в старинный венский тарантас, медленно и чинно объехали старую часть Вены. На облучке тарантаса гордо восседал кучер в цилиндре, весь в черном, торжественно держа в вытянутых руках вожжи. Меня поразили узкие, темные улочки, где никак не разъедешься со встречной машиной. Вытянутые к небу и тесно прижавшиеся друг к другу разноцветные двух-трехэтажные домики. Потом я попросил показать метро. Вот уж не ожидал того, что увидел. Разве можно австрийское метро сравнить с нашим! Грязно, темно, низко, серо. Без привычных глазу расписных красочных стен московского метро. Даже не верится.

Затем снова продолжали осмотр города.

На одной улочке брат остановил кабриолет.

— Подожди минуту,— сказал он.

Зоря направился к прилично одетому, одиноко стоявшему на обочине улицы мужчине. Тот играл на скрипке какую-то грустную мелодию. На его груди висел плакат с надписью: «Помогите. Два дня ничего не ели». Рядом сидела маленькая собачка, держа в зубах шляпу хозяина. Я увидел, как брат достал из кармана деньги и бережно опустил их в шляпу. Собачка радостно вильнула хвостом.

— Когда-то сам был таким,— с грустью заметил брат, снова усаживаясь рядом со мной.

В ответ я понимающе кивнул. Мы молча доехали до стоянки, где оставили свою машину.

Дома нас приветливо встретила Фани.

— Пожалуйста, к столу, ужин готов! — объявила она.

И вот, уставший от впечатлений, я сижу за столом.

— Уморил тебя сегодня, — улыбнулся Зоря. — Извини. Давай перекусим и будем отдыхать.

— Да, конечно. Я что-то устал. Мы утром еще повидаемся?

— Разумеется.

Пужинав и пожелав друг другу спокойной ночи, мы с Зорей расстались.

Почему-то в этот вечер мне было не по себе. И настроение брата, и шикарные магазины, и одинокий скрипач с собачкой не давали мне уснуть. Я изредка поглядывал на сегодняшние покупки. Даже великолепный набор слесарных инструментов, аккуратно уложенный в специальный чемоданчик, не вызывал прежнего восторга.

Чего-то мы с братом не договорили, чего-то не выяснили. Так, по крайней мере, мне казалось. С трудом заснул. А под утро приснился сон. Как будто Зоря с ножом гонялся за мной по квартире и в конце концов догнал, свалил на пол и, вонзая нож мне в грудь, приговаривал: «Зачем мое письмо порвал? Зачем мое письмо порвал?» «Какое письмо?» — спрашиваю. «А посланное тебе перед отправкой на фронт», — отвечает он со злостью.

И я проснулся. Приснится же такое. Лежу в постели и никак не могу сообразить, что со мной происходит. Как же обрадовался, что это всего лишь сон.

Утром Фани подала мне записку.

«Дорогой Алексей, я улетаю. Ты так крепко спал, что я не решился тебя будить. В одиннадцать часов будет звонить Роджерс. Советую не отказываться от его предложений. Не пожалейшь. Обнимаю. Твой Зоря».

Сон не выходил из головы. Может быть, прав Зоря, отдай его письмо кому надо — и не было бы с ним никакой беды?

Я посмотрел на часы. В моем распоряжении оставалось сорок минут. Быстро встал, привел себя в порядок. В ожидании завтрака включил транзистор. «Голос Америки» передавал информацию о перебоях в снабжении мясом у нас. Выключил приемник. Развернул газету «Русская мысль», которая издается в Париже, объемом в двенадцать страниц. Интересно, что здесь пишут о нас. Первая страница была посвящена международной жизни: «Куба и

СССР», «Канцлер ФРГ в Белом доме», «Неразбериха или диалектика», «Нераспространение ядерного оружия», «Парад красногвардейцев». Под последним заголовком — фотография Мао.

На второй странице печатаются материалы «По Советскому Союзу». Пестрят заголовки: «Общенародное государство», «Незаконнорожденные», «Баранина не в моде», «Чашка кофе», «Автобус в Одессе».

Только диву даешься, кто поставляет эти лживые факты. Неужели этому бреду кто-то верит?

На следующей странице статья «Продолжительность отпусков в СССР». Читаю эту статью и тоже удивляюсь. Выходит, что у нас все, в том числе и я, получают отпуск продолжительностью всего в двенадцать дней, а в Западной Германии, видите ли, больше. В разделе «По страницам «Литературной газеты» я прочел, что у нас «площадной бранью пользуются все, но особенно злоупотребляют ею женщины... Мужчины здесь, как ни странно, даже сдержаннее». Статья какого-то С. Водова под названием «Из глубины» утверждает, что сейчас у нас на Родине в кругах новой интеллигенции наблюдается усиление интереса к религиозной философии. А на одиннадцатой странице в жирно-черной рамке сообщалось, что «тихо скончался князь Юрий Львович Дондуков-Изьидинов». Еще не все, оказывается, перевелись князья.

Я отложил газету и невольно подумал, что Зоря, да и сотни других эмигрантов, вынужден читать этот бред и верить ему.

Других изданий, видно, у Зори не было. Вот еще «Посев». Слышал, что его издает организация НТС. Тоже название — «Народно-трудовой союз!» Но о труде — ни слова! Одни грязные измышления...

Телефонный звонок прервал мои занятия.

— Алексей Иванович! — услышал я голос Роджерса. — Не составите ли мне компанию? Хочу проехаться за город.

— Я бы с удовольствием, но мне что-то нездоровится, — попытался увильнуть я от приглашения.

— Вы чем-то расстроены?

— Нет, вроде не расстроен.

— В таком случае заеду за вами через десять минут.

Роджерс был точен. Пришлось ехать. И вот мы в огромном «форде» с бешеной скоростью мчимся по загородной автостраде, словно по зеркальной поверхности. Рядом с Роджерсом, на просторном сиденье, обшитом красной кожей, сижу я. Мимо проносятся нарядные, точно на картине, не

похожие друг на друга особняки, виллы, утопающие в зелени. Стрелка спидометра остановилась на цифре «сто». Я посмотрел на Роджерса. Тот перехватил мой взгляд, и спидометр подпрыгнул на отметку сто десять.

— Сто десять миль, или сто семьдесят шесть километров.

— Разобьемся... — прошептал я.

— Какой русский не любит быстрой езды! Или, как это у вас говорят, на миру и смерть красна, — засмеялся Роджерс, обнажив ровный ряд золотых зубов.

— Умирать не хочется, даже на миру... — постарался я поддержать его шутливый тон.

— Тогда не будем.

Мы оба улыбнулись. Хотя, признаться, мне было не до шуток.

Конечно, не из-за этой сумасшедшей скорости, которая, впрочем, и не очень-то ощущалась. Непонятное, тревожное чувство, которое родилось вчера, до сих пор меня не покидало.

Я жил словно в ожидании беды.

— Роджерс, мне брат говорил, что вы бывали или даже, кажется, жили в Москве. Это верно? — спросил я. Нужно же хоть о чем-то говорить.

— Верно. Три года там прожил, — ответил Роджерс.

— Поправилось?

— Я много ездил по свету. Москву считаю одним из лучших городов. Конечно, она имеет недостатки, уступает в одном, выигрывает в другом, но в целом — город хороший, а главное, довольно быстро молодеет. Это явление сейчас нечастое.

— А люди? Наши люди. Что вы о них скажете?

— О, люди! Я твердо убежден — Россия и ее народ заслуживают лучшей судьбы, точнее — жизни, и в этом смысле земной шар перед вами в долгу. Сказать откровенно, мне нравятся русские парни. У нас с вами много общего, — заключил Роджерс.

— Приятно слышать, — заметил я. — А вы кто по национальности?

— А мне было приятно встречать гостеприимных, простых, искренних людей в вашей стране... Я американец.

Я благодарно кивнул.

— Всегда вспоминаю вашу страну с теплом... — продолжал Роджерс. — Ее нельзя забыть, Алексей Иванович. Поверьте мне.

Я с благодарностью посмотрел на Роджерса. Наступила

пауза. Я посмотрел на рядом лежащие стопкой красочные журналы. Машинально взял один из них, стал листать.

В это время капризно фыркнул мотор. Машина стала сбавлять скорость.

— Перебои с подачей бензина. Ничего страшного, — объяснил Роджерс.

Он затормозил и пока возился с карбюратором, я рассматривал журналы. С каждой страницы на меня смотрели полуголые, а затем совсем голые женщины и мужчины. Порнография.

Наконец появился Роджерс, и я отложил журнал.

— Как и предполагал, засорился карбюратор. Сейчас все в порядке. Не проголодались? Может, завернем перекусить, голод — не тетка... — сказал Роджерс. — А пока не вредно поразмять кости! Вылезайте, пошли в лес.

— Я — «за». Здесь очень хорошо и красиво.

— А мне больше нравится Подмосковье. Вот где ширь, раздолье.

Мне было приятно, что Роджерс так тепло отзывался о моей Родине.

— Закройте машину, — предложил я.

— Никто ее не тронет. Пошли. — И Роджерс мягко взял меня под локоть. Мы вошли в сосновый лес. Повеяло душистой прохладой. Здесь было тихо и спокойно.

Минут двадцать мы молча бродили по лесу, потом снова двинулись в путь.

«Форд», плавно покачиваясь, отсчитывал километры. Роджерс что-то мне объяснял о местах, которые мы проезжали, я слушал и понимающе кивал. Наконец мы подъехали к какому-то мотелю.

Ярко расцветенное двухэтажное здание из пластмассы и стекла утопало в зелени. Не успел Роджерс затормозить и выйти из машины, как подскочил рабочий в униформе.

— Сэр, я к вашим услугам. — И он почтительно склонил голову.

Роджерс небрежно кивнул в ответ.

Рабочий сел за руль и куда-то угнал «форд».

— Ну вот сейчас мы и подзаправимся, — сказал Роджерс.

На этот раз за столом Роджерс особенно не склонял меня к выпивке, и я пил столько, сколько хотел. Прислуживала нам хорошенькая официантка. Скромное платье плотно облегалo ее высокую стройную фигуру. Мне казалось, что она с любопытством присматривается ко мне. Я тоже невольно косился в ее сторону и, черт возьми, вспоминал

снимки из журнала и представлял ее рядом. Наверное, все-таки опьянел. Опять, видимо, перебрал. А Роджерс все замечал и подшучивал.

— Недурна, а?! — подмигивая мне, сказал Роджерс и тут же продекламировал:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.

— Да, — хмелея, соглашался я.

— Были и мы когда-то рысаками. — Роджерс грустно вздохнул и покачал головой.

— Хороша, ничего не скажешь. Почему «были рысаками», а не есть? — рассеянно поинтересовался я.

Роджерс не ответил, а пропел:

— «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни?»

Он демонстрировал блестящее знание русской классики, но именно сейчас мне почему-то стало это неприятно.

Я посмотрел на него внимательно.

Роджерсу, как сообщил мне брат, недавно исполнилось шестьдесят. Не скажешь. Держится молодцом.

— Вы отлично сохранились, — решил я польстить ему.

— Я не женщина, Алексей Иванович, — угадав мое намерение, ответил он.

Наш обед подходил к концу, а мне не хотелось покидать гостеприимный мотель. Когда официантка подошла со счетом, Роджерс о чем-то спросил ее. Она, мило улыбнувшись, посмотрела на меня своими большими грустными глазами и что-то ему ответила. Как я досадовал в эту минуту на свое невежество! Ведь в школе учил немецкий язык и вот не помню ни одного слова, кроме «дер киндер», «гутен таг» и «геноссе».

Из машины я заметил стоящую у окна официантку. Не удержался и помахал ей рукой. Она в ответ кивнула головой.

— Догадалась, что вы русский, и была этим обрадована. Родители ее из Молдавии. Вы ей понравились. Какой, говорит, симпатичный, — сказал Роджерс.

Несмотря на хмель, я не поверил этому. У женщин я никогда не пользовался успехом. Разве что у Фаины, нашей кассирши в жэке.

Все последующие дни «моя программа» была насыщенной. Мы побывали в Зальцбурге — «одном из красивейших городов Европы» — так объявил Роджерс. На меня же он не

произвел особенного впечатления. Города все здесь похожи один на другой, как наши жилые пятиэтажные дома, с той лишь разницей, что они действительно чистые, зеленые, ухоженные. Особенно те, которые расположены у подножия ослепительно белых Альпийских гор. Цветущие луга на фоне белоснежных вершин и гордо поднимающихся ввысь ледников производят, конечно, впечатление. И всюду вездесущие туристы. В каких только одеяниях их не увидишь! И каких только возрастов не встретишь! Между прочим, как ни странно, встречается больше пожилых, а то и просто стариков и старух.

Для них, имеющих деньги, здесь все: блеск, красота, веселье, удовольствие. Я опять был переполнен разными впечатлениями.

На обратном пути к Вене мне захотелось пить. Роджерс предложил на весь мир разрекламированный напиток «кока-кола». Я отказался. Он удивился. Хотелось простой холодной воды, даже из-под крана. Тогда он пообещал угостить из родника. Я с радостью согласился. Через несколько минут мы свернули с шоссе и оказались на опушке леса. Вышли из машины. Роджерс взял стакан. Подошли к роднику. От предложенного стакана отказался. Я пригоршней начал набирать воду, чистую, прозрачную как слеза. Жадно прихлебывая, выпил. Крякнул от удовольствия.

Роджерс смотрел с улыбкой.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил я.

— Чисто по-русски. Глядя на вас, я вспомнил стихи. Вот только забыл автора:

...Лучше нет простой, природной —
Из колодца, из пруда...

— Где-то я слышал, что-то знакомое... — промямлил я.

— Вспомнил. Твардовский! Смелый он был у вас человек, — с каким-то непонятым подтекстом сказал Роджерс.

Я не знал, что ему ответить.

— А вы смелый человек, Алексей Иванович? — как бы между прочим, спросил Роджерс.

— Я?.. Не знаю.

— А Маринка?

— Кто?! — не понял я,

— Ваша дочь.

— Смелая.

— А Виктор?

— Не знаю.

— А Фокин?

— А вы, Роджерс? — решил оборвать я эту никчемную игру в вопросы и ответы.

Он стал мне надоедать. Не слишком ли он много знал о моей Родине и обо мне?.. Пусть он даже самый близкий друг Зори, все равно не обязательно лезть в душу.

Роджерс будто прочитал мои мысли. Он, вообще, умел вовремя остановиться. Я это сразу заметил. Видит, что человеку не до шуток, сразу меняет тон.

И сейчас Роджерс стал серьезным.

— Есть предложение немного развлечься в одном веселом заведении. Как вы на это смотрите?

Мне, откровенно говоря, хотелось побыть одному. Но он заинтриговал меня. Я промолчал.

— Молчание — знак согласия, — заключил Роджерс.

В Вену мы вернулись, когда стало смеркаться.

Ресторан «Мулен Руж», куда привел меня Роджерс, был похож на концертный зал. Особый зал... Здесь я впервые увидел в чистом виде стриптиз. Раньше только слышал. Видел фотографии у Зори. И вот эти полуголые, а затем голые женщины вдруг ожили, лихо отплясывая на сцене. Затем они спустились в зал, ходили между столиками. Садилась посетителям на колени, желающим, разумеется. Я опьянел не только от вина, но и от увиденного. Не помню, как очутился в каком-то номере, как и куда ушел Роджерс и пришла она... та, которая вертелась около меня.

...На второй, третий и четвертый день Роджерс всюду был со мной рядом. Он опять стал прежним, симпатичным, милым человеком.

Мы сидим с ним в уютном кабинете Зори. Фани ухаживает за нами. Говорим о разных вещах. Пьем кофе.

Я начал беспокоиться о отсутствии брата. Спросил Роджерса. Он меня успокоил: завтра приезжает.

— А сегодня есть предложение... — начал было Роджерс.

— Вы совсем забросили из-за меня службу. Вам не грозит это неприятностями? — перебил я его.

— О! Не беспокойтесь, Алексей Иванович! Работа — не волк, в лес не убежит. У нас деловые отношения с вашим братом, и я хочу быть полезным ему и вам.

«Хорошо иметь рядом такого делового друга», — подумал я.

— Есть предложение повторить поездку в «Мулен Руж». Как на это смотрите?

— Побойтесь бога, Роджерс.

— Вы остались недовольны?

— Не об этом речь.

— Хорошо, — сразу перестроился Роджерс. — Надеюсь, вы еще приедете к нам? — прервал он мои размышления.

— Трудно сказать. Время покажет.

— Имейте в виду, Алексей Иванович, мы всегда рады видеть вас. Между прочим, какой порядок существует у вас для получения выезда за границу?

— Если судить по моему опыту, то это и просто, и сложно.

Я подробно рассказал ему все, что знал.

— У нас без бюрократии. А какие документы выдаются на руки? — опять поинтересовался Роджерс. — Нельзя ли полюбопытствовать?

Я после некоторого колебания показал документы. Он долго и внимательно их рассматривал.

— Точно. Пятьсот долларов в кармане! — воскликнул вдруг радостно Роджерс. — Вы не могли бы эти документы дать мне на самое короткое время? Я поспорил со своим коллегой. Пари выиграл я. Мне это нужно ему показать. Выигрыш пополам. Согласны?!

— Не понял... О чем был спор?

— Мой коллега утверждал, что с первого сентября у вас введены новые правила оформления документов на выезд за границу. Что-то упрощено. Он ошибся. И я выиграл пари.

— Извините, но документы я не могу вам дать.

— Понимаю. И не настаиваю. Ну, а сфотографировать, надеюсь, не откажете?

Я подумал и согласился.

Роджерс, к моему изумлению, вынул из внутреннего кармана пиджака маленькую черную продолговатую коробочку, напоминающую футляр от дамских часов, только наполовину уже и короче. Он, ловко манипулируя, перефотографировал все страницы паспорта.

— Неужели эта малютка фотографирует? — невольно вырвалось у меня.

— Еще как. Это же «Минокс».

— Можно посмотреть?

Я рассматривал диковинную коробочку и не верил своим глазам. Роджерс по ходу объяснял, как им пользоваться. Как все просто и ясно. «Ну и техника!» — с восхищением подумал я.

— Теперь собирайтесь и поедem. Обмоем это дело, как принято у вас в таких случаях, — предложил Роджерс, отправляя в карман пиджака фотоаппарат.

«Выйгрыш» обмывали целый день.

Наконец приехал Зоря.

Он появился на квартире неожиданно. Мы крепко обнялись, расцеловались.

— Как ты тут? Вроде бы чуть осунулся? — освобождаюсь от объятий, сказал Зоря.

— Осунешься. Роджерс замучил меня. Да ты тоже взглядишь не очень-то свежо.

— Была нервная командировка, — как-то вяло и неохотно откликнулся Зоря. — Где Роджерс?

— Сейчас объявится. — И как бы в подтверждение сказанного, зазвонил телефон. Подошел Зоря.

— Слушаю. Здравствуйте. Да, сэр. В принципе удачно. Но пришлось побороться. Конкуренция большая. Хорошо, сэр. — И Зоря в раздумье положил трубку. — Я должен ехать. Мне надо отчитаться. Скоро вернусь. — Зоря, избегая моего взгляда, поспешно покинул квартиру.

Зоря сдержал слово. Он вернулся быстро. И не один. С ним был Роджерс. Они тут же утащили меня в кабаре. И снова пошли мотания по ресторанам, кафе. Опять водка, коньяк. Откровенно говоря, мне это изрядно надоело. Было такое ощущение, словно я попал в беличье колесо, из которого не могу никак выбраться.

И когда время моего пребывания в Вене закончилось, я очень обрадовался. На вокзале меня провожали Зоря и Роджерс.

— Нам так и не удалось поговорить по душам, — сказал я на прощание брату.

— Во всем виноват Роджерс. Он отнял тебя у меня, — ответил Зоря, грустно улыбаясь.

— Вы в обиде? В следующий раз я исправлюсь... — пообещал Роджерс.

— Боюсь, что это будет не скоро, — ответил я.

— О, мы умеем ждать. Верно, Зоря?

— Конечно! Грустно расставаться, — сказал Зоря. — Но ничего не поделаешь. Всему приходит конец.

— К сожалению, — согласился я.

Мы обнялись. Расцеловались.

— До свидания, Алексей Иванович. Я не говорю «прощайте». А это вам в дорогу, чтобы не скучали, — сказал Роджерс, передавая мне красивую полиэтиленовую сумку.

— Да свидания.

— Всем сердечный привет. Пиши обязательно. Извини, если что было не так, — произнес Зоря.

— Все хорошо. И ты пиши. Спасибо вам за все. Я слишком много доставил вам хлопот. — И мы снова обнялись.

Поезд, медленно набирая скорость, покидал вокзал. Брат и Роджерс остались на перроне. В эту минуту мне было действительно грустно.

Я стоял у окна и думал о Вене, о днях, проведенных в этом городе. Честно говоря, меня ошарашила эта «легкая жизнь». Я был под впечатлением ярких красок и блеска. Разумеется, ничего подобного я раньше не видел. Не хотелось сейчас вспоминать какие-то мелочи, насторожившие меня. В общем-то впечатление было хорошим, и пусть это впечатление пока останется.

Даже Роджерс с его назойливыми расспросами, шутками и не очень-то честными глазами пусть остается в памяти милым, добрым человеком.

Я вошел в купе, кивнул соседу, читавшему газету. Средних лет, довольно упитанный мужчина. Я невольно посмотрел на багажную полку. Там лежали два больших кожаных коричневого цвета, добротных чемодана. «Не повезло, черт возьми. Иностранец», — подумал я. Разочарованный, выхожу в коридор. И в это время вспомнил о сумке Роджерса. Любопытство взяло верх. Я вернулся в купе. Заглянул в сумку. Там оказались книги Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом». Отложил их в сторону. Незнакомец бросил взгляд на книги и на чистейшем русском языке сказал:

— Рекомендую выбросить, если не хотите иметь неприятности на границе...

— Да вот, перед отходом поезда всучили, — на всякий случай оправдывался я. — А что в них такое?

Так мы познакомились. Он оказался нашим работником из торгпредства в Австрии. Мы о многом с ним переговорили. Это был интересный собеседник. Умный, начитанный, много повидавший в своей жизни, поездивший по свету. К немалому моему удивлению, он заявил, что ему надоело мотаться по заграницам, не дожидаясь, когда можно будет навсегда вернуться в Москву.

— А мне нравится здесь, — ответил я ему.

— Нравится? Охотно верю. Особенно когда приедешь на короткое время к богатому родственнику. Вот если бы вы здесь пожили три-четыре года, интересно, что бы говорили тогда. Нет, Алексей Иванович, я, например, не хотел бы здесь ни родиться, ни тем более жить.

— Ну, это другое дело, я говорю не об этом.

Чем ближе поезд подходил к Москве, тем медленнее,

мне казалось, он идет. Особенно тягостны были последние километры. Не находил себе места.

— Волнуетесь? — с сочувствием спросил Петр Николаевич, так звали моего соседа.

— Очень, — охотно откликнулся я. — А вы?

— И я волнуясь. Волнуюсь каждый раз, когда возвращаюсь на Родину.

И вот мы приехали. Прильнув к окну, я смотрел на мелькание встречающих и наконец увидел на перроне жену и Лену.

Носильщик таскал мои вещи и укладывал их на тележку. А я, боясь, как бы что-то не утащили, метался от купе к выходу вагона, так и не выбрав минуты поздороваться с женой. И только с последним свертком я сошел на перрон и попал в объятия родных. Марины не было. О ней, разумеется, я и спросил в первую очередь:

— Где Марина?

— У нее экзамен, — ответила жена. — Ну как?

— Все здорово. Дома расскажу.

Мы сидели в такси и молчали. Я рассматривал город с такой ненасытной жадностью, будто впервые увидел его.

Прав Роджерс, Москва необыкновенно хороша.

— Ну, — спрашивает жена, — чего молчишь?

— Сейчас... погоди... дай опомниться.

Она поняла мое состояние и больше не тревожила.

Но вот мы и дома. Марина, оказывается, уже пришла.

— Путешественнику салют! — приветствует она, чмокнув меня в щеку.

Я раздеваюсь, начинаю в полном смысле слова священнодействовать над чемоданами. Марина стоит в стороне и как-то недобро усмехается. «Подожди, — думаю, — сейчас ты заляпнешь». И на свет божий появляется пальто с норковым воротником.

— Посмотри, Маринка, какая штука.

Марина, посмотрев на пальто, бесстрастным голосом отвечает:

— Точно такое же у Светы. Она купила в «Березке».

— А тебе персонально присылает дядя. Бери, эксплуатируй на здоровье.

Я был уверен, что Марина не устоит от соблазна. Но и на этот раз ошибся.

— Никаких подарков, — отрезала она и демонстративно отвернулась.

— С ума можно сойти, — не удержалась жена.

Чтобы сгладить наступившую неловкость, я быстро вынул нейлоновую кофточку и положил ее перед Мариной:

— Надеюсь, от меня не побрезгуешь?

Марина взяла кофточку, приложила ее к груди и сухо сказала:

— Спасибо.

На кровати, диване, столе были разложены покупки. Жена и Лена ходили кругами, изучали вещи, охали и ахали. Я наблюдал за ними и удовлетворенно улыбался. Осмотр явно затянулся, и я решил положить этому конец.

— Не пора ли поесть что-нибудь? — обратился я к жене.

— Обожди минутку. Ты ошеломил нас. — Она подошла и поцеловала меня.

— Хватит вам дурака валять, — вмешалась Марина. — Убирайте живо, я буду накрывать на стол.

Никто с Мариной спорить не стал.

И вот мы за столом. Разговор по-прежнему идет о привезенных тряпках.

— Папа, рассказал бы лучше об Австрии, куда ходил, что видел, — попросила Марина.

Я начал рассказывать. Но, видимо, мой рассказ не удовлетворил любопытство Марины. Посыпались вопросы.

— В театре был?

— Не успел.

— Не был и в Венской опере?!

— Один раз сходил, — соврал я.

— Хорошо. Ну, а в музеях?

— Не удалось.

— Ну, знаете!.. А в прославленном Венском лесу побывал?

— Побывал, доченька, побывал.

— Как выглядит внутри знаменитый собор святого Стефана?

— Впечатляет, — снова соврал я, потому что в соборе не был, только проходил мимо.

— У тебя появилось красивое кольцо. Опять подарок дядюшки?

— И тебе прислал.

— Папа, я уже сказала... А как люди там живут?

— Да как тебе сказать... Немцы, — отделался я какой-то глупой, ничего не значащей фразой. Что я мог ей сказать о простых людях, которых, по сути дела, и не видел?

— Марина, хватит вести допрос. Оставь папу в покое. У тебя еще будет на это время... — пришла мне на выручку жена.

— Дядюшка шлет тебе персональный привет. Он все время справлялся о твоём житье-бытье. Говорит, любит людей с характером.

Марина в ответ молча пожимает плечами.

— Живет он здорово. Настоящий бизнесмен. Одного ему только не хватает — Родины. Тоскует очень.

— Свежо предание...

— Точно, тоскует, это я сам могу подтвердить.

— Что ему тогда мешает приехать на Родину, как это сделали многие другие?

— Не знаю.

— То-то и оно.

— Может, боится.

— Смотря кого и чего.

— Твоей интуиции, например, — пошутил я.

— Я серьезно говорю.

— Ну, а если серьезно, тогда, наверное, боится за прошлые грехи.

— Прошлые грехи, как известно, при разных обстоятельствах смягчаются и даже прощаются. У нас самые гуманные законы. Все зависит от степени и весомости содеянного.

— Тебе и это известно?

— Я же юрист... Извини меня, папа, но я ему написала...

— Знаю. Ты явно поспешила.

— Может быть, но так было бы лучше. Береженого бог бережет.

У меня сегодня хорошее настроение, и я предлагаю:

— Не будем об этом. Давайте лучше выпьем за встречу.

Из дневника Марины

«Приехал отец. В восторге от поездки. Конечно, интересно посмотреть на мир. Но рассказать по существу ничего не может. Одни магазины, рестораны, кафе, вышивки. Познакомился с каким-то Роджерсом. Хвалит его. А мне кажется неестественным, почему дядя столько лет не видел своего брата, пригласил к себе в гости, а сам уехал по делам, оставив его на попечение какого-то Роджерса. Тем более он американец. Случайно ли это?! Оказала об этом отцу, а он и слышать ничего не хочет. Словно во сне. Надо бы радоваться вместе с ним, но не могу. Все разговоры — только о магазинах и тряпье... Все мелочь какая-то. Конечно, привезенные отцом вещи добротные. Есть на что посмот-

реть. Но разве в этом суть и смысл жизни? Зачем без разбора хаять наше?..

«Что с отцом происходит?» Я все чаще задаю себе этот вопрос. Ничего в жизни не достиг и, главное, теперь уже не достигнет. Характер не тот. И откуда эта зависть, эгоизм, ненасытность, пристрастие к водке? Часто думаю о Ленке, сумеет ли она найти себе место в жизни. Ведь она уже все начинает понимать. Стала легкомысленнее. Нет, Ленку не отдам. Возьму ее в свои руки».

Ссоры

Я несколько раз, еще в поезде, представлял себе, как приеду, приду на работу. Конечно, всем интересно будет послушать меня. И разумеется, каждый надеется на какие-то подарки. Все ведь знают, что брат богат, имеет виллу и машину.

Я даже мысленно репетировал свою встречу с коллективом. Особенно с кем близко связан по работе.

В первое рабочее утро я встал пораньше. Собрал в нейлоновую сумку разную мелочь. Положил сумку у выхода, рядом с чемоданом, где находились слесарные инструменты. Нужно было подумать о своем внешнем виде. Хотелось сразу произвести впечатление. Вон, мол, он какой вернулся из дальних странствий!

Нужно сказать, мои предположения оправдались. В конторе только ахнули при моем появлении.

— Вот это гость! Хоть под венец! — воскликнула уборщица тетя Маша.

— Прибарахлился! Ничего не скажешь... Везет человеку... — не скрывая зависти, произнесла бухгалтер Катя.

— Ну, как там? Выкладывай... — попросила тетя Маша.

Я оглянулся... Савельева в комнате не было. Отсутствовала и кассир Фаина. Жаль... Не тот эффект. Но в это время послышались торопливые шаги. А вот и он, мой друг.

— Старик, приехал, привет! — Мы крепко обнялись.

— Ну, давай рассказывай, как там жизнь-то... — торопил Савельев. — А ты того, ничего, — как бы между прочим, заметил он, оглядывая меня с ног до головы.

Я начал свой немудреный рассказ. День в конторе был неприемный. Нам никто не мешал. Я видел, как горели глаза у Кати и как иногда неодобрительно покачивала головой тетя Маша. Только Савельев сидел с невозмутимым видом.

— Живут там, черт возьми, здорово. Всего полно. Никаких очередей, — подвел я итог. — Конечно, кто может.

Наступила пауза.

— Да, живут... — Катя вздохнула.

Тетя Маша даже не взглянула на нее.

— И все же я так скажу, Алексей Иванович, — обратилась она ко мне. — Я не хотела бы там жить. Нет, не хотела. Пусть мне здесь порой трудно приходится и не всегда куплю нужную для себя и дочери тряпку и подолгу простою в очереди, но от этого не умрем. Собственно, все у нас есть. И крыша над головой, и хлеб... Главное, люди добрые окружают. Ну что еще человеку нужно?.. Курточку с застежками?

Савельев, не удержавшись, захолопал в ладоши.

— Я малограмотная, мил человек. Грешно тебе над словами старухи смеяться...

— А я не смеюсь, — серьезно сказал Савельев. — Все правильно... Молодец, бабуся.

Я невольно провел ладонью по застежкам своей модной куртки.

— Ничего себе! Встретили.

В комнате повисло неловкое молчание. Выручила Катя.

— Завидую вам, Алексей Иванович. Посмотрели за границу. А тут сидишь как проклятая, кроме жировок, ничего не видишь...

— Ладно, жировка, помолчи, — прервал ее Савельев и обратился ко мне: — Небось, пижон, навез барахла-то не впроворот. Давай хвались дальше.

Говорил он с улыбкой. Но все равно я улавливаю в его тоне неодобрение. «Хорошо, — решил я, — сейчас посмотрим, как вы запоете».

— О вас тоже позаботился. Перепадет кое-что! Вот, берите. Не передеритесь только! — И я подал сверток тете Маше.

Она почему-то сразу передала его Савельеву. И тот не стал разворачивать, а протянул подарки Кате.

Что же Катя замешкалась? Я вынужден был сам заняться свертком.

— А ну, бабоньки, налетай. Кому?

Но все стояли неподвижно и молчали.

— Подумаешь, невидаль какая. «Не передеритесь»! Чтоб в горле у тебя пересохло. Я, мил человек, привык на трудовую копейку покупать. — Тетя Маша, демонстративно хлопнув дверью, вышла из комнаты.

— Савельич, не зевай, а то раздумаю... — Я еще пытался шутить.

— Ты и вправду обнаглел, купец. — Он тоже повернулся и ушел.

— Сдурели оба: одна — от старости, другой — от молодости. Пусть мне будет хуже. Я все беру. Спасибо, Алексей Иванович, если еще что надумаете, тащите сюда. Сгодится... — И Катя решительно забрала у меня сверток.

Я растерянно смотрел на дверь, за которой скрылся Савельев. И тут только вспомнил, что забыл привезти ему марки.

— Жирно будет. Разберемся, — грубо отрезал я и выхватил у Кати сверток.

— Ну и жмот, — вздохнула Катя.

Во дворе я догнал Савельева и стал оправдываться:

— Извини, забыл про марки-то. В следующий раз привезу или напишу — придет...

— Ты это о чем? И не стыдно тебе, а еще друг называется.

— Ты обиделся...

— Обиделся. Только не на то, о чем ты думаешь. Разве в марках дело! Эх ты, сырмятные уши!

Я видел, как у Савельева на лице заиграли желваки, оторопело смотрел на него и ничего не понимал.

— Не сердись. Я же пошутил... — бормотал я.

Не так я представлял себе свой первый день на работе. Не так. На душе было мутно. Все случившееся не выходило из головы. Правда, сотрудники мои ни о чем не вспоминали. И о поездке меня больше не расспрашивали. Будто ничего и не было.

Дома Марина тоже перестала попрекать меня «дядюшкиными подачками». По-моему, она смирилась. Словом, как-то приутихла. Так мне казалось.

Вскоре на деньги, полученные в коммиссионке, мы купили Марине шубу, хорошие теплые сапоги. Думали, что теперь она будет одета не хуже других. Но Марина их так ни разу и не надела. Значит, я ошибся? Не смирилась, не приутихла.

Наступило какое-то отчуждение и в отношениях с Савельевым. Я несколько раз пытался с ним поговорить по душам, но ничего из этого не вышло. Надо что-то придумать и примириться. Тетя Маша посматривала на меня, точно на больного. Не одобряла. Катя заискивающе заглядывала в глаза.

В один из выходных, прихватив с собой чемодан со слесарными инструментами и спиртного, я направился к Савельеву. Он жил в новом доме, в двухкомнатной квартире.

Я пытался держаться как можно непринужденнее, проще.

— Можно? Или обида на меня так велика, что уже ничего не поправишь?

— Да заходи, заходи, сыромятные уши, — в тон ответил Савельев.

— В таком случае давай все сгладим, — говорю я и ставлю бутылку на стол.

Савельев смотрит на меня, как бы решая, что ему дальше делать.

— А инструмент зачем таскаешь? Боишься, утащат или собрался налево? — с усмешкой спросил Савельев.

Первое, что приходит в голову, — повернуться и уйти. Савельев, видимо, понял мое замешательство.

— Ну да ладно... Садись... — И он направляется на кухню.

Я слышу, как хлопает дверца холодильника. Пока Савельев возится, я осматриваю комнату. Давно здесь не был. Невольно отмечаю перемены. Новая мебель. Телевизор. Магнитофон. Да, жена была права: Савельев живет неплохо.

На столе появляются колбаса, селедка, сливочное масло, соленые огурцы. Разливаю по стаканам водку. Чокаемся. Молча пьем и закусываем.

— Отличные огурцы, — говорю я, заранее зная, что на это ответит Савельев.

— Маруся. Она у меня стряпуха будь здоров.

— Что ее не видно-то?

— Ушла на курсы. Шитье штурмует.

— Да?!

— А как же. Надо все уметь. На том стоим.

Разговор вроде бы завязался. На душе стало полегче.

— Закруглим?!

— Хватит, — отвечает Савельев, накрывая широкой ладонью свой стакан.

— Неладно тогда получилось...

— Дошло? Значит, не все потеряно. Это хорошо.

— Не жираф вроде бы.

— Жираф, жираф. Особенно после того, как объявился у тебя за границей брат. Только и бредишь иностранными тряпками. Откуда это у тебя?

— А что, разве они не лучше наших? Возьми, к примеру, слесарный инструмент. Сам же им восхищался.

— Опять за свое.

— Дело не только в тряпках, конечно. Ты видел бы, как там живут!

— Кто живет? — Прищурившись, Савельев насмешливо посмотрел на меня.

— Народ.

— Какой?

— Обыкновенный... австрийский...

— А ты знаешь, как он живет-то?

— Видел, не зря ходил по улицам и магазинам.

— По улицам и магазинам! Нашел тоже, где смотреть. Вот если бы ты побывал в семье рабочего, да еще своей профессии, и не в одной, а в двух-трех, вот тогда можно было бы судить о жизни.

— Вот поедешь и сходишь...— обидевшись, говорю я.

— И схожу. Меня, брат, красивой тряпкой в витрине магазина не купишь.

Я пришел к нему как к человеку. Действительно, нехорошо тогда получилось.

— По-твоему, меня купили?

— По-моему, да, — откровенно бросает Савельев.

— Да ты что? Ну, знаешь... Не тебе меня учить.

— Таких, как ты, надо носом, понимаешь, носом во все тыкать, глядишь, толк будет.

Ишь, до чего договорился! Носом тыкать.

— Без сопливых обойдемся, — проворчал я и хотел было выйти из комнаты.

— Не сердись. Это правда... — остановил меня Савельев.

А я еще хотел ему подарить инструменты!

— Молокосос! — зло бросил я.

— Выходит, исправляешься. Что касается молокососа, точно, люблю молоко и тебе советую. Оно содержит сто солей и разных витаминов, — спокойно ответил он.

От горькой обиды несостоявшегося примирения зашел в пивную. Посидел там. Охмелел. Домой возвратился к вечеру. К моему удивлению, в комнате были Марина и Виктор. Виктора я давно не видел. Они сидели, низко склонившись над столом, заваленным книгами.

— Здравствуйте, молодые люди! Занимаетесь?

— Здравствуйте, Алексей Иванович. С приездом! Вот экзаменую Марину. Завтра ей сдавать...

— Занимайтесь, занимайтесь. Не буду мешать.

— Да мы уже закончили.

— Ну как, способная у вас ученица? — спросил я.

— О, конечно, Маринка быстро... — начал Виктор.

Но дочь перебила:

— Перестань меня смущать.

— Хорошо. Марина, а что ты скажешь об экзаменаторе?— спросил я.

— Беспощадный, папа. Не дай бог попасть к такому.

— Ну вот и обменялись любезностями. Виктор, я слышал, вы начали работать? Нравится?

— Да. Интересно.

— Над чем работаете?

— Папа, не кажется тебе, что ты вторгаешься в запретную зону? — вступилась Марина.

— Извиняюсь... Я забыл, что имею дело с особо засе-
кренным человеком... Как чувствует себя Иван Петрович? Надеюсь, это не секрет?

— Весь в работе. Просил вас передать, чтобы вы его утащили на рыбалку... — улыбнулся Виктор.

— Утащу. Я привез ему отличные снасти. Между прочим, и вы, Виктор, готовьтесь. Уезду.

— Нет уж, папочка, избавь его от этого дела. Мне он самой нужен! — запротестовала Марина.

— Виктор, берегитесь женщин-тиранов.

— Что поделаешь, Алексей Иванович, с женщинами надо считаться.

— Ладно. Так и быть, поедем вдвоем.

Вскоре мы с Иваном Петровичем съездили на рыбалку. Хорошо посидели. Он расспрашивал о моей поездке к брату. Интересовался, как тот попал за границу, чем занимается, как я провел время и очень был доволен рыбными снастями.

Вскоре наступил Новый год. Встретили его всей семьей. Было весело и непринужденно.

Так прошло полгода. Вроде бы ничего примечательного за это время не произошло. От Зори поступали письма. Он часто жаловался на плохое самочувствие. Но вот однажды поступило тревожное сообщение. Он писал о том, что заболел и его положили в больницу. Просил по возможности срочно приехать. В подтверждение даже прислал заключение врачей. Из письма и присланной справки было видно, что он лежит в больнице с обширным инфарктом миокарда. Кто не знает, что это такое? Все мы всполошились. Я снова начал бегать по организациям и оформлять поездку.

Наконец разрешение получено. К моим сборам Марина по-прежнему была безучастна. Как будто я уезжал не за границу, а на рыбалку. Когда все было готово, я спросил дочь, что ей привезти.

Марина на это ничего не ответила.

— Она ищет себе купальный костюм, да и туфли не мешало бы, — подсказала жена.

— Мама, я обойдусь без адвоката.

— Ладно, куплю.

Марина промолчала.

— Я не понимаю тебя, почему ты так упрямишься?

— Из принципа.

В это время в коридоре зазвонил телефон. Я, чтобы избежать неприятных объяснений, торопливо вышел из комнаты и снял трубку. Это Виктор просил Марину.

Из дневника Марины

«Отец совсем потерял голову от заграницы. Только и разговор о магазинах, тряпках. Мама под стать папе. До чего же живуча в нас еще мещанская обывательщина. А дядюшка, словно чувствуя, на чем можно сыграть, упрямо развращает моих родителей — шлет и шлет посылки. Конечно, присылает он вещи хорошие, полезные, но нельзя же терять чувство собственного достоинства.

А тут еще прибавилось хлопот и тревог в связи с болезнью дядюшки. Родители замучили врачей и знакомых расспросами об инфаркте и его последствиях. Снова беготня, суетня. Ловлю себя на мысли — мне все это до лампочки. Может быть, это и нехорошо, что меня не огорчает болезнь дяди, но ничего не могу поделать с собой. Как без него было спокойно».

В тихом парке

В Вене меня встретил Роджерс.

— Что с Зорей? — спросил я, а у самого холодок на сердце от дурного предчувствия.

— О, не беспокойтесь, Алексей Иванович, он через два дня прилетит. Дела, бизнес — все это отнимает много времени. Он очень извиняется и поручил мне заняться вами. Так что вы, как это у вас говорят, в надежных руках... — Роджерс дружески похлопал меня по плечу.

О болезни — ни слова... Я смотрю на веселое, беззаботное лицо Роджерса и не могу понять, в чем дело. Правда, если присмотреться внимательно, лицо у Роджерса не такое уж беззаботное. Напряжение выдают глубокие морщины, вертикально перерезающие лоб. Роджерс внимательно, даже несколько излишне внимательно, разглядывает меня.

— Как — прилетит?! Он что, уже поправился?! — невольно вырвалось у меня.

В самом деле, я ехал в тревоге и сомнениях, застану ли Зорю живым, а тут «прилетит».

— Да. Вполне. Вы удивлены? Врачи немного перестраховались. Ничего серьезного. Приступ. Сердце, — коротко отвечает Роджерс. — А пока я к вашим услугам.

— У него же обширный инфаркт...

— Диагноз не подтвердился. Вы что, сожалеете?

— Что вы?! Слава богу, что врачи ошиблись...

И тут я решаюсь задать вопрос, который готовил всю дорогу:

— Скажите, Роджерс, что за книги вручили вы мне в дорогу в прошлый раз?

— Книги? Какие книги? А, вспомнил. Да это просто чтобы время в дороге скоротать. — И как бы между прочим спросил: — Что, не понравились?

И я, постеснявшись признаться, что выбросил их, промямлил:

— Да так, ничего особенного...

Весь этот день, как и последующие, Роджерс провел со мной. Он по-прежнему был полон энергии и оптимизма. Знакомил с новыми уголками Вены. Высокие, не похожие друг на друга жилые башни, строгая планировка территории, разбитые зеленые газоны, отличные подъездные пути, сияющие рекламой магазины, чистота и порядок — все это по-прежнему производило впечатление. Затем снова мчались по гладким как зеркало дорогам, но теперь на «бююике» малинового цвета с музыкальной сиреной. Опять прямая как стрела и широкая, словно наш Ленинский проспект, автострада. Снова бешеная скорость. Журналы с голыми женщинами, варьете, мотель со знакомой официанткой. И опять... И опять... Роджерс словно нарочно возил меня по старым маршрутам, стараясь снова ошарашить меня. Как всегда, он был предупредителен, вежлив и ненавязчив.

Вскоре появился Зоря.

Я с Роджерсом встречал его в аэропорту. Зоря выглядел бледным, усталым, осунувшимся. Болезнь оставила свой след. Роджерс вился около нас, ни на секунду не оставляя без внимания. Мне хотелось скорее остаться с братом наедине, но Роджерс был постоянно рядом. С аэродрома мы поехали домой. Пока брат приводил себя в порядок после дороги, Роджерс предложил сыграть в шахматы. Я вынужден был отказать, так как, к своему величайшему стыду, не умел играть. Зоря вышел к нам посвежевшим и даже оживленным.

— Не переносу самолеты, — громко сказал он, а потом обратился ко мне: — Как без меня провел время? Не скучал? Рассказывай, Алеша.

— Пожаловаться не могу, Роджерс был ко мне необыкновенно внимателен.

Роджерс сделал широкий жест — мол, такова уж была его обязанность — друга хозяина. Мне показалось, что брат не слушает, и вопрос свой задал скорее из вежливости, чем из искреннего интереса.

— Узнаю Роджерса. Он, как всегда, делает почти невозможное, — заметил брат.

— Твой брат — мой брат, твой гость — мой гость — таков закон восточной дружбы! — скромно потупился Роджерс.

— Благодарю тебя, Роджерс, я был спокоен за Алексея. Он попал в надежные руки... — скороговоркой произнес Зоря.

Я опять отметил, что и эти слова прозвучали без особого энтузиазма и искренности.

— Может быть, ты догадаешься нас чем-нибудь накормить? А то сытый голодного не разумеет... — напомнил Роджерс.

— Конечно. Фани, гости хотят воздать должное твоему кулинарному искусству. У тебя все готово? — крикнул Зоря.

В дверях появилась раскрасневшаяся экономка.

— О да. Прошу к столу, — объявила она.

За столом разговор не клеился, было впечатление, что каждый занят своими мыслями. После трапезы Роджерс с братом, извинившись, уединились в кабинете. О чем они там беседовали, неизвестно. Я лежал, просматривая издания «Русская мысль» и «Посев». Ими меня регулярно снабжал Роджерс.

Когда Роджерс ушел и мы остались одни, я с тревогой спросил брата:

— Зоря, что случилось? Что с твоим здоровьем? Я ничего не могу понять.

— Со здоровьем сейчас все наладилось. Напугали тебя зря. Хуже другое.

— В чем же дело?

— Пошла полоса невезений. Фирма теряет акции, и надо же так случиться, что все это совпало с моим пребыванием здесь. Шеф сердится и угрожает неприятностями, обвиняя меня в непрактичности и нерасторопности. Пришлось бросить в оборот даже личные сбережения. Впрочем, зачем я тебе все это говорю? Отдыхай... Как-нибудь выкрутимся... Возможно, все уладится...

— Мне это очень неприятно, Зоря. Как же так? Неужели ничего нельзя сделать? Ведь ты так предприимчив. По-

советуйся, наконец, с Роджерсом, он же твой друг и компаньон. В конце концов, может, я могу чем-то помочь...

Зоря удивленно посмотрел на меня:

— Ты?! Спасибо. Но чем?

— У меня есть кое-какие деньги... — сказал я, хотя понимал всю нелепость этого предложения.

— Это крохи... Ты говоришь, друг и компаньон... до первого полицейского. Ладно. Как дома? Как дела? — вздохнул Зоря.

— Все по-старому. Хвастаться, в общем-то, нечем.

— Что у Марины?

— Учится. Нормально.

— Замуж не собирается за того молодого человека, аспиранта, кажется, Виктором его зовут?

— Вроде бы не собирается.

— Что так?

— Говорит, что он меланхолик. Ничем, кроме своих лазеров, не интересуется. Всюду его приходится тащить, как она выражается, на аркане. Но сама постоянно ждет его звонков.

— Аспирантуру он закончил?

— Да, закончил.

— И получил приличное место?

— У своего отца на объекте. Он доволен.

Зоря пожал плечами:

— Чего ей еще нужно?

— Кто ее поймет? Сам знаешь, какая сейчас молодежь.

— Жаль такого парня упускать.

— Да, я тоже думаю, что жаль, но от меня здесь ничего не зависит.

Во время разговора, я видел, как Зоря настороженно смотрел на меня. После минутной паузы он, как бы между прочим, сказал:

— С тобой хочет поближе познакомиться Роджерс. У него к тебе есть какая-то просьба.

— Интересно, что за просьба? — удивился я.

— Об этом он сам тебе скажет, — уклонился от ответа брат. — Мне одно ясно: от них все равно никуда не уйдешь...

— От кого? — насторожился я.

И снова возникло тревожное чувство, которое в последнее время стало у меня появляться.

— Что? — переспросил тихо Зоря. Он словно отключился на миг от всего, что его окружало.

— Ты сказал, что от них все равно никуда не уйдешь,— напомнил я.

— А... Да это так...— пробормотал брат. — Не обращай внимания.

Он, видимо, сказал что-то лишнее и сейчас не знал, как исправить промах.

— Все ничего... Устал... Ладно, спи. Спокойной ночи...— Он торопливо вышел из комнаты.

Я долго ворочался в постели. Разговор с братом совершенно выбил меня из привычного состояния. Сон не шел. Пришлось принять снотворное.

Проснулся я поздно. Зори дома не было. Фани, накрывая на стол, сообщила, что мною интересовался по телефону Роджерс.

Я привык к гостеприимству Роджерса и спокойно принял это известие.

У меня болела голова, и я попросил Фани принести пива.

— Сейчас, господин.

— Какой я тебе господин? Зови меня Алексеем Ивановичем.

— Хорошо, госпо... Алексей Иванович.

Как-то так получилось, что до сих пор у меня не было возможности пообщаться и поговорить с Фани. Решил восполнить этот пробел.

Она принесла пиво знаменитой австрийской марки, искристое, прозрачное. Наполнив большой бокал, я начал с ней беседу.

— Вы давно работаете у брата?

— Давно... — коротко ответила Фани.

— Он у меня настоящий торгаш. Обзавелся собственным предприятием. Одной-то жене, поди, трудно управляться?

— Конечно.

— Дача у него, наверное, большая?

— Вилла? Как у многих. Двухэтажная.

— Двухэтажная? — изумился я.

— Да.

— Сколько же там комнат?

— Семь.

— На четверых? Здорово! Ничего не скажешь.

Фани наконец осмелела:

— Неплохо. А у вас что, похуже?

— Немного похуже... — сознался я. — А откуда вы знаете русский язык?

— У меня родители украинцы. Живут в Канаде. Там я

родилась. С раннего детства живу среди русских и украинцев. Вот и научилась.

— Что, их там много, в Канаде?

— Целые колонии.

— И чем они занимаются?

— Кто чем. В основном торговлей.

— И что, им неплохо живется?

— Раз на раз не приходится.

Я-то знал, что люди живут по-разному и в далекой Канаде.

Короткую паузу экономка поняла по-своему. Решила, что я усомнился в ее словах.

— Ваш брат — пример того, как живут у нас в Канаде.

— А вы? — задал я новый вопрос. — Где вы работали?

— Где попало. Сейчас у вашего брата. Одну минутку, звонит телефон... — И Фани побежала в соседнюю комнату.

Я уже догадался, что это звонил Роджерс. Он приглашал меня в какой-то Бургенланд отведать лучшие вина Австрии. Мне не очень хотелось ехать. Думал вот так просто посидеть в тишине. Поговорить с Фани.

— Не надо упускать такую возможность, — с укором сказала Фани. — Там вам очень понравится.

В моем распоряжении оставались считанные минуты.

— Фани, а Роджерс часто бывает здесь?

— Да, господин.

— Опять «господин»! — Я хмуро сдвинул брови.

— Извините, Алексей Иванович.

— Брат с ним давно дружит?

— Да.

— Роджерс, наверное, богач?

— Конечно!

— А чем он занимается?

— Он дипломат и коммерсант.

— Торговлей, значит.

— Значит, торговлей.

У меня было впечатление, что Фани устала от моих вопросов и не знает, как от меня отделаться.

Спас ее повторившийся телефонный звонок. Фани сняла трубку. Разговор шел на английском языке. Закончив, она пояснила мне, что Роджерс извиняется. У него вдруг появились непредвиденные дела, и он просит отложить поездку в Бургенланд на завтра, на вторую половину дня. Я так обрадовался, что не мог скрыть этого.

— Все-таки есть бог на свете, — сказал я.

— А вы сомневались?

— В чем? — не понял я.

— Что есть бог...

Фани серьезно смотрела на меня. И я серьезно ответил:

— Я неверующий.

— Значит, вы большевик?

— Нет. Я беспартийный.

— Алексей Иванович, хотела давно вас спросить, да все решиться не могу.

— Не бойтесь, я не кусаюсь.

— Скажите, пожалуйста, перед поездкой сюда вас ин-структировали?

— Нет. А зачем?

— Да, говорят, там у вас дают какие-то подписки и задания?

— Глупость какая... Впервые слышу. — У меня появилось неприятное чувство отчужденности. Фани уловила это и, повернувшись, направилась на кухню. Я с интересом посмотрел ей в след.

В этот день я был предоставлен самому себе. Оказывается, это чудесно — чувствовать себя хозяином, делать что захочется, ходить куда пожелаешь. После обеда я вышел прогуляться и остановился у памятника Бетховену. Бродячие музыканты — их было трое — играли грустную мелодию. Их шляпы в ряд лежали на постаменте. Я подошел ближе. Один из музыкантов смычком грубовато постучал по моей шляпе. Я не сразу сообразил, что от меня требуется, а поняв, тоже снял шляпу. Я думал о великом музыканте, которого так чтят, очевидно, не только венцы. Так я забрел в парк.

Вдоль зеленой аллеи уютно расположились скамейки, выкрашенные в яркие цвета. Сел на первую попавшуюся, огляделся и увидел, что на противоположном конце скамейки дремал какой-то мужчина. Решил поговорить с ним.

Он, видимо, устал. Я кашлянул, заставил его обратить на себя внимание. Человек улыбнулся и пересел ближе. О чем-то спросил. Я отчаянно замотал головой: мол, не понимаю. Он показал рукой на свой рот. Ага, просит заку-рить...

Я молча вынул из кармана пачку папирос «Беломор» и предложил ему.

— Рус, И-ван? — обрадовался незнакомец.

— Точно.

— Гут...— Незнакомец кивнул на пачку сигарет.

— Да.

— «Бельмор»? Карош.

Незнакомец торопливо закурил, сделал подряд две глубокие затяжки.

— Вы знаете русский язык?

— О, мало, забиль... Рус... Плен... Понимайт?

— Понимаю. Долго?

— Что? — переспросил незнакомец.

— Долго были в России? Айн, цвай, драй... — И я показал на пальцах.

— А! Годь — Моськва, годь — Стальнград. Стройка. Понимайт?

— Москва. Сталинград. Стройка, — повторил я.

— Яволь. Вы Моськва?

— Да! — ответил я.

— О, Моськва — карош город. Простор. Метро, — искренне заговорил австриец.

— Поправилось вам у нас?

— О! Отшень. Рус... народ... карош... Зер гут.

— Кто вы? Где работаете?

Австриец внимательно посмотрел на меня, ожидая более понятных слов.

Я повторил вопрос, поясняя, что возможно, на руках.

— Я, я, понимают... Путцер... Стукатур.

— Штукатур? Да?

— Я! Я! Штукатур, штукатур. Вы кто? — в свою очередь поинтересовался он.

— Сантехник, — гордо сказал я.

— Сань... техник... Коллеги... — И незнакомец, улыбаясь, протянул мне руку.

— Точно...

— Карошо. Гут... — И он уже почти дружески похлопал меня по плечу.

— Что вы здесь делаете? — Я показал ему на скамейку.

Незнакомец сразу помрачнел, задумался, очевидно подбирая нужные слова.

— Нет работ, — наконец обреченно произнес он.

— Безработный?

— Яволь. Безработный.

— Давно? — спросил я.

— А? — не понял австриец.

— Айн, цвай, драй?... — Я опять стал загибать пальцы.

Он, как я понял, ищет работу два года. И каждый день после посещения биржи труда бродит по фирмам и домам, а всю остальную часть дня просиживает в парке. Я поинтересовался его семьей.

— А-а. Поньял. Драй. — Незнакомец показал три пальца.

— Трое?

— Яволь. Три.

— А живете как? — задал я совершенно глупый вопрос.

— Плёхо.

— Дом есть?

— Дом? — не понимая моего вопроса, повторил австриец.

— Хауз, хауз, — вспомнил вдруг я это слово.

— А-а. Дом?! Плёхо. Кап-кап. Понимайт? Дети больной.

— Течет?

— Я, я, течет. Хозянь скоро выйгоньят мьеня.

Странный человек... Комната протекает, а он дремлет в парке. Жильцы меня бы из-под земли вытащили.

— Надо ремонт сделать, — посоветовал я.

— Ремонт? Нет денег.

— Сколько комнат?

— Айн, маленько, плёхо. Понимайт?

— Одна?!

С ума сойти!.. От шикарной обстановки, в которой я жил у Зори, от роскошных ресторанов и комфортабельных машин я, вероятно, совсем ослеп.

Этого безработного я встретил в центре города. На окраинах мне побывать так и не довелось.

Вдруг в голову пришла простая мысль: почему Роджерс и Зоря так меня оберегают от встреч с рабочими? Может, они считают, что это неинтересно? Я ведь приехал в гости, отдыхать.

Мои мысли прервал мой собеседник. Он вынул из кармана маленький сверток, развернул его, осторожно взял бутерброд с колбасой, аккуратно разломил пополам.

— Пожалуйста. — Он протянул мне половину.

— Спасибо. — Я был растерян, растроган.

Он стал уговаривать. Но я наотрез отказался, понимая, что, кроме этих крох, ему больше ничего сегодня не предвидится.

— Сыт. Очень сыт... — Я провел ребром ладони по горлу.

Этот жест его убедил, и он стал завтракать один. А может, это был уже обед?! Ел он осторожно, поддерживая на весу ладонь, чтобы поймать каждую крошку хлеба. Так мы ели в годы войны.

— Сколько вы зарабатывали, когда работали? — спросил я незнакомца.

Пришлось несколько раз повторить вопрос и объяснять, показывая деньги, прежде чем он меня понял.

— Четыре тысячи.

— Так это же огромные деньги... На них можно здесь всего закупить, чего душа пожелает...

— Пожелайт?! — перебил он меня. — Хауз — две тысячи, налог, медицина — больше тысячи. Дочь болеет... Отшель... Операция...

Честно говоря, я слышал уже, что оплата за квартиру и медицинское обслуживание здесь стоит больших денег. Но не предполагал, что так дорого.

Закончив свой скудный завтрак, он скомкал бумагу и бросил в урну. Потом встал и протянул мне руку. Я тоже поднялся... Пожал его твердую, шершавую ладонь крепко, будто давнему другу.

— До свидания, геноссе, до свидания.

Он, сутулясь, пошел по аллее в сторону памятника Бетховену. А я еще долго сидел в тихом парке. Потом медленно поднялся и пошел по пустынным аллеям. Я брел куда глаза глядят и наконец очутился за парком, в узком, сыроватом переулке. Странно, что в таком красивом городе могут быть такие грязные, захламленные переулки.

Первое впечатление о Вене уже сложилось. Роджерс и Зоря сумели в прошлый раз преподнести как надо австрийскую столицу. Сейчас я тревожно озирался по сторонам. Нет, меня не испугала мысль, что могу заблудиться: предусмотрительный Зоря в первый же день дал мне «визитку». Любой прохожий, прочитав адрес, наверное, помог бы мне выбраться в центр. Ну, а там бы я уже сориентировался.

В переулке было мало прохожих. У небольшого, видимо дешевого, магазинчика стояла женщина с маленькой девочкой.

Одеты они были бедно, но чисто. Поэтому я, не обратив на них внимания, хотел пройти мимо. Но девочка протянула ладонь и что-то сказала.

Я торопливо вытащил деньги... Ладонь у девочки была холодная и влажная, а лицо бледное, болезненное.

Не слушая слов благодарности, я торопливо зашагал из переулка. Мне стало стыдно.

Из дневника Марины

«Отец в Вене... Что он делает сейчас в этом чужом городе, среди чужих людей? Да, именно среди чужих. Кто его там окружает? Как он там ведет себя? Трудно сразу пове-

речь запоздавшим родственным порывам своего дядюшки. Где же он был раньше? Не кроется ли за этим что-либо дурное? Правда, заболеть всякий может. Присланная справка подтверждает это. Вроде бы все логично. Но из головы не выходит рассказанный чекистом на лекции случай. Я о нем рассказала отцу. «Ерунда все это», — ответил он. Я подумала сейчас о нем. Как-то он там... Что-то тревожно на душе».

Неожиданный разговор

Дома меня ожидала встревоженная Фани.

— Загуляли что-то вы, Алексей Иванович. Я уже начала беспокоиться.

— Все в порядке, Фани, спасибо, вы очень внимательны.

— А настроение у вас изменилось. Вы чем-то взволнованы?

— Вы правы. На меня удручающее впечатление произвела встреча с безработным в парке и особенно... с больной девочкой... и вообще... что-то мне не по себе.

— Алексей Иванович! Станный вы человек! Где их нет, безработных? Разве в России нет этих, как их там называют, побирушек? Все это мелочи. Это не должно вас волновать. Ваш брат живет хорошо и вам помогает. А что еще нужно?

С ней трудно было разговаривать. Она явно не понимала меня. Фани удивленно пожимала плечами. И я решил прекратить разговор на эту тему.

— Да, да, Фани... Вы правы... Может, лучше дадите выпить? — Ее нужно было чем-то отвлечь.

— Вот и хорошо, Алексей Иванович. Конечно, я вам сейчас приготовлю. — И она выбежала на кухню.

В этот день я рано лег спать, словно предчувствовал, какое напряженное завтра меня ожидает.

Роджерс больше не откладывал свидания. Он появился, как и обещал, и увез меня в Бургенланд дегустировать австрийские вина. Чистенький, ухоженный, зеленый городок, каких здесь немало, ничем не был примечателен. Запомнился мне винный погребок, напоминавший бочку, где по стене разместились столики на троих человек в виде маленьких бочонков с такими же стульями. Под сурдинку магнитофон играл вальсы Штрауса. Мягкий свет, исходящий как бы из стен, создавал интимную обстановку. Здесь я впервые узнал и попробовал, что это за штука глинтвейн. Горячее вино. Стоящее питье. Особенно когда продрогнешь. И все же не сравнить с нашей водкой.

Оттуда мы возвращались поздно вечером довольно веселые. Никаких вопросов, касающихся моей личной жизни, Роджерс сейчас не задавал. И меня это успокоило.

— Когда вы уезжаете, Алексей Иванович? — спросил он.

— Через восемь дней.

— Как быстро летит время, а я еще так мало успел вам показать.

— Что вы, Роджерс. У меня от впечатлений трещит голова, точно дышал угарным газом. Пощадите.

— Мне хотелось бы свозить вас в Германию. Невредно вам посмотреть, как живет сейчас наш когда-то общий враг.

— Чего на него смотреть? — равнодушно оказал я и невольно задал вопрос: — А вы воевали?

— Приходилось, несмотря на то что я по профессии филолог, долгое время преподавал русскую литературу в университете. Временно пришлось все бросить. Но и я оставил свой автограф на рейхстаге.

И у меня сорвалась бестактность:

— После нас, конечно?.. (Нехорошо получилось, но Роджерс не обиделся.)

— Какое это имеет значение? Воевали-то мы вместе. Победили тоже.

— Как сказать... Победа-то досталась разной ценой... Мне вот не удалось повоевать.

— Каждому свое. Но годы войны, конечно, помните?.. — спросил Роджерс.

— Еще бы!..

— Тяжелое было время, страшно подумать, что это все может вновь повториться. Впрочем, кто старое помянет — тому глаз вон. Так, кажется?

— А кто забудет — тому два долой!

— Ого! — Роджерс громко рассмеялся. — Вы мне все больше нравитесь, Алексей Иванович. Пользуйтесь случаем, пока вы наш гость. Требуйте... Распожражайтесь.

— Ловлю вас на слове. Роджерс, у брата моего неприятности по работе. Вы знаете? — спросил я.

— Да. Ему трудно будет вывернуться. Фирма накануне банкротства. А это вам не фунт изюма.

— И нельзя ему чем-нибудь помочь? — Я был настроен серьезно и шуток Роджерса не принимал.

— Можно. Если, конечно, вы этого захотите, Алексей Иванович.

— А я-то что? С меня взять нечего. — Я был ужасно удивлен таким поворотом дела.

Роджерс, резко затормозив, остановил машину.

— Алексей Иванович, пора нам поговорить по душам, положи руку на сердце... — начал Роджерс. На этот раз он не улыбался.

Я невольно огляделся. Мы остановились на шоссе рядом с лесом. Вокруг — ни души.

От его слишком серьезного тона мне стало не по себе. Я чувствовал: что-то произойдет в конце концов.

— Прошу оказать мне одну небольшую услугу. За это я готов уладить дела вашего брата и, больше того, быть вашим настоящим другом...

— Мы и так друзья, кажется... — попытался улыбнуться я. Теперь мне хотелось перевести разговор на шутку. Но Роджерс не поддержал этого тона.

Тогда я спросил:

— Что вы хотите от меня?

— Я хочу, чтобы вы помогли нам... Разумеется, за хорошую плату...

Такого откровенного цинизма я не ожидал. Роджерс смотрел на меня, прищурившись, будто увидел впервые.

— Так... Понимаю... Нет, вы ошиблись, Роджерс... — торопливо сказал я.

Вот когда я вспомнил Марину, ее сомнения, рассказ чекиста на лекции. Моя душа наливалась гневом и злобой. На себя. На Зорю. На Роджерса.

— Скажу откровенно, в вашем положении остается только согласиться — иначе могут быть неприятности и вам, и вашим близким. Нет, нет, я не угрожаю, боже упаси, только советую, Алексей Иванович. Советую, как другу. Знать об этом никто не будет.

Чувствуя свое превосходство, он сидел, самодовольный и уверенный в себе, положив ладони на руль, слегка откинувшись, как в кресле.

— Значит, вы хотите меня подкупить? — беря себя в руки, заявил я. — Нет, Роджерс, не на того напали, не выйдет... Это подло — играть на родственных чувствах...

Я говорил ужасно взволнованно и поэтому бессвязно.

— Ну, зачем так откровенно и категорично — «подкупить»? Просто обычная деловая, можно сказать, торговая сделка. Вы — продавец, я — покупатель. И вообще, мы компаньоны... — перебил меня Роджерс.

— Не надо мне такого компаньона... Нет, вы ошиблись адресом, Роджерс...

— Бросьте, Алексей Иванович. Адрес у нас точный, и вы сейчас в этом убедитесь. Посылки вы получали? — в упор спросил он.

— Получал. Ну и что?

— О'кэй! Кто их вам присылал?

— Зоря, кто же еще.

— Так вот, посылки мои, а не Зорины. И все, что вы здесь купили, тоже куплено на мои деньги.

— Как?! Зна-чит...

Мне захотелось немедленно выскочить из этой шикарной машины и бежать. Через лес, через всю страну... Бежать, бежать. Немедленно.

Я даже попытался открыть дверцу машины.

— Ну что вы нервничаете? — резко сказал Роджерс. — Будьте в конце концов мужчиной...

Сейчас он не был похож на того вежливого, предупредительного господина, каким я его знал до сих пор.

— За все надо расплачиваться... — продолжал он. — Долг платежом красен...

— Это не-прав-да!!!

Я, кажется, крикнул. Но кто тут мог меня услышать?..

— Тихо, тихо, Алексей Иванович. Кстати, я далеко не все сказал. Может быть, содержимое этого пакета поможет вам в России сделать карьеру... — И Роджерс, усмехаясь, протянул мне пакет.

Непослушными руками я вынул какие-то фотографии. На одной из них я был с той самой женщиной из ресторана «Мулен Руж». Я замер, не зная, что сказать.

Роджерс торжествовал.

— Или это тоже неправда?! Ну что, Алексей Иванович, пойдем дальше или хватит? Запасы моей кладовой еще далеко не исчерпаны. Но думаю, что ни к чему хорошему это не приведет. Наоборот, только осложнит наши отношения. Зачем нам выносить сор из избы? Поверьте, я не хочу вам зла. И если вы сохраните благоразумие, все будет в порядке. Я не бросаю слов на ветер.

— Грубое насилие! Нет. Никогда! Никогда!.. У меня семья, дети... — Меня трясло как в ознобе.

— И брат. Как же вы его забыли? Нехорошо... Прежде всего успокойтесь, Алексей Иванович. Я же не предлагаю вам остаться здесь навсегда и тем самым стать изменником Родины. Вернетесь обратно домой, к своей семье, детям и будете жить, как жили, точнее, лучше, чем жили. От вас ведь и потребуются немного, совсем пустяки, — успокаивал меня Роджерс. — И, повторяю, никто об этом не будет знать. Я понимаю, вы боитесь последствий. Мы позаботимся о вашей безопасности. У нас есть гарантированные средства, чтобы все было хорошо. Вы скоро убедитесь в справедливости

ности моих слов. Не так страшен черт, как его малюют. Помните? — Роджерс опять входил в свою роль.

Ему, наверное, снова захотелось быть веселым, услужливым человеком, таким рубахой-парнем.

— Нет, Роджерс. Отпустите меня. Слышите? Отпустите. Я буду жаловаться...

Брови Роджерса сошлись. Он менялся на глазах. Это был совершенно другой человек.

— Тихо, Алексей Иванович! «Буду жаловаться!» — Он хмыкнул и покачал головой. — Кому? На кого? Подумайте, что вас ждет дома: Магадан, Норильск или нечто похуже. А семью? Жену, дочерей — Леночку и Марину? Не забудьте, что их ожидает в будущем. Особенно студентку Марину. Или вы надеетесь, что их государство прокормит? А о судьбе брата подумали? У вас есть еще время взвесить все «за» и «против».

— Я не враг своей Родине... Я... Я не хочу вас знать.

— Поздно... Давайте рассуждать серьезно. Наверное, не помешает вам хорошая кооперативная квартирка, а может быть, в придачу и автомобильчик. Конечно, если будете хорошо работать. И не бойтесь, ничего с вами не случится. Мы найдем способ перевести вам деньги официально. Например, сберегательная книжка на предъявителя. Слышали о таком варианте? И потом это не в Болгарии, где, прежде чем купить автомашину или построить жилье, вы должны предъявить документы, откуда у вас накопления. Как видите, у нас с вами речь идет об обычной торговой сделке. Родина родиной, торговля торговлей. Одно другому не мешает,

— Нет, Роджерс, не могу. Этим не торгуют... Понимаете?

— Сейчас вы взволнованы. Но я вас успокою. Одну минуту... — Роджерс вынул из кармана портативный магнитофон. Послышались треск, шипение. Потом голоса. Я сразу узнал голоса Зори и Роджерса. И с большим трудом — свой. Внимательно слушаю. «Мы давно следим за проблемами, над которыми трудится профессор Фокин. Что вам известно о его последних работах?» — Это спрашивает меня Роджерс. — «Насколько наслышан, он возглавляет группу по лазерным разработкам. Тема эта строго засекречена... Деталей не знаю... Однако шила в мешке не утаишь... Успехи под замок не спрячешь... Об этой разработке шептали на ухо «по секрету». Он получил Государственную премию, а его помощники большие деньги».

«А его помощников вы случайно не знаете?»

«Как-то двоих из них Фокин приглашал на рыбалку...

Они шумно обмывали награждение... Это кандидат Соболев Николай Иванович и Илья, Коротыгин Илья, отчество забыл...»

«Алексей Иванович, о чем же они говорили, не помните?»

«Я, как всегда, хлопотал по хозяйству, варил уху... поэтому не особенно прислушивался к их разговору, да и не до того было... Помню, жаловались на отсутствие какого-то оборудования... на бюрократизм, волокиту. Кого-то ругали из министерства... Кто-то мешал им... Шутили — в случае чего — сжечь их лучом... Радовались как дети результатам государственных испытаний на полигоне».

Я в ужасе обхватил голову руками. Неужели это не сон? И не верю сам себе. Неужели я мог это спьяну выболтать? Сколько раз меня за это прорабатывала Маринка. Выходит, мало. Черт бы меня побрал...

Я смотрю на самодовольно ухмыляющегося Роджерса. Как он противен мне сейчас. С каким удовольствием я расквасил бы ему морду. Но где взять силы, решительность?

— Кажется, это у вас называется разглашением государственных секретов? — сказал Роджерс и спрятал магнитофон в карман.

Когда это было? Неужели я окончательно терял контроль над собой? Что они со мной сделали?

Да... А я хочу кого-то обвинить. Но болтал-то я... Голос мой. А слова-то какие — «полигон», «разработка», «испытания»...

— А ведь вы, насколько мне известно, — сказал Роджерс, — должны были давать подписку о неразглашении секретных сведений, где работаете. Знаете, что за это полагается? Так-то вот. Подумайте. Не спешите с ответом. У вас есть еще время.

Остаток пути мы ехали молча. Роджерс, очевидно понимая мое состояние, старался на меня не смотреть.

Только когда мы остановились у дома, он коротко сказал:

— Игра стоит свеч... И не вздумайте болтать.

Мы даже не попрощались... А раньше без объятий не обходилось.

Я с трудом поднялся в комнату. Зоря, осмотрев меня, встревоженно спросил:

— Что так долго?

— Так получилось...

— Ты себя плохо чувствуешь?

— Очень, — ответил я.

Мы немного помолчали. По всему было видно, что брат ждет, когда я заговорю.

— Где Фани? — зачем-то спросил я.

— У себя. Да говори же, что с тобой, на тебе лица нет.

Я зачем-то подошел к нему и прошептал на ухо:

— Мне нужно с тобой поговорить...

— Но не здесь. Давай выйдем... — прижимая палец к губам, тихо произнес Зоря. — Пойдем на набережную.

Он не без основания считал, что Роджерс будет следить за каждым моим шагом, будет подслушивать каждое слово.

Мы вышли из дому. На улице зажглись первые рекламы, мягко покачиваясь, мчались машины. Вот и набережная. Река плавно текла, тихо омывая своими волнами бетонные берега. Зоря огляделся вокруг.

— Так что случилось? — торопил меня Зоря.

Я тоже оглянулся по сторонам. Набережная жила своей обычной жизнью.

— Не знаю, с чего начать. Голова ни черта не соображает. Понимаешь... Сегодня такая была катавасия... Просто не знаю, с чего начать...

Я хотел как можно мягче рассказать об этом ужасном предложении Роджерса. Мне было жаль брата... Мало ему своих бед... А тут еще я со своими несчастьями.

— Говори, не тяни, — настаивал он.

— Ты знаешь, мне Роджерс предложил быть шпионом... Да, да, шпионом!

Зоря тяжело вздохнул, опустил голову.

— Ну? Что же ты молчишь?

— Дева Мария! И что ты на это ответил? — каким-то отрешенным голосом спросил Зоря.

— Я, разумеется, отказался... Но он настаивает на том, чтобы я подумал. Угрожает... Понимаешь, угрожает.

— Правильно сделал, что отказался. Я так считаю, Алешенька, — после короткой паузы сказал брат. — Прощу, выслушай меня и пойми. Мои дела плохи... Теперь будут еще хуже. Во многом, что с тобой случилось, виноват я. — Зоря сильно волновался, говорил бессвязно и сбивчиво.

— Одного не пойму, зачем я понадобился им.

— Понадобился другой... Но сейчас речь не об этом... Ты мелкая сошка...

— Зоря... А посылки... покупки... — Я видел по его глазам, что он не хочет говорить об этом, но тем не менее продолжал: — Роджерс доказывает, что это все на его деньги. Неужели правда?

Он молчал. Мне казалось, что молчит час, два, целую вечность.

— Ну, говори же...

— Уезжай быстрее отсюда, Алешенька, уезжай.

— Ты же меня уверял, что я нахожусь среди друзей. Зачем ты сюда меня вытащил? Выходит, ты все знал заранее?

— Я виноват перед тобой... Ну, ударь меня, Алешенька, ударь... Нам обоим будет легче. Прощу...

Я смотрю на брата. Каким жалким стоит он сейчас передо мной. Я чувствую, как во мне закипает злость. Сжимаю кулаки и, не помня себя, как зверь бросаюсь на него. Остервенело бью его по лицу. Он даже не защищается. Я еще больше стервенею. Не помню, как остановился. Наверное, вид крови привел меня в чувство. Я повернулся и пошел домой.

А он прав. Мне стало легче. Только надолго ли?

Всю ночь не сомкнул глаз. Слышал за стенкой нервные шаги брата. Он тоже не спал.

Рано утром я застал его в ванной, он менял свинцовые примочки на лице. Оно было в ссадинах и кровоподтеках.

— Решился? — спросил Зоря, как будто бы ничего между нами не произошло. На его лице мелькнула вымученная улыбка.

— Да. Сейчас иду, — коротко ответил я.

— Ни пуха ни пера.

Отказавшись от завтрака, я решительно вышел из дому. Но у подъезда меня ждал... Роджерс. Откуда он вдруг взялся?

— Доброе утро, Алексей Иванович! Куда вы так рано собрались?

По всему было видно, что он или догадывается, или точно знает, куда я иду. Вот и приехал чуть свет, чтобы не дать мне уйти дальше порога.

Пусть догадывается... Пусть знает. Я и сам могу ему сказать, что иду в советское посольство.

— Доброе утро, — отвечаю я.

Роджерс опять играет роль милого, доброго друга.

— Садитесь. У меня есть отличное предложение. Не пожалеете. — И он открыл дверцу машины.

Я стою в нерешительности. Роджерс берет меня за локоть.

— Обо всем забудем... — торопливо говорит он. — Ничего не было...

Мне бы проявить силу воли, послать его к черту, но я, вдруг поверив ему, сел в машину.

— Как настроение? — спрашивает он.

— Улучшается.

— Вот и хорошо, Алексей Иванович. Со мной не пропадешь... Понимаю, вы несколько расстроены вчерашним разговором. Давайте не будем о нем вспоминать... — повторяет Роджерс.

— А куда мы сейчам едем?

— О, Алексей Иванович, я хочу показать вам одно чудесное место. Немного терпения — и мы у цели.

Вскоре машина остановилась на какой-то возвышенности. Вышли. Перед нами открылся вид на город. Он утопал весь в зелени. Разноцветные черепичные крыши домов блестя под солнцем. Слева просматривался аэродром, на котором находилось несколько самолетов. Справа виднелось озеро, словно брошенное серебряное блюдо на зеленый луг.

— Красиво, верно? — спросил Роджерс.

— Так и просится на пленку. Жаль, что нет фотоаппарата.

— О! Это гениальная мысль. Дело поправимое, — подхватил Роджерс. И тут же вынул из кармана миниатюрный фотоаппарат «Минокс». — Давайте я вас запечатлею на этом фоне. — И, не дожидаясь моего согласия, он щелкнул несколько раз. Потом протянул фотоаппарат мне: — Берите, берите. Не смущайтесь. Вещь стоящая.

Я молча взял в руки эту маленькую игрушку и толком не мог понять — то ли он дал мне рассмотреть его, то ли подарил.

— Это новинка, и пользоваться им очень просто. Не нужно наводить резкость, ставить диафрагму. Щелкайте — и все. Попробуйте... Делается это так.. — И после объяснения сказал: — А я вас на несколько минут оставлю. — Он взглянул на часы. — Я скоро вернусь, и мы продолжим путь.

Вот я и остался один с фотоаппаратом, не зная, в какую сторону сначала повернуть и что прежде сфотографировать.

Минут через пять после отъезда Роджерса ко мне подошел полицейский. Он показал на фотоаппарат и что-то проговорил.

Я, не понимая, пожал плечами. Тогда он жестом приказал следовать за ним. На нас уже стали обращать внимание, и я вынужден был подчиниться.

Так я оказался в полицейском участке. По моему требованию был приглашен переводчик.

— Господин Иванов, вас подозревают в фотграфировании военных объектов, что является противозаконным.

Я даже улыбнулся от такой нелепости:

— Вздор... Этот аппарат мне дал один из дипломатических работников.

— Какого посольства? — спросил переводчик.

Я отыскал «визитку» Роджерса Керна и протянул переводчику.

— Здесь только имя... Без должности...

— Но есть телефон...

— Да, вы правы... Этого, наверное, достаточно.

А я ведь действительно до сих пор не знаю, в каком посольстве он служит. Хитер Роджерс, ничего не скажешь!

Принесли обработанную пленку. Внимательно всматриваюсь через лупу в крошечный кадр и не верю своим глазам,

— Что это? — спрашивает меня переводчик.

— Аэродром... Ну и что?!

— Не трудно понять. Господин Иванов, мы вынуждены предъявить вам обвинение в шпионской деятельности на территории нашей страны...

— Но это же невероятно! — вырвалось у меня.

Теперь я уже не улыбался.

— И фотоаппарат у вас шпионский.

— Фотоаппарат подарен... Разуштите Роджерса... — потребовал я.

— Сейчас он будет... Мы уже связались с ним по телефону, — вежливо сообщил переводчик.

Я успокоился. Сейчас все встанет на свои места.

Через полчаса приехал Роджерс. Каково же было мое негодование, когда на вопрос полицейского Роджерс ответил, что никакого фотоаппарата он мне не дарил.

Я сидел не двигаясь. Такой подлости нельзя было ожидать даже от него.

— Господин Иванов, вы подозреваетесь в шпионаже, и мы вынуждены задержать вас, — заявил полицейский.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам, смотрю на Роджерса.

— Роджерс, помогите, вы же знаете...

В ответ он безразлично пожимает плечами.

«Пропал!» — мелькнуло в сознании. Теперь я понял, что это не простое недоразумение. Но как же из всего этого выкарабкаться?

Возникшая мысль — потребовать, чтобы полиция связалась с советским посольством — почему-то вначале испуга-

да. Мне казалось, что истину можно и так установить. Я ведь даже не бывал в районе аэродрома.

Меня увели в камеру, но через два часа снова вывели. У выхода из полицейского участка ожидал Роджерс.

Я машинально сажусь в автомашину. Молча едем по улицам Вены. Что меня еще ждет? Как объяснит он свою подлость? Надо было все-таки потребовать, чтобы связались с нашим посольством. Какой же я идиот!

— Что вы от меня хотите? Вы же обещали мне... — спросил я тихо, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться в эту самодовольную физиономию.

— Вас отпустили под залог. Я заплатил тысячу долларов. Как понимаете, вы недешево мне обошлись. Алексей Иванович, вот посмотрите на эти фотографии. Может быть, они вам помогут сделать правильный выбор. Ну, кто вам теперь будет верить? После всего случившегося? Я считаю, у вас есть единственный выход. Короче, либо вы даете согласие работать на меня, либо... Выберите... — деловито закончил он.

Я смотрю на фотографии. Они сделаны в полицейском участке. Еще одна мерзость.

— Этот снимок можно комментировать, вы это сами понимаете, как хочешь...

Роджерс, вероятно, сразу уловил основную черту моего характера — безволие. Я не нашел в себе мужества твердо и решительно настоять на своем и сказать «нет».

Все обстояло бы гораздо проще, если бы я не струсил, а вовремя явился в наше посольство. Но этого не произошло. И в конце концов я был сломлен и согласился помогать Роджерсу.

Роджерс называл все это торговой сделкой, бизнесом. Но как ни называй предательство, разве от этого оно не станет предательством?

Роджерс пообещал систематически переводить в австрийский банк на мой счет некоторую сумму в долларах. Дальнейшая оплата будет зависеть от ценности добываемых мною сведений.

Когда были закончены все так называемые формальности, Роджерс сказал:

— Алексей Иванович, я хотел бы в вашем лице иметь джентльмена. Если мы с вами о чем-то договариваемся — выполнять без колебаний. И еще одно — ваш брат ничего не должен знать.

— Хорошо, пусть и здесь будет по-вашему, я не скажу.

— Теперь надо вам немного отдохнуть. И не делайте

больше глупостей. Учтите, вы не у себя дома. Советую по-дружески. Утром я приеду.

Роджерс теперь чувствовал себя полновластным хозяином. Он довез меня до квартиры. Мы расстались.

В этот вечер я не хотел встречаться с братом. Незаметно взял из бара бутылку водки. Закрылся в комнате. Выпил водку и тут же провалился как в яму.

Утром Фани мне рассказала, как она и Зоря стучались ко мне и хотели вскрывать дверь, но услышав мой храп, успокоились.

Из дневника Марины

«Была в доме у Виктора. Его родители не знали, куда меня посадить. Особенно мать. Слишком они ко мне внимательны за последнее время. Иногда я растерянно оглядывалась по сторонам — искала Виктора, а он все суетился, куда-то убегал, что-то приносил и ставил на стол. И, перехватив мой взгляд, подмигивал: мол, держись.

Мы чинно сидели за столом, ужинали. Все здесь говорило о довольстве, начиная от обстановки и кончая богато сервированным столом. Смотря на все это, я «держалась», хотя мне и немалого это стоило. Откровенно говоря, скорее хотелось вылезти из-за стола и побыть наедине с Виктором... Странный он у меня. Когда мы оказались вдвоем, спрашивает: «Маринка, можно тебя поцеловать?» Неужели об этом спрашивают? Разве на поцелуи и любовь надо у кого-то брать разрешение? Если любишь, конечно, по-настоящему. Мы поцеловались... Этот поцелуй, словно кипяток, обжег мою душу, и все земное куда-то вдруг улетело, исчезло вместе с заботами, тревогами... Какой это был сладкий миг и почему только миг?..

Шла домой одна. Виктору не разрешила провозжать. Он надулся. Чудак, как он не понимает, после того, что случилось, мне нужно побыть наедине с собой.

Какая у Виктора дружная, хорошая семья. Иван Петрович — веселый, остроумный, общительный и очень простой человек. Совсем не похож на ученого. Невысокого роста, кругленький, пухленький, словно колобок.

А дома я думала о своем отце... Как-то он там?»

Проверка

На следующий день Роджерс приехал рано утром.

— Как чувствуете себя? — обратился он ко мне, присаживаясь в кресло.

Удивительная у этого человека способность перевоплощаться. Сейчас рядом со мной был заботливый друг. Он искренне волнуется за мое здоровье, за настроение.

— Что вы со мной сделали, Роджерс?

— О чем вы, Алексей Иванович? По-моему, мы уже все решили. Стоит ли беречь душу сомнениями? И теперь, поскольку мы в некотором роде коллеги, наши отношения должны строиться не только на взаимном уважении, но и, прежде всего, на доверии. Надеюсь, вы согласны с этим?

Это он, Роджерс, говорит о доверии!

— Допустим...

— Исходя из этого принципа и в порядке, как это у вас говорят, перестраховки я вынужден просить вас выполнить одну пустячную формальность.

— Какую еще формальность? — Я даже привстал.

— Хотите вы или нет, у нас принято всех служащих, поступающих в особо режимное учреждение, пропускать через специальный аппарат. К сожалению, нет возможности сделать для вас исключение.

— Рентген, что ли? — нагло спросил я.

— Остроумно, ничего не скажешь, — улыбнулся Роджерс. — Только с той разницей, что на вопросы будет отвечать не аппарат, а вы.

— Ладно. Делайте что хотите...

— Мне нравится такая покладистость. В таком случае возьмем быка за рога сразу.

Роджерс вышел в гостиную, где Фани подала кофе.

От завтрака я отказался. Странно, но я чувствовал себя хорошо.

Роджерс кивком головы дал знать Фани, чтобы она не настаивала.

Мы оделись и вышли на улицу. Сели в шикарный «бьюик» и помчались в пригород.

Номер в отеле, куда меня привез Роджерс, состоял из трех комнат. На стенах висели какие-то картины. Краски, небрежно размазанные по полотну, напоминали рабочую одежду маляра.

Мы с Роджерсом устроились за большим круглым столом и молча стали ждать. Открылась дверь и вошел мужчина лет сорока в белом халате.

— Доктор Джексон, — представил его Роджерс.

Доктор пожал мою руку и сразу же обратился с вопросом:

— Вы согласны пройти испытания через один прибор?

— А с чем его едят? — спросил я.

— Что едят? — Лицо у Джексона вытянулось.

Роджерс, не обратив внимания на мой грубоватый тон, серьезно перевел.

— Поли-граф, — повторил доктор.

Мне вспомнились детективные фильмы. Сообщения прессы.

— А... Он отгадывает мысли...

— Да... — подтвердил Роджерс.

— Так согласны пройти испытание? — повторил доктор.

— Что я должен делать?

— Прошу дать подписку. — Джексон протянул мне лист бумаги.

На русском языке в этом документе (точный текст его не помню) говорилось о том, что я согласен пройти испытание на полиграфе, обязуюсь не разглашать факт и процедуру испытания.

После того как я подписал обязательство, Джексон задал мне еще несколько предварительных вопросов.

— Вы не страдали психическими заболеваниями? — спросил он.

— Нет.

— Считаете ли себя физически здоровым человеком?

— Конечно. Разве я похож на больного?

— Не страдаете ли запоями?

— Что вы! Но выпить не прочь.

— Принимали ли накануне какое-либо лекарство?

— Да.

— Какое?

— Водку.

— Употребляете ли наркотики?

— Не приходилось.

— А кофе?

— Предпочитаю водку, — решил я состричь.

— Хорошо ли сегодня выспались?

— Да.

— Не подвергались ли раньше испытаниям? Допросам?

— Подвергался.

Я заметил, как при этом ответе Джексон переглянулся с Роджерсом.

— Когда?

— В пятьдесят восьмом году.

— Где и при каких обстоятельствах?

— Меня допрашивал следователь.

— А... Мы имеем в виду испытание на полиграфе. — Джексон удовлетворенно улыбнулся.

— Не подвергался.

— Тогда приступим к самой процедуре. Прошу вас пройти со мной, — заключил Джексон.

Комната, куда меня ввел Джексон, отличалась от двух других. Окно было завешено. Кроме кресла и столика, на котором стоял какой-то прибор со шнурами, в комнате ничего больше не было. Этот прибор напоминал аппарат, с помощью которого однажды в поликлинике мне делали кардиограмму.

Меня посадили в очень удобное кресло. Рядом с Джексонем стоял Роджерс. Я обратил внимание на большой лист бумаги, прикрепленный к стене напротив кресла.

— Внимательно прочтите вопросы, на которые вам придется ответить, — обратился ко мне Джексон и указал рукой на этот лист.

Я начал изучать вопросы, написанные крупными буквами на русском языке.

— Вы должны говорить только правду и отвечать одним словом — «да» или «нет», — предупредил Джексон.

— Учтите, Алексей Иванович, в случае если вы попытаетесь сказать неправду, полиграф, или по-русски «детектор лжи», вас сразу разоблачит, — счел нужным добавить Роджерс.

— В этом — его сила, — подтвердил Джексон.

— Я не буду обманывать...

— Чтобы у вас не было сомнений, мы сейчас продемонстрируем его силу на практике, — сказал Роджерс.

Джексон и Роджерс начали подключать аппарат. Обвязали мою грудь гофрированной трубкой, на левую руку надели манжету, словно хотели измерить кровяное давление. На два пальца правой руки — трубки в виде металлических цилиндров. Раздался щелчок... Аппарат включился.

— Перед вами десять игральных карт, — начал Джексон. — Запомните одну из них. На мой вопрос, эта ли карта вами загадана, вы должны отвечать только «да» или «нет». Поняли?

— Да. Все ясно.

— Загадали?

— Да.

— Начнем. Это бубновый туз?

— Нет.

— Это семерка пик?

— Нет.

— Дама червей?

— Нет.

— Валет треф?

— Нет.

Короткие вопросы повторялись до тех пор, пока не кончились десять карт. Я загадал бубнового туза. Джексон и Роджерс стояли сзади меня. Я повернулся к ним. Они оба рассматривали какую-то широкую ленту, выползающую из аппарата.

— Вы загадали бубнового туза, — объявил Джексон.

На какой-то миг я даже забыл о той страшной угрозе, которая нависла надо мной, о том невероятном положении, в котором оказался. Я будто попал в компанию фокусников.

— Точ-но,— ответил я, заикаясь.

Да, тут было чему удивляться.

— Теперь, надеюсь, вам понятно, что надо говорить только правду.

— Понятно... — машинально повторил я.

— Приступим к основной части нашей программы. Напоминаю, на вопросы отвечать только «да» или «нет». Итак, первый вопрос:

— Ваша фамилия Иванов?

— Да.

— Вы большевик?

— Нет.

— Вас зовут Алексей Иванович?

— Да.

— Подвергались ли когда-нибудь уголовному преследованию?

— Да.

— Это было в пятьдесят восьмом?

— Да.

— Вы работаете сантехником?

— Да.

— Внимание. Теперь вы услышите очень важный для нас вопрос. Вы знакомы с ученым Фокиным?

— Да.

— Вы женаты?

— Да.

— Фокина зовут Петром Ивановичем?

— Нет.

— Иваном Петровичем?

— Да.

— Вы умеете хранить тайну?

— Да.

— Вас кто-нибудь направлял к нам?

— Нет.

- У вас двое детей?
- Да.
- Ваш брат Зоря любит Россию?
- Да.
- Вам предлагали перейти на режимную работу?
- Да.
- Вы собирались донести в свое посольство о данном вами согласи работать на нас?
- Да.
- Вам подсказал эту мысль брат Зоря?
- Откуда вы взяли?
- Только «да» или «нет», — поправил меня Джексон. — Повторяю вопрос: «Вам подсказал эту мысль брат Зоря?»
- Нет.
- Внимание! Важный вопрос. Можете отвечать или не отвечать. Ваша дочь Марина знакома с сыном ученого Фокина?
- Да.
- Его зовут Виктор?
- Да.
- Виктор — ученый?
- Да.
- Вы получили специальное задание — уговорить вашего брата переехать в Россию?
- Нет.
- Виктор любит вашу дочь Марину?
- Да.
- Марина — комсомолка?
- Да.
- Обманули ли вы меня при ответах на какой-либо из заданных вопросов?
- Нет.
- Внимание! Решающий вопрос. По приезде в Москву вы собирались сообщить в КГБ о своем сотрудничестве с нами?
- Нет.
- Вы любите своего брата?
- Да.
- Фани вам нравится?
- Да.
- Внимание! — теперь уже подключился Роджерс. — Ученый Иван Петрович Фокин проживает в Москве?..
- Да.
- Вы часто бываете у него?
- Нет.

— Вы ездите с ним на рыбалку?

— Да.

— Вы честно будете работать с нами?

— Да.

— Вена — красивый город?

— Да.

— Внимание! Внимание! Вы приехали сюда по заданию КГБ?

— Нет.

— Ваш сосед по квартире, Елисеев, — журналист?

— Да.

— Ваша дочь Марина часто бывает в доме у Фокиных?

— Нет.

— Вы живете по адресу: Масловка, тридцать пять?

— Да.

— Внимание! Ученый Фокин работает в Москве?

— Вроде бы там...

— Только «да» или «нет». Ученый Фокин работает в Москве?

— Да.

— Может быть, вы умышленно скрыли от нас какие-либо детали, касающиеся вашей личной жизни?

— Нет.

— На этом закончим, — сказал Джексон.

С меня сняли все повязки и шнуры. Я встал и почувствовал усталость во всем теле. Слегка кружилась голова.

— Алексей Иванович, пройдите на минуту в холл и подождите меня там, — попросил Роджерс.

Я вышел из комнаты. И мне почему-то вся эта церемония с аппаратом снова показалась фокусом, детской забавой.

Через несколько минут вышел улыбающийся Роджерс.

— Поздравляю. Вы прошли проверку. Значит, пройдете ее и там. А вы боялись, старина. Есть предложение встряхнуться. Едем на голубой Дунай...

— Едем, — машинально повторил я.

И вот мы снова мчимся в шикарном «бьюике». Мимо мелькают знакомые места, приводившие меня в свое время в такое умиление. Сегодня мне не хочется на все это смотреть.

Не успел я оглянуться, как показался речной вокзал. Нас поджидал, словно только что подкрашенный для этого случая, белоснежный катер. Голубой Дунай. Я всматриваюсь в его воды, отыскивая голубые краски. Обыкновенная река, как и все те, которые мне приходилось видеть. Почему вдруг голубой?

В уютном салоне был накрыт стол. Армянский коньяк и «столичная». Лимоны. Икра. Рыба.

— Русский стол?.. — предложил Роджерс.

Я кивнул:

— Да, русский.

— Надеюсь, — продолжал он, — прогулка поможет вам проветриться и успокоиться. Брату вы ничего не говорили?

— Нет. Мы же условились.

— Приятно иметь дело с солидным партнером. Мне Зора говорил, что вам Фокин предлагал вернуться на работу в институт. Это верно?

— Был однажды разговор.

— При других обстоятельствах мы приветствовали бы такой переход. Сейчас этого делать не нужно. Начнется проверка. Можете навлечь на себя подозрения. Да вряд ли вас туда возьмут сейчас: брат-то за границей. Кстати, вот вам триста долларов, они пригодятся. В порядке симпатии. Так сказать, на восполнение издержек... — И Роджерс положил передо мной зеленые бумажки.

После четвертой рюмки коньяку мой спутник приступил к серьезному разговору.

Я ждал этой минуты. Роджерс зря не тратил ни времени, ни денег.

— Алексей Иванович, — наконец начал он, — нам нужно договориться о главном. Соединим в этих целях, как это у вас говорится, приятное с полезным. Скажите, коллега, вы готовы к серьезному разговору?

— Готов, очевидно.

Роджерс сейчас себя со мной, так сказать, на равных — мягко, тактично, вежливо.

— Не хотите еще рюмочку?

Не дожидаясь моего согласия, Роджерс налил коньяка.

Катер на большой скорости рассекал воды Дуная.

— В нашем с вами деле, — начал издалека Роджерс, — главное — научиться владеть собой и соблюдать строжайшую конспирацию. Это трудно. Даже очень. Но возможно. «Не боги горшки обжигают» — так, кажется, говорится в известной пословице. Что для этого нужно? И мало... и много. Мне думается, мы поступим в высшей степени благоразумно, если вы, например, пройдете специальный курс обучения и получите у нас соответствующую подготовку. Как вы на это смотрите?

— Мосты сожжены... — ответил я.

— Вы говорите, сожжены? Не согласен. Мосты только наведены. Посмотрите вокруг, как прекрасен мир, как легко

дышится и живет. Вы же в этом сами убедились. И по этому мосту, Алексей Иванович, проляжет и ваш путь к нам. Не забывайте об этом. Запомните, своих истинных друзей мы не оставляем.

— Постараюсь запомнить...

— Алексей Иванович, я хотел бы в вашем лице видеть не только послушного исполнителя, но думающего человека. Это немаловажное обстоятельство.

— Понимаю... — сказал я.

Честно сказать, я все меньше и меньше разбирался в том, что со мной происходит. Я жил в каком-то странном состоянии. Будто во сне... Вот сейчас ущипну себя за руку — и проснусь. И все будет по-старому. Потом я с дарами уеду домой. И наконец-то привезу Савельеву марки. Пусть не обижается. Я умею помнить друзей...

И я действительно щипал себя за руку, но не просыпался. Рядом сидел Роджерс, совсем другой, не такой, каким я его видел всегда.

Роджерс говорил, что от меня ничего особенного не требуется. Только нужно поддерживать контакт с ученым Фокиным. Сделать все возможное для установления родственных отношений с ним.

Я только кивал, соглашался... Потом опять тянулся к рюмке. Я перестал соблюдать приличия. Сам наливал себе, один пил. Но, удивительное дело, почему-то не хмелел.

Из дневника Марины

«Я не выдержала и спросила Виктора:

— Что, это были смотрины?

Он покраснел, опустил виновато голову. Вяло пробормотал:

— Глупости... Чепуха... — Потом вдруг, воспрянув, добавил: — Ты же и раньше у нас бывала.

Мне правилось его смущение.

Я задала другой вопрос:

— Тогда почему на меня так подчеркнуто смотрели твои родители?

И тогда Виктор выпалил:

— Я объявил, что женюсь на тебе...

— И что же они ответили? — едва сдерживая охватившее меня волнение, спросила я.

— Ты им пришлась по душе.

— Странный ты человек... — сказала я. — Наверное, об этом нужно было вначале спросить меня.

— Вот, все боюсь... Теперь, считай, спросил. Не знаю, что ты ответишь...

Чудак мой физик. Или они все такие? А что я могу ответить?.. Я же люблю его... Или я должна спросить, как тогда он о поцелуе? Можно ли его полюбить?

— Ну и когда же наша свадьба? — решил с ним поиграть в кошки-мышки, спросила я.

— Я серьезно... — заметил Виктор.

— Я тоже...

Виктор, не дав договорить, схватил меня в крепкие объятия и начал осыпать горячими поцелуями».

«Откровение»

Вечером мы ужинали с братом. На этот раз Роджерс оставил меня в покое. Когда Фани вышла на кухню, брат приложил палец к губам и молча кивнул головой на дверь. Поужинав, он предложил мне одеться и пройтись по набережной. Все это говорилось шепотом.

— Что-нибудь стряслось? — спросил я, когда мы вышли.

— Стряслось. У меня были неприятности с Роджерсом. За прошлый наш с тобой разговор.

— Значит, он тебе все рассказал?

— Рассказал... — тяжело вздохнул Зоря.

— Ничего не скажешь, втянул ты меня в историю. Сам себе становлюсь противным.

— Дева Мария, я не хотел этого. Видит бог, меня тоже заставили. Угрожали. Так уж получилось...

— Получилось... Скажи, какими глазами я буду смотреть на своих детей, товарищей?.. Был все же человеком... И проданся за тридцать сребреников.

— Что делать, ты привыкнешь... Привыкнешь... — бормотал он.

Мне казалось в этот момент, что он меня не слушает, а думает о чем-то своем.

— Я думал, что все будет выглядеть иначе...

— Как это иначе? — не понял я.

— Некоторые общие сведения... — лепетал брат. — Общие... И они успокоятся.

Неужели и у меня такой же ничтожный вид, как у Зори? Это же не человек, это тряпка.

— Но они вцепились... Они могут мертвой хваткой... — продолжал он.

— А если и тебе... Если нам вдвоем вернуться и все рассказать?

Зоря пугливо оглянувся.

— Тише... Там сразу расстреляют. В лучшем случае — пятнадцать лет. Такое не прощают. Мне точно конец... Теперь уже поздно.

— А если нет... Можно и отсидеть.

— Отсидеть? — прошептал Зоря. — Заживо себя в могилу закопать? Сколько мне лет... Ты подумал?..

Он с нескрываемой злостью смотрел на меня... Как Зоря изменился! Из жалкого, несчастного он неожиданно превратился в человека, готового броситься на родного брата.

Крепко же его помяли в этом мире... Наверное, и я буду вот таким. Спасая свою шкуру, не стану щадить ни друзей, ни родных.

— Прости... — прошептал он.

Некоторое время мы шли молча, не обращая внимания на шум нарядной улицы. Здесь, в центре, словно какой-то праздник. То там, то здесь стоят группами модно одетые молодые люди, кто с гитарой, кто с магнитофоном. Крутом музыка, песни и даже танцы.

— О чем думаешь? — спросил я.

— О тебе, о себе. Могло быть все иначе, не будь их.

— И будь мы получше, — добавил я.

— Успокаивай себя тем, что не мы первые и не мы последние. А что делать? Мир таков. Все в нем продается, все покупается.

— У тебя плохо на душе?

— Как здесь говорят, «улыбайся, если даже на душе скребут кошки».

— У нас говорят иначе — «если на сердце скребут кошки, значит, в нем завелись мыши».

— Так оно и есть.

— Зоря, скажи откровенно, ты очень зависишь от Роджерса?

— Я даже не могу сказать тебе как... Это он... — Зоря испуганно оглянувся.

— Значит...

Зоря посмотрел на меня и больше ничего не сказал.

Мы молча свернули с улицы к пустынной набережной.

— Ты его боишься, скажи честно?

— Да, боюсь. Он может все... Но не будем об этом...

Мы остановились и, облокотившись на перила, стали смотреть на темные воды Дуная.

— Помнишь, Алексей, нашу речку в деревне? — вдруг сказал Зоря.

— Помню, все помню... Вернуть бы все это и начать жизнь сначала... — Я обнял его за плечи.

— И несмотря ни на что, завидую тебе. У тебя есть Родина. У меня уже не будет Родины...

— Которую я предал как последний подонок... — зло добавил я.

— Тем не менее ты едешь туда. Будешь там жить. Там умрешь. У себя. Дома...

Но Зоря не договорил. Он все время озирался. Он боялся кого-то невидимого.

— Да, все забываю спросить тебя... Помнишь свое письмо перед отправкой на фронт...

— Ну и что? — лениво откликнулся брат.

— Что ты имел тогда в виду? Только откровенно.

— Дурак был, дураком и остался... От обиды и злости. На себя, на власть. Мне есть что тебе откровенно рассказать. Понимаешь... — начал было Зоря и вдруг замолк. — Нам пора... Потом... — сказал он и безнадежно махнул рукой.

Я в недоумении посмотрел на Зорю. Он был бледный и растерянный.

Откровенного разговора не получилось.

Так, не сказав друг другу больше ни слова, мы дошли до дома и разошлись по разным комнатам.

Я принял изрядную дозу спотворного. Нервы взвинчены. В таком состоянии надо еще ухитриться заснуть. Завтра, по словам Роджерса, меня начнут вводить в курс дела.

...Роджерс действительно увез меня с самого утра в пригородный отель. Оставшиеся четыре дня он решил посвятить моей учебе. Я должен был освоить тайнопись и научиться фотографировать «Миноксом». Больше от меня ничего не требовалось. И, как я понял, мне надо интересоваться только одним «объектом» — ученым Фокиным. На занятиях я задал наивный вопрос:

— Как я вам все передам?

— Вас найдут... — отрезал Роджерс.

«Значит, не сразу... — подумал я. — Значит, я еще успею прийти в себя и что-то предпринять».

Но в последний день наших занятий Роджерс неожиданно заявил:

— Обстановка меняется. Вы будете докладывать один раз в месяц.

— Как?!

— Посылать письма на подставной австрийский адрес! Вот он... Запомните...

Потом он объяснил, что на конверте я должен ставить любую фиктивную фамилию и фиктивный адрес отправителя, но имя при этом всегда должно быть одно и то же. Тайнопись необходимо выполнять с помощью химических копирок, этому меня обучили как теоретически, так и практически. Затем были обусловлены шифры — начало и конец письма.

Наконец наступило время моего отъезда. В этот день, вернее в оставшиеся полдня, предстояло много неотложных дел. Наконец и с ними покончено. Мы с Роджерсом уехали в кабинет. Зоря в соседней комнате заканчивал упаковку вещей.

— Итак, — заговорил Роджерс, — вернемся к нашему главному вопросу еще раз. Нас интересует все, что связано с доктором Фокиным. Все до мелочей. Повторяю, до мелочей. Конечно, нас интересует основное: последние достижения в области лазерной техники и ее применение в военных целях, особенно в космосе. Но мы понимаем, что для вас эта задача будет, пожалуй, непосильной. Ее будем решать, так сказать, в комплексе. Вам же нужно подготовить необходимую для этого почву. Итак, конкретно, о чем идет речь? Нас будет интересовать, чем увлекается Фокин, его привычки, изъяны в характере. В чем он нуждается, о чем мечтает, чем особо дорожит. Где и как проводит время. Взаимоотношения в семье. Есть ли у него любовница и кто она. Работает ли он с документами дома. Посмотрите, имеется ли в квартире сейф. Ездит ли в командировки и куда. Как часто. В разные места или в одно и то же. Больше внимания уделяйте его сыну. От него можно узнать о Фокине немало. Охота и рыбалка — хороший повод для укрепления дружбы. Подарите ему вот этот спиннинг. Редкая вещица. Будет доволен. Запоминайте все, о чем будут они говорить между собой, особенно когда речь пойдет о работе Фокина. Теперь о жене Фокина. От нее при благоприятных условиях можно узнать, что волнует мужа. Какие он испытывает трудности и неприятности в работе. Если получает награды, то за какие разработки. Постарайтесь узнать, в чем особо нуждается она. Женщины, как известно, любят модно одеваться. А это нелегко. В Москве, если потребуется, вас обеспечат сертификатами. Можете купить интересующую вещь и, разумеется, скажете, «достали по блату». Намекните, что вы имеете возможность и дальше доставать дефицитные товары — и для нее, и для ее мужа, что особо важно. Заставьте почаще обращаться к вам. Начните оказывать больше внимания их семье. Ненавязчиво, но обязательно позд-

равляйте с разными датами. Короче, надо больше расположить их к себе, не вызвав при этом подозрений. Понимаете?

— Да... — коротко ответил я и подумал: «Бедные Фокины! Они и не подозревают, что их ожидает».

Роджерс посмотрел мне в глаза. Сейчас это был не рубаха-парень, а хозяин, диктующий свои условия. Рядом со мной сидел, если точно определять, товарищ по работе. Он не просил, не приказывал... Он объяснял.

— Теперь о Марине. Ваша дочь должна выйти замуж за Виктора Фокина.

— Разве это от меня зависит? — удивился я такой постановке вопроса.

— Зависит, дорогой Алексей Иванович. Зависит. Должно зависеть. Для нас это очень важно. Для вас тоже. Здесь все для тайнописи. — И Роджерс передал мне тюбик зубной пасты «Поморин». В ответ я понимающе кивнул головой. — Остальное вы знаете. Итак, лиха беда — начало, — закончил он.

— Мне все ясно, Роджерс.

— И последнее. Хочу предупредить. Не вздумайте нас одурачить. Имейте в виду, мы вас и вашу семью достанем в любом месте. И ни перед чем не постоим. И тогда пеняйте на себя. Надеюсь, понимаете, о чем идет речь. Извините, но я должен об этом серьезно вас предупредить, Ясно?

— Мне все ясно, Роджерс, — повторил я.

— Тогда, как у вас говорят, выпьем на посошок. Зоря, мы вас ждем! — крикнул Роджерс.

Через минуту появился брат. Роджерс наполнил бокалы. Мы выпили.

— Нам пора, — сказал Зоря, взглянув на часы.

— По русскому обычаю положено присесть и помолчать перед дорогой, — предложил Роджерс и, возвращаясь в комнату, первый сел на диван. — И самое последнее. Не злоупотребляйте спиртными напитками. Вы слишком откровенны.

— Я ему об этом говорил, — заметил Зоря.

— Постараюсь.

Что мне оставалось еще говорить? Я и сам понимал, что это к хорошему не приведет.

Мы все дружно встали.

Фани грустным взглядом проводила нас до дверей. С братом не удалось больше поговорить. На вокзале Роджерс стоял в стороне, молча наблюдая за нами. Мы шли вдоль состава, у моего вагона остановились.

— Будем прощаться? — спросил я Зорю.

— Да хранит тебя святая дева Мария. Прости. Может так случиться, больше и не увидимся. Поклонись родной земле. Привезенный тобой пакетик я сохраню до конца своих дней.

Я смотрел на него и видел слезы в его глазах.

Мы обнялись. В эту минуту Роджерс подошел к нам.

— Ни пуха ни пера... — сказал он и пожал мне руку.

Я поднялся в вагон.

Поезд тронулся. Я подошел к окну. Зоря, увидев меня, вяло поднял руку и помахал мне.

И все...

Из дневника Марины

«Мне больно смотреть на маму. Она, по-моему, кое-что начинает понимать. Каждое утро заводит разговор об отце и с тревогой заглядывает мне в глаза. Что я могу ответить?.. Писем нет, телеграмм нет. Если причина в болезни дяди Зори, значит, беспокоиться нечего. А если он здоров? Я боюсь об этом даже думать. Но разве можно не думать?!

Вчера случайно встретила участкового уполномоченного. После его профилактического визита к нам на квартиру я долго не находила себе места. Какой стыд и позор пришлось мне тогда пережить. Мой уход из дому ничему не научил родителей. Будь прокляты эти заграничные шмотки. Они слабых людей делают своими рабами. Сильных развращают. Когда я его заметила, хотела свернуть в сторону, но было поздно. Решила проскочить мимо: может, не узнает. Но не тут-то было. Не учла — у них профессиональная память на лица.

— Добрый вечер! Как дела?

— Дела, насколько я понимаю, у вас...

Что можно было ему ответить? Говорить правду не хотелось, а лгать я не могу.

— Ясно. В случае чего — я к вашим услугам. До свидания. — И участковый, галантно откозырнув, пошел дальше.

— Я бы не хотела этого, — сказала я ему вслед.

Участковый обернулся, посмотрел на меня, улыбнулся и помахал рукой. Он понял. И согласился со мной. Спасибо ему».

Тюбик «Поморина»

Мне повезло. Всю дорогу ехал в купе один.

Границу пересекли благополучно. Таможенный досмотр прошел быстро, хотя заставил меня пережить ужасные ми-

нуты. Таможенник, осматривая вещи, вдруг взял в руки зубную пасту «Поморин» и, внимательно рассматривая ее, спросил:

— Говорят, предупреждает кариес зубов. Это верно?

Замерло сердце, перехватило дыхание. Я растерянно пожал плечами, еле выдавил:

— Говорят...

Мне вдруг захотелось сейчас же, немедленно, рассказать ему все об этой «пасте». Но... меня сразу снимут с поезда. Посадят — и все пропало.

А там в Москве уже ждут. Будут встречать... Нет... Нет... Я пока еду. Я еще подумаю. Все остальное — потом.

«Как вот только оно будет выглядеть — все остальное?» — невольно подумал я.

Уже десятки раз представлял, как твердо и уверенно шагну в двери нужного учреждения. Как обстоятельно и спокойно расскажу о событиях, которые закрутили меня. Почему-то в моем воображении это должно будет случиться утром. На утро я уже назначал однажды свой визит в советское посольство. Но Роджерс словно почувствовал это. А может, не эта, так другая причина помешала бы мне.

Я гнал от себя эти мысли, откладывая все на потом.

На вокзале меня встречала вся семья. Первой бросилась навстречу жена.

— У нас большая радость. Виктор сделал предложение Марине... — поспешила сообщить она.

— Ну и?..

— Думает, дурочка. Или притворяется.

— Правильно делает. Ей, а не нам жить... Пусть как следует подумает, — ответил я.

Марина была сдержаннее и как-то испытующе смотрела на меня.

— А ты что-то похудел, осунулся. Наверное, на этот раз не так сладко было за границей?.. Что с дядюшкой? — спросила она.

— Ты как в воду глядела... — улыбнулся я. — У Зори все налаживается.

Мы долго ждали такси. На остановке я тоже ничего путного не мог сказать. Сославшись на усталость и головную боль, отвечал односложно. И дома я продолжал молчать. У меня не было никакого настроения самому показывать привезенные подарки. Этим деловито, без лишней суеты занялась жена. А я молча сидел и смотрел на нее. Марина была по-прежнему ко всему равнодушна.

Все это время, как только я сошел с поезда, у меня не

выходил из головы тубик «Поморина», в котором были спрятаны средства тайнописи. Я мучительно соображал, где безопаснее его спрятать, а пока он лежал в боковом кармане моего пиджака.

— Сними пиджак или ты куда-то собираешься идти? — спросила жена.

Я снял пиджак и повесил его на спинку стула. Для безопасности на пиджак набросил рубашку, галстук. Думал, так лучше.

Жена — надо же — заметила:

— Зачем же ты все кладешь на пиджак? Помнешь. Давай его в шкаф повесим...

Я взял пиджак из рук жены, сам повесил его в шкаф.

— Не доверяет, — усмехнулась жена и посмотрела на Марину.

«Фу-ты, черт. Привлек внимание», — подумал я с досадой. Ночью спал плохо. На душе было тревожно. Проклятый тубик не давал покоя.

Утром, убедившись, что тубик на месте, я зашел на кухню. Там оказался Елисеев. Он, как всегда, варил себе кофе.

— С приездом, Алексей Иванович, — поприветствовал он.

— Спасибо.

— Как гостилось на сей раз?

— Да ничего.

— Что так тоскливо? Случилось что?

— Да так... Вспомнился наш с вами разговор...

— Что, насмотрелись на этот раз?

— Пришлось-таки увидеть... — согласился я.

— Что, — засмеялся Елисеев, — вырвались из объятий родственников? На часик?

Я с удивлением посмотрел на него. У меня, наверное, вытянулось лицо. А Елисеев продолжал смеяться.

— Угадал?

— Да... — протянул я.

— Нехитрое дело... — объяснил он. — Обычно, когда человек попадает за границу, его начинают таскать или родственники, или туристские фирмы. Ну, разумеется, показывают только блеск. День, другой... Человек ахает, охает... Потом... — Елисеев сосредоточенно помешивал кофе. Убедившись, что все в порядке, он продолжал: — И вот выйдет прогуляться... За ручку его уже никто не ведет, сам шествует. Настроение благодушное. И вдруг... начинаются открития.

— Точно... — пробормотал я.

Потом, на выдержав, засмеялся вместе с Елисеевым. На какой-то миг я забыл даже о всех тревогах.

В это время открылась дверь комнаты, и на кухню вышла жена Елисеева.

— Ничего не понимаю. Здравствуйте, Алексей Иванович. Что за хохот с раннего утра?

— Разговор тут один... — туманно объяснил Елисеев.

— Ага... Мужской... — понимающе сказала Люся.

— Самый обыкновенный... Житейский. Вот Алексей Иванович вернулся...

— Вижу... И все-таки что веселого рассказывал Алексей Иванович? — допытывалась Люся.

— Веселого мало, — сказал Елисеев. — Да и не успел рассказать. Ему довелось побродить часик без провожатых.

— Там? — куда-то неопределенно кивнула Люся.

— Именно там.

— Часик — тоже достаточно, — серьезно согласилась Люся. — Мы, Алексей Иванович, в одной стране три года жили. У нас были знакомые, соседи. Многое мы тогда повидали.

Люся, направляясь к двери, махнула нам рукой:

— Ну, я побежала...

В это время раздался телефонный звонок. Лена выглянула на кухню:

— Папа, это тебя.

Я посмотрел на Лену и... обмер. В руках она держала зубную пасту «Поморин». Не помня себя, я бросился в комнату и на ходу вырвал у Лены «Поморин». Она с недоумением посмотрела на меня, потому что я направился не к телефону, а открыл шкаф, полез в карман пиджака. Что за черт? Мой тюбик на месте. А этот откуда? Хотя все так просто. Обыкновенная паста...

— Папа, телефон... — напоминает Лена.

Я быстро натянул на себя пиджак, отдал Лене ее «Поморин» и направился к телефону.

— Алло! — как можно спокойнее говорю в трубку. А сам краешком глаза оглядываю кухню. Моих соседей уже нет. Успокаиваю себя тем, что они ничего не заметили, что побегал я уж не так неестественно быстро, как мне самому показалось. — Алло! Алло! — громко повторяю я, но в ответ слышу в трубке частые гудки. С досадой вешаю трубку на место.

Нужно взять себя в руки. Черт знает что с нервами. Сколько будет продолжаться эта сумасшедшая жизнь? К такому привыкнуть невозможно.

— У тебя есть время? — спрашивает жена. Занятая своими делами, она не обратила внимания на инцидент с «Поморином».

— А что?

— Сходил бы за хлебом... Я минут через двадцать готовлю завтрак.

— Конечно... — радостно отвечаю я.

Я почти выбежал из дому. На улице моросил мелкий дождь. Вынул из кармана газету, прикрыл голову. Ближайшая от нас булочная — в пяти минутах ходьбы, но она была закрыта. Пришлось идти в соседнюю. Но только я сделал несколько шагов, как услышал за собой топот. Кто-то тяжело бежал.

— Стой! Стой, тебе говорят!

Я непроизвольно втянул голову в плечи. Обернулся назад. Первое, что бросилось в глаза, сжатые кулаки грузного мужчины.

— Нашкодил и убегаешь, сукин ты сын! — кричал он.

Я тут же теряю самообладание. В следующее мгновение бегу под арку многоэтажного дома, в три прыжка перемахиваю небольшой двор и — о ужас! — чувствую, как кто-то резко толкает меня в спину, и я прижат к земле. Чудовище с оскаленной пастью, полной зубов, обдало меня теплым дыханием. Пытаюсь пошевелиться, в ответ слышу злобное рычание. Я замер в испуге, ничего еще не соображая.

— Стой! Фу! — доносится до моего слуха мужской голос.

Через несколько секунд тот самый человек стоит надо мной со сжатыми кулаками.

— Извините, пожалуйста, товарищ. Дурной пес, одно с ним наказание... — Он помог мне подняться с земли.

— Развели тут всяких... — говорю я больше для приличия, сообразив наконец, в чем дело.

— Понимаете, товарищ... Не знаю, что с ним, сукиным сыном, случилось.

— Надо намордник надевать! — кричу я. А в сердце — радость, как хорошо все кончилось.

Что же это такое? Неужели меня начал преследовать страх? Или это простая случайность?

Разбитый и подавленный, я вернулся домой с пустыми руками.

— Где же ты был? — удивилась жена. — А хлеб?

— Бородинского нигде нет, — соврал я.

— Господи, ничего попросить нельзя. Купил бы любой.

— Я пойду... Мне пора на работу.

— А завтракать?

— Уже опаздываю, — проворчал я.

— Нельзя и слова сказать. Обиделся... — по-своему все истолковала жена. — Теперь буду чувствовать себя виноватой...

Я шел на работу без всякого энтузиазма. Настроение было скверное. Никого мне не хотелось видеть, ни с кем не хотелось разговаривать. Не то что в тот раз...

Когда я вошел в контору, навстречу поднялся Савельев.

— Привет, старина. Рад тебя видеть целым и невредимым, — произнес он, крепко сжимая мне руку.

— А что со мной могло случиться? — Сделав безразличное лицо, я пожал плечами.

Что за чертовщина? О чем это он? Неужели он о чем-то догадывается? Ерунда. Нервы.

— Там трамвайчики бастуют, вдруг тебе пешком пришлось ходить, а это небезопасно в условиях современного капитализма. Ясно? — На лице у Савельева расплылась широкая улыбка.

— Доморощенный остряк... — пробормотал я.

— Ладно. Не сердись. Как там?

— Бери. Тебе. И отстань.

— Что это?

— Марки.

— Думаешь этим отделаться? Рассказывай.

— Потом, потом, — немного раздраженно говорю я.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего. Извини. Еще в себя не пришел.

— Ладно. Потерпим, — говорит Савельев, раскрывая конверт с марками. — Может быть, с приездом по единой?

— Потом.

Я стоял и смотрел, как он с неподдельным интересом рассматривает марки, молча шевеля губами. В эти минуту для Савельева ничего больше не существовало. Я знал это. Можно позавидовать! Спокойное, доброе лицо. Значит, и на сердце спокойно.

— Спасибо... — говорит он. — У меня таких нет. Удачно выбрал.

— Выбрал! Я специально попросил филателиста продать редкие марки. Вероятно, они были подобраны хорошо, со вкусом.

— Теперь можно похвастаться... — продолжал Савельев. — Можно даже кое-кого удивить.

Пришла Катя. Поздоровались. Помолчали. Немного повертелась и ушла. Заглянула тетя Маша. Кивнула мне го-

ловой и закрыла дверь. Пришла Фаина. Пыталась задержаться и поболтать, но, поняв мое настроение, удалилась.

С трудом досидел я до конца рабочего дня. Савельев уже не приставал с вопросами. Катя смотрела на меня исподлобья. На этот раз я приехал без подношений. Она поняла это по-своему: жмот. Чем больше богатеет человек, тем становится жаднее.

Ушел я пораньше.

Но не сразу двинулся домой. Кругил по улицам и неожиданно остановился перед огромным зданием на Лубянке.

«Когда же? — решаю я. — Может, сейчас?» Но, подумав, опять откладываю на завтра, а в глубине души понимаю, что завтра будет то же самое.

Из дневника Марины

«Наконец-то приехал наш заграничник. Много было радости и суетни. Не было только ее у меня... И я решила, как говорится, в упор поговорить с отцом. Вскоре разговор состоялся. Шел он, естественно, вокруг дяди и Роджерса. Беседа была долгая, нервная, порой она проходила на высоких нотах. И чем больше горячился отец, неуверенно и путано отвечая на мои вопросы, тем больше я утверждалась в мнении, что с ним что-то произошло.

Он так толком и не объяснил, чем же все-таки болел дядюшка, да и болел ли. То он вначале сказал, что дядя лежал в больнице и его встретил Роджерс, а потом вдруг получалось, он оказался в отъезде по делам и объявился позже. Убеждал меня, мол, я неправильно его поняла. Теперь о Роджерсе. То он его видел мимолетно, то вдруг часто оказывался с ним в разных местах. Я не почувствовала прежнего благоговения отца к нему. Скорее всего, наоборот. Роджерс вызывал у него раздражение, и он неохотно касался его персоны. С одной стороны, это хорошо. А с другой — почему вдруг такая перемена? Так ничего толком и не выяснила. Одно для меня понятно: отец на этот раз вернулся из своего вояжа каким-то не таким, не своим, что ли... Его явно что-то тяготит, беспокоит. Ни с того ни с сего начинает кричать, потом смотрит виновато. Но я тоже хороша. Срываюсь, грублю, читаю мораль. А надо бы как-то добрее, деликатнее, что ли. Может, виноват Виктор? Последнее время, когда он приходит к нам, нет прежней простоты и естественности. Отец смотрит исподлобья или, наоборот, начинает лебезить. Противно! Когда дома плохо, никого и

ничего не надо. Скорее бы кончить, попрошусь на Камчатку, а там куда-нибудь в глухой район. Сразу самостоятельная жизнь...»

Страх

Посылки стали приходить реже. Инициатором этого был Роджерс. Он тогда как бы вскользь сказал: «Не надо привлекать к себе внимание. И заниматься спекуляцией».

После этого и было решено не злоупотреблять пересылкой «барахла».

Марина заметно повеселела. Возможно, она думала, что у нас с братом была размолвка. Этим и вызвано мое плохое настроение.

Да, я не знал, куда себя деть.

Я носился с тубиком «Поморина» — будь он трижды проклят! — как сумасшедший. Вспомнив о приеме «путать следы», которому меня учил Роджерс, я приобрел с десяток тубиков. Я их рассовал в самые различные места квартиры. К «Поморину» должны в доме все привыкнуть, чтобы на него не обращали внимания.

Жена однажды даже схватилась за голову:

— К чему такой запас?.. По-моему, паста у нас находится даже под подушкой.

Наверное, перебрал я.

Неожиданно на неделе позвонил Иван Петрович Фокин...

Я заикался, городил какую-то чепуху. Марина, проходившая мимо, с удивлением посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Рыбалка? — переспрашивал я.

— Ну конечно... Вы плохо слышите? Я перезвоню...

На секунду был сделан перерыв. Я мог немного собраться. Но от нового звонка все равно вздрогнул.

— Да, да... Теперь лучше... — сказал я.

— Ну вот... — обрадовался Фокин. — Продолжаю... У меня выпадает редкий день. Что вы думаете насчет рыбалки?

Я стал путано ссылаться на свою занятость...

Мне не хотелось, чтобы домашние слышали эту чепуху. Какая там у меня занятость! Потом я что-то брякнул о головной боли. Господи... Надо просто сказать, что согласен, и все.

— Не узнаю вас, Алексей Иванович... — пробасил Фокин. — Вас подменили. Отказываться от рыбалки в такие дни!.. Простите меня, но это грех...

В голосе послышалась обида. Я спохватился:

— Вы правы... На свежем воздухе все пройдет.

— Вот это уже другой разговор...

— Тем более что я вам привез новый спиннинг.

— Алексей Иванович... — растроганно произнес Фокин. — Ну зачем?.. Это же дорогое удовольствие.

Чувствуется, что самому-то ему было приятно.

— Испытаем завтра...

— Большое, большое вам спасибо...

И этому человеку я готовлю подлость...

Когда я вошел в комнату, жена подозрительно меня осмотрела.

— Ты действительно плохо выглядишь... Побледнел... Обратился бы к врачу.

— Пройдет, — небрежно бросил я. — Побуду на свежем воздухе, все войдет в норму.

Но этот день на свежем воздухе дорого мне стоил. Я не мог спокойно разговаривать с Фокиным, смотреть ему в глаза. А он ничего не подозревал, как ребенок, радовался спиннингу, хорошей погоде, моему соседству.

«А если все ему рассказать?» — мелькнула у меня мысль. А Виктор и Марина? Что будет с ними? При мысли об этом судорога прошла по моему телу.

— Что с вами? — участливо спросил Фокин. — Вы побледнели. Опять голова?

— Да, немного закружилась.

— Это от переутомления. Пройдет. Посидим у водички.

Хорошо, что рыбная ловля требует тишины: мы сидели молча, но от мыслей-то никуда не денешься. Перебирал множество вариантов, выискивая выход из своего невероятно сложного положения.

Допустим, я завтра... Нет, в понедельник, послезавтра, все-таки пойду туда... Пойду и расскажу. Я же ничего пока не сделал страшного. Я просто попал в беду. А что за этим последует? Трудно даже себе представить...

Мне вдруг пришла в голову шальная мысль — вышвырнуть проклятый тубик «Поморина» и обо всем забыть...

Нет... Они не забудут. Роджерс отыщет меня. То, что он пообещал мне за разоблачение, не простые слова.

Я покосился на Фокина. Даже не представляет, что сидит рядом с врагом.

Враг...

Это слово все чаще и чаще приходит мне на ум. Ведь это так, и никуда не денешься.

С величайшим трудом дождался я вечера. Разумеется, ничего не поймал.

— Ну, вы совсем раскисли, Алексей Иванович. Я уже переживаю, что вытащил вас из дому... — сказал Фокин.

— Ничего... Ничего... — успокоил я.

Обычно после рыбалки я дома засыпал как мертвый. Но теперь лежал, закрыв глаза, и все думал, думал.

Издали донесся приглушенный разговор.

— ...Конечно, ты права, дочка, он стал нервным и беспокойным.

— Разве ты не видишь, что он без тазепама не обходится! Что с ним случилось? До последней поездки в Вену он таким не был, — упрямо твердила Марина.

— Может быть, это оттого, что бросил пить?

— Да, вот еще... Как-то я проснулась от его крика, — продолжала Марина. — Отец просил у кого-то прощения, клялся, что не виновен. Вспоминал дядю Зорю. Я испугалась и потом долго не могла заснуть...

— Да мало ли что может присниться, доченька? Иной раз такое увидишь... — Ложись, уже поздно... Завтра поговорим.

— Ох, мама... — вздохнула Марина. — Как вы любите все откладывать на завтра.

С утра я помчался в контору. Я торопил себя, будто бы там дела невероятной важности или горит что-нибудь. Весь день хватался за любую работу... Только бы забыться. Разбитый, усталый, вернулся домой.

— Папа, тебе кто-то звонил, просил передать привет.

С трудом соображаю, о чем говорит Марина. Может, это уже от глуда начали звонить? Прошло три недели, после того как вернулся из Венy. Скоро должен отчитываться.

— Спасибо, — стараюсь казаться равнодушным, ответил я.

Мне стало не по себе. Не хватало сейчас звонков. Тем более анонимных.

Сели ужинать. Аппетита никакого.

— Алеша, ты не рассказывал ничего о рыбалке.

— Неудачно на этот раз... Сама, наверное, догадалась по результатам.

— Подарок Фокину понравился?

— Очень...

Скорее бы выйти из-за стола. Потом сошлось на головную боль и прогуляюсь на свежем воздухе. Надо побыть одному... Это единственное, что мне сейчас хочется. Не смотреть людям в глаза, не отвечать на их вопросы.

И вот я один. Ноги сами несут меня опять туда же, на Лубянку. Показался подъезд знакомого дома. Большие массивные двери часто открываются. Что меня заставило вновь прийти сюда? Почему я здесь? Я стою у гастронома и наблюдаю за обитателями дома напротив. Хочу побороть в душе страх. Пропади пропадом эта Вена, брат, Роджерс! Я устал. Хочется подойти к подъезду, открыть дверь... Настраиваюсь. Уговариваю себя. Чего же я боюсь? Очень неуверенно я направляюсь к зданию. Теперь я стою у подъезда и чувствую себя уже совсем плохо. Пытаюсь заглянуть внутрь. Но, кроме широкой лестницы, покрытой красной ковровой дорожкой, ничего не вижу.

Оттуда выходят двое. О чем-то весело разговаривают, смеются.

В последнее время я стал очень завидовать людям, которые могут смеяться. Невольно иду за ними. Они — в гастроном. Я — туда же. Они встают в очередь за апельсинами. Пристраиваюсь и я. Сзади. Боже мой! Впереди меня стоят чекисты. От них зависит моя судьба. Присматриваюсь к ним. Такие же, как и все. Ничего выдающегося, сверхъестественного. Последнего невольно трогаю за рукав. Ничего. Не страшно. И я решительно оставляю очередь. Выхожу из гастронома.

Останавливаюсь у двери с вывеской: «Приемная Комитета госбезопасности».

— Вы идете? — слышу сзади чей-то нетерпеливый вопрос.

— Да, да, — машинально отвечаю я.

И вот я в приемной. Чувствую, как у меня гулко бьется сердце, дрожат ноги. Вижу спасительный диван. Слава богу, есть свободное место. Сажусь. И боюсь поднять голову. Страх меня совершенно сковал. Вот тебе и получил успокоение. Достая таблетку тазепама. Отправляю ее в рот, но никак не могу проглотить. Во рту все пересохло. Таблетка застряла в горле. Поднимаю глаза и вижу направляющегося ко мне старшину. Машинально втягиваю голову, закрываю глаза.

— Вам плохо? — слышу его голос.

— Да...

Глоток воды восстановил силы. Рядом стоит озабоченный старшина.

— Сердце?!

— Да, — соврал я, прикладывая правую руку к сердцу.

— Что принимаете? — участливо осведомился старшина. Я мучительно вспоминаю названия лекарств.

— Может быть, позвать врача?

— Спасибо. Не надо. Посижу немного...

Не помню, сколько прошло времени, прежде чем я успокоился. Но все же успокоился. Вежливость и предупредительность старшины заглушили чувство страха. Все. Теперь дорогу знаю. Заберу кое-что с собой — и сюда. Решено. Может, завтра.

Конечно, завтра.

На другой день на работе первым меня встретил Савельев.

— Обыскался тебя, иди скорей к Ух Ты, он тебя все утро спрашивает.

Ух Ты — это наш начальник. У него была привычка после каждой фразы говорить: «Ух ты». Как-то после собрания Савельев сказал: «А здорово выступил наш Ух Ты». С тех пор нашего начальника между собой иначе и не называли.

Что случилось? Почему такая срочность? Может, это связано с Веной? Может, у него кто-нибудь есть? Боже, как это ужасно, постоянно ждать, что за тобой придут.

Но у начальника никого не оказалось. Все обошлось благополучно. Ух Ты отчитал меня за опоздание и послал в один из наших домов, где лопнула водопроводная труба. Мы с Савельевым до поздней ночи возились с этой окаянной трубой, выслушивая справедливые упреки жильцов.

Наконец вышли на улицу.

— У тебя дома все в порядке? — спросил меня Савельев.

Его вопрос застаёт меня врасплох.

— А что?

— Да ты какой-то не такой.

— С чего это ты взял? — угрюмо спрашиваю я.

— Проанализировал. У меня электронно-счетная машина... — улыбается он.

— И что же тебе сказала твоя умная машина?

— Заграница тебе явно не пошла впрок. Она тебя сделала злым, нервным. Так или будешь спорить? — спрашивает он.

Нужно отвечать, а я молчу.

— Заграница? — бормочу я, пытаюсь придумать, что же сказать.

— Да, она самая... — весело отвечает он. — Что-то у тебя там произошло. Вернулся каким-то другим.

— Просто устал... Затаскали по театрам, ресторанам.

— Ой ли? — покачал головой Савельев. — Когда тебя

таскали в прошлый раз, ты потом целый месяц никому проходу не давал. Все о роскошной жизни рассказывал.

— Преувеличиваешь, конечно. Но на душе беспокойно, это точно, — сознался я и ухватился за мелькнувшую вдруг спасительную мысль: — Волнуюсь за Марину. Она замуж собралась, как-то все у нее сложится?

— А, ну тогда все понятно, — соглашается он.

Впереди ночь... Я стал бояться темноты. Лежу с открытыми глазами, не могу заснуть. В голове — бесконечные вопросы. Пытаюсь на них ответить хотя бы самому себе. Заснул опять уже на рассвете. Вероятно, во сне снова разговаривал. Утром жена и Марина внимательно, не скрывая тревоги, смотрят на меня.

Я быстро собираюсь и ухожу...

Из дневника Марины

«...На днях пылесосила квартиру. Случайно уронила пузырек с валокордином, и он закатился под кровать родителей. Залезла туда и увидела в пружинах матраца... зубную пасту «Поморин»! Как она туда могла попасть? Ленка спрятала? Зачем?! Показала матери, Лене. Они пожимают плечами. Показала отцу. Сперва он усмехнулся, а когда я сказала, где я ее обнаружила, отец оцепенел, словно увидел перед носом кобру... И чего он так испугался? Выхватил из моих рук пасту. Выругался и убежал... Потом пришел, долго извинялся, ссылаясь на нервы... Просил прощения.

— Папа, у тебя появилась явная любовь к «Поморину», — сказала я.

Отец вымученно улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я сейчас соберу всю пасту и выброшу к чертовой матери, — заявила мама.

Ее миловидное лицо пылало гневом и решительностью, а чуть вздернутый нос совсем казался курносым.

— Где твой тюбик? — обратилась она к отцу.

— Я сам распоряжусь, — ответил поспешно отец, покосившись на свой пиджак.

...Я стала избегать Виктора. Все из-за отца. Не могу сейчас думать ни о чем другом, даже о Викторе.

Нужно наконец все выяснить. Только тогда я смогу быть спокойна».

Исцеление

Первый, кого я увидел в приемной, был знакомый старшина. Он стоял посреди комнаты и разговаривал с какой-то женщиной.

— Товарищ старшина, кто у вас здесь будет главным? — спросил я.

Старшина извинился перед женщиной и вежливо осведомился:

— По какому вопросу?

— Очень важному... государственному... и личному...

— В таком случае прошу вас пройти к начальнику приемной. Прямо, а затем направо, первый кабинет. Как сердечко? — Он узнал меня.

— Нормально. Спасибо... — ответил я.

— Желаю доброго здоровья...

Я поблагодарил, хотя не здоровье меня сейчас волновало. В кабинет начальника приемной стояла очередь. Я топтался на месте, не зная, что предпринять, а потом, вдруг решившись, без стука открыл дверь.

— Прошу извинения, но у меня весьма неотложное дело, — решительно заявил я.

Возможно, мне показалось, что говорил я решительно. Передо мной за небольшим столом, на котором аккуратными стопками лежали документы, сидел майор средних лет. Его добрые глаза смотрели на меня участливо и предупредительно. Видя мою взволнованность, майор обратился к посетителю:

— Я вас прошу подождать несколько минут в приемной.

Посетитель с любопытством покосился в мою сторону и торопливо вышел из кабинета.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал майор.

Я не знал, что делать с портфелем — поставить его на пол или положить на колени.

— Садитесь... — повторил майор. — С кем имею дело?

— Спасибо... Иванов Алексей Иванович, сантехник. — Я поспешил сесть, не выпуская портфеля из рук.

С чего начать рассказ?

— Я вас слушаю, Алексей Иванович, — сказал майор.

Десятки раз я прокручивал свою историю, стараясь коротко изложить события. Думал, отчеканю, как ученик выученное домашнее задание, а потом пусть задают вопросы.

Но пришло время говорить, а я сижу и не знаю, с чего начать.

— Товарищ майор. Речь идет о моей судьбе. Я недавно вернулся из-за границы, был в гостях у брата. Мне нужно срочно и доверительно поговорить с нужным человеком. Я стал, по сути дела, врагом Родины. Понимаете?

— Пока нет, — спокойно ответил майор. — Сейчас.

Майор кому-то позвонил. Кто-то обещал прийти. И действительно, вскоре в кабинет вошел высокого роста, статный, подтянутый человек, просто и деловито представился:

— Капитан Насонов, Владимир Николаевич...

— Иваном Алексей Иванович, — ответил я.

— Пойдемте ко мне... — предложил капитан.

Ноги меня не слушались. Портфель стал тяжелым.

— Давайте я понесу... — сказал капитан.

Я машинально отдал свой груз.

Мы прошли в отдельный, скромно обставленный кабинет.

— Здесь нам никто не будет мешать...

Капитан указал на стул:

— Садитесь... И спокойно рассказывайте.

Я подробно рассказал о брате, о том, что со мной произошло в Австрии, кинулся к портфелю, раскрыл его. Перед капитаном появились тубик «Поморина» (пусть разбираются!) и пачка писем от брата.

— Дело очень серьезное. Мне остается порадоваться, что вы сейчас здесь... — сказал Насонов.

— Это мой долг. Правда, я очень боялся и поэтому слишком долго собирался.

— Что у вас еще в портфеле?

— Чепуха... Мои вещи...

Мне показалось, что капитан с трудом сдержал улыбку. А может, только показалось?

— Арестуйте меня, я это заслужил...

Капитан Насонов посмотрел на меня и сказал:

— Вы сами пришли к нам. Никаких преступлений, судя по вашим словам, за вами не числится, поэтому арестовывать вас пока не за что. Ясно?

— Ясно... — прошептал я. — Но готов понести любое наказание. Готов ко всему. Извините, Владимир Николаевич, можно стакан воды?

Насонов налил мне воды. Я залпом выпил.

— Дело серьезное... — согласился капитан. — Я вынужден о нем доложить... Мы пройдем сейчас в другое место.

Сколько раз после приезда из Вены я проходил мимо многоэтажного здания на Лубянке. И вот я здесь. Меня уже выслушали. И я теперь почувствовал себя спокойнее.

Владимир Николаевич привел меня в приемную какого-то начальника, открыл дверь и вошел в кабинет. Я остался на попечении секретарши. Через несколько минут туда же проследовал молодой человек с папкой в руках. Секретарша, уже немолодая женщина, сидела за небольшим столом, держа перед собой журнал и, не обращая на меня никакого

внимания, вписывала в него какие-то цифры. Буднично и просто, как делают это в любом другом учреждении.

Время тянулось очень медленно. Казалось, что прошли сутки, прежде чем появился Владимир Николаевич и меня пригласили в кабинет. Я в нерешительности остановился у двери.

— Пожалуйста, пожалуйста, — мягко произнесла секретарша.

Я робко открыл дверь и очутился в квадратном кабинете.

— Смелее проходите и садитесь, — сказал Владимир Николаевич.

Я осмотрелся. У стола стоял невысокого роста, средних лет человек в форме полковника.

— Здравствуйте, — сказал он и представился: — Михаил Петрович. Присаживайтесь.

Я сел за приставной столик. Напротив сидел Владимир Николаевич.

На столике стоял небольшой магнитофон.

— Прошу вас, Алексей Иванович, рассказать все, что с вами произошло, не пропуская мелочей, — попросил Михаил Петрович. — Если вы не возражаете, мы запишем ваше сообщение на магнитофон.

В знак согласия я кивнул головой.

И я начал рассказывать. Меня слушали очень внимательно, так врач слушает тяжелобольного человека, стараясь точно определить причину заболевания. Я нервничал, у меня перехватывало дыхание, пересыхало горло. Мне подали стакан воды. Я ее выпил.

Открылась дверь, и вошла секретарша. Я вздрогнул и замолчал.

— Принесите, пожалуйста, чаю, желательнее с лимоном, — попросил Михаил Петрович.

Подали чай. Я сделал несколько глотков, немного успокоился. Однако ненадолго.

Мне начали задавать уточняющие вопросы. Они касались моего прошлого, настоящего, обстоятельств пребывания в Вене. Расспрашивали подробно о Роджерсе, брате, интересовались мельчайшими деталями. Особенно о полученном задании. О моем обучении — как пользоваться шифросвязью. Как я должен был поддерживать связь с Центром.

— Я должен ежемесячно посылать письма на подставной адрес в Вену. Самые обыкновенные. Но вписывать любые сведения о Фокине и его семье, — закончил я.

— Любые? — переспросил полковник.

— Любую чепуху... — повторил я.

— Чепухи в этом деле не бывает... — поправил Владимир Николаевич.

— Он так сказал... Роджерс.

— Кроме добывания сведений о Фокине и его работах, членах его семьи, других заданий вам не давали?

— Нет.

— Когда вы должны отослать первое сообщение? — спросил полковник.

— Срок истекает через неделю.

— Ясно, — сказал полковник и, помолчав, спросил: — Алексей Иванович, вы все нам рассказали, ничего не упустили?

— Поверьте. Как на духу. Все, как было, — ответил я.

— Хорошо. Нам еще не раз придется возвращаться к этой истории. А сейчас ответьте, пожалуйста, кто знает о вашем приходе сюда?

— Никто, кроме вас.

— А о том, что с вами произошло в Вене?

— Тоже.

— Очень важно сохранить в тайне и дальше. Сумеете?

— Конечно. Не сомневайтесь. Это уже точно, — горячо пообещал я.

— В таком случае, Алексей Иванович, я должен вам высказать кое-какие соображения, которые могут быть полезны для вас.

— Да... — кивнул я.

— Ваша переписка с братом, как мы предполагаем, была на контроле спецслужбы иностранной разведки. Пока она носила чисто семейный характер, ничто, казалось, не предвещало беды. Хотя ваши жалобы на неудовлетворенность жизнью, естественно, не прошли мимо ее внимания. Однако, как только в одном из писем вы упомянули имя ученого Фокина, у разведки сразу обострился интерес и к брату, и особенно к вам. Дело в том, что ученый Фокин и его засекреченные работы давно интересуют разведку, и она ищет давно любые, повторяю, любые подходы к нему...

— Случай такой, как понимаете, представился... — добавил Владимир Николаевич.

— Закуривайте... — предложил полковник, заметив мое волнение.

Я молча взял сигарету. С трудом достал из коробка спичку. Закурил.

— Дальше все пошло по известной вам схеме, — продолжал Михаил Петрович.

Я сидел перед чекистами опустив голову, разбитый, подавленный. Что я мог им сказать? Конечно, мне хотелось услышать что-то утешительное о брате, о его жизни, но не поворачивался язык спросить об этом.

— Вам могут позвонить, написать письмо, возможно, назначат встречу... — Полковник говорил медленно, с расстановкой.

Я поднял голову.

— Это будет только в крайнем случае... — вставляю я, вспомнив наставления Роджерса.

— Вот и мы говорим о крайнем случае, — продолжал полковник. — На встречу сразу не соглашайтесь. Если у вас не будет времени связаться с нами, потяните и поставьте нас в известность. Вот вам наши телефоны. — И он протянул мне листок бумаги. Затем внимательно посмотрел на меня и решил:

— Ну, а об остальном в следующий раз. Время у нас есть. Сейчас вы взволнованы. Немного отдохните, а затем мы через два-три дня встретимся и обо всем договоримся.

— Да... Да... Охотно, — согласился я.

Сегодня, разумеется, волнений было больше чем предостаточно. На всякий случай я спросил:

— Теперь писать не нужно?

Чекисты невольно переглянулись.

— Вы имеете в виду Роджерсу? — спросил полковник. — Пока нет... Когда надо, мы скажем. Конечно, он не успокоится и, возможно, пойдет на шантаж. Но опасаться вам нечего.

Кажется, я не все понял. Полковник догадался, о чем я думаю.

— Что касается брата, то переписку с ним прекращать не надо. Переписывайтесь, как ни в чем не бывало. Держите нас в курсе всех ваших дел.

— Да, да...

— И на прощание последний вопрос... Дочь ваша встречается с сыном Фокина по-прежнему?

— Да.

— Ну и правильно. Пускай молодые люди сами улаживают свои дела.

...Ушел я, когда начало смеркаться. Порывистый ветер поднимал пыль, метался по улице. Но я не обращал внимания.

Вечер... Обыкновенный московский вечер, когда все куда-то спешат. Я шел медленно. Мне хотелось улыбаться и здороваться с каждым встречным.

Удивительное настроение...

Я шел, помахивая пустым портфелем, как приезжий, который неожиданно попал в большой город и сейчас с интересом и восхищением осматривается по сторонам.

Портфель стал легким, почти невесомым, хотя я вынул из него только тубик «Поморина», фотоаппарат «Минокс», которым меня снабдил Роджерс, и пачку писем.

С письмами внимательно ознакомятся и вернут...

Кажется, прошла целая вечность и я с невероятным трудом дождался вот этих минут. Я могу просто идти, не страшась и не оглядываясь. Я могу думать о чем-то хорошем... Хотя сразу невозможно забыть недавние события.

Улицы Вены... Роджерс... Растерянное лицо Зори... Опять Роджерс...

Людской поток торопливо растекался по улицам, нырял в метро, в подземные переходы.

Рабочий день позади. Люди возвращались по домам. И никто из них не подумает обо мне: человек вырвался из беды, и не простой, а страшной беды. Человек был на краю огромной пропасти. Он делал к ней последний шаг...

Нет... Этого никто не знает. Даже не представляет! И не должен знать, кроме тех, кому положено. По привычке я заглянул в гастроном. Разноцветные марки вин на полках плясали перед глазами. Дразнили. Манили. С чувством собственного достоинства прошел мимо. Зашел в кондитерский отдел. Купил торт, конфеты. И снова влился в людской поток.

Мне, наверное, необходимо побольше бывать среди людей. Нужно избавиться от воспоминаний. Забыться. Но теперь без помощи водки.

Домой пришел поздно. Усталый, довольный, счастливый.

— Где ты пропадал? С ума можно сойти! — упрекнула жена.

Я поставил портфель. На него не обратили внимания. Думают, что там инструменты. Выложил из него покупки.

— Что это такое? Марина, посмотри на отца...

— Разбирай — и быстро все на стол. Марина, Лена, помогайте маме!.. — приказал я.

Первой подходит Марина.

— Невероятно... Что произошло?! По какому поводу? — говорит она.

Лена стоит на месте, смотрит, улыбается.

— Что случилось? Можешь сказать? У тебя же высокая температура... Куда сбежал? Перепугал всех, — засыпала вопросами жена.

О какой температуре может быть речь... Ее не было! Ничего не было! Хотя я был на бюллетене и мне назначен постельный режим.

Раздался телефонный звонок. Я опередил всех, схватил трубку.

— Слушаю... А, это вы, молодой человек. Здравствуйте! — отвечаю я и зажимаю рукой трубку. — Виктор! — кричу я, чтобы услышала дочь. — Как поживаете, Виктор? — Именно в это время появилась в коридоре Марина. — Сейчас. Передайте привет Ивану Петровичу. Даю трубку Марине.

— Виктор, если можешь, приезжай к нам поскорее! — Марина повесила трубку.

— Молодец! А я не сообразил позвать его. Эй вы, наследники, я голоден как буйвол. Поторапливайтесь, если вам дорога жизнь кормильца. Слышите?

Жена и дочь все еще с удивлением, даже с беспокойством поглядывали на меня.

— Да, чуть не забыла, тебе звонили, с работы... Интересовались твоим здоровьем... — сказала Марина.

— Теперь я абсолютно здоров... — многозначительно заявил я.

Опять на лицах удивление. Но никто вопросов не задает.

— Папа, а тебе письмо пришло, — вдруг говорит Лена.

Марина отвернулась... Она ненавидела эти конверты.

— Ах ты, негодная, чего же не говоришь...

— Разве тебе скажешь... Ты сейчас почему-то никого не слушаешь...

— И нам ничего не сказала, — с упреком заметила жена.

— Давай письмо, доченька, давай, милая...

Письмо, конечно, от Зори. Вскрываю конверт. Вынимаю оттуда обыкновенный лист без привычного углового штампа.

«Дорогой Алексей!

Это письмо я посылаю с верным человеком. Он его опустит у вас. Буду перед тобой откровенен, не боясь последствий. Впрочем, это уже не будет иметь для меня никакого значения. Мне многое хотелось тебе рассказать в Вене, но Роджерс сделал все, чтобы этого не случилось. Его люди следили за нами даже тогда, когда мы были вдвоем на набережной, а я-то знаю, чем это могло кончиться. Теперь-то мне никто не помешает сказать тебе всю правду.

Итак, все по порядку.

Ты тогда спрашивал о моем письме, которое я написал тебе на пути к фронту. С этого все и началось. Отбывая наказание, я написал заявление о направлении меня в действующую армию: «Искупить свою вину». Мне поверили. В первом же бою я сдался в плен. Все как есть рассказал немцам. Они мне тоже поверили, но я их не обманул. Немцы меня после обучения забросили с соответствующей легендой в партизанский отряд, действовавший на Брянщине. Так я стал Вановым.

Мою душу жгла обида за тюрьму, лагерь, за поломанную жизнь, и я старался отомстить за все. Ты сам понимаешь, чем я занимался в отряде и какую играл для немцев там роль. Скажу только одно, на моей совести есть погубленные жизни ни в чем не повинных людей. Как вспомню сейчас, душа леденеет... Да не простят они мне мои черные дела. А ты еще спрашивал, почему я не возвращаюсь на Родину. Нет ее у меня... Не буду описывать всех перипетий — как попал на Запад, с чем пришлось там столкнуться, что пережить, прежде чем очутиться в Канаде. Канада встретила меня холодно. Долго бедствовал и обивал пороги, прежде чем встал на ноги. Долго перебивался с хлеба на воду, пока случайно не столкнулся с местным немцем. Я ему кое в чем открылся. Отсюда все и пошло. Мне предложили сотрудничество, обещав материальную поддержку. Выхода не было. Завели на меня досье. Я указал о тебе. Они сумели установить твой адрес. Они все могут. Дальше тебе понятно. Да простит меня дева Мария. Не появившись на горизонте злощастный Фокин, и ничего бы не было. Будь проклят тот день, когда все это случилось.

Мои письма к тебе писались под их наблюдением и по их подсказке. Впрочем, как и все остальное. О каких вилах, машинах, курортах, прислугах и т. д. и т. п. могла идти речь? Я совершенно одинок, никакой семьи у меня не было и нет. Я простой механик, и то должность получил только после своего согласия работать на разведку. Когда-то заимел маленькую лавчонку. Но вскоре разорился. И пошел по миру. Долго болел, схватил язву желудка. Что стоит здесь лечение, ты знаешь.

И вот прекрасная Вена. Перед приездом Роджерс заявил: «И ваш брат должен работать на нас. В противном случае пеняйте на себя». Это был ультиматум.

Я знал, что они не шутят. Знал цену ультиматуму.

Мне ничего не оставалось, как разыгрывать перед тобой комедию... Разыгрывать по их сценарию, что я и делал, да, прости меня...

После твоего отъезда я получил солидное вознаграждение, которое завещаю тебе, если, конечно, ты его примешь. Меня хвалили. Другому бы радоваться, а я каменел душой.

Алешенька, помнишь наш разговор на набережной, когда ты меня по-мужски отколотил? Я до сих пор с радостью вспоминаю твои крутые кулаки, появившуюся кровь и благодарю тебя. Благодарю. Это было священным очищением моей души от всех совершенных мерзопакостных поступков... Больше того, это была и есть единственная мне награда... и одновременно... наказание. Парадоксально звучит, верно? Но это правда. Чистая правда. Если, конечно, слово «чистая» здесь уместно. Помнишь нашу вторую прогулку по набережной, когда пришлось прервать разговор и встречу? За нами следили люди Роджерса. Я их засек тогда.

Итак, подведем черту.

Что осталось у меня на этом брэнном свете? Один ты, которого я тоже предал. А те... загубленные мною там, в России, начали сниться каждую ночь! Можно ли после этого меня простить?

Короче. Больше так жить не могу и не хочу. Я многое передумал, перестрадал. Особенно после нашей встречи. И вот что я скажу тебе: не казни себя. Воспользуйся случаем, который упустил в Вене. Помнишь? И все же имей в виду, так просто они тебя не оставят. Пока не поздно, ищи защиты. Прости меня, если сможешь. Прощай. Твой Зоря.

Р. С. Пятна на письме — не удивляйся — это мои слезы, последние слезы... Прости меня... Прости...»

Я стоял не двигаясь. Листки бумаги дрожали перед глазами. Буквы прыгали...

Меня теребят за рукав. Пытаются взять письмо.

— Слышишь или нет? Что-то случилось? — уже в который раз спрашивает жена.

Я глухо отвечаю:

— Случилось...

Кажется, испытание на прочность продолжается. Мог ли я подумать такое о брате? Не помню, как вышел из дому, как подошел к телефону-автомату, как позвонил и очутился в незнакомой квартире...

П и с ь м а

Мы сидим с капитаном Насоновым в его уютной двухкомнатной квартире. Здесь чисто, аккуратно, скромно. Ничего лишнего.

— Я вас слушаю, — обращается он ко мне, усаживаясь рядом со мной на диване.

Я молча протягиваю ему письмо Зори. Он пристально осматривает конверт, вынимает из него лист бумаги, читает.

С тревогой смотрю на него, стараясь понять, какое впечатление произведет письмо. Лицо Насонова сосредоточенно-бесстрастно. Проходят томительные минуты — одна, другая... Наконец Насонов откладывает письмо в сторону. Задумывается.

— Что теперь будет? — невольно вырвалось у меня.

— У него мог быть другой выход, — раздумчиво замечает Насонов, не обращая внимания на мой вопрос.

— Это Роджерс... Если бы не он... Я знаю, брат мне говорил, — ляпнул я невпопад.

Насонов строго и, как мне показалось, осуждающе посмотрел на меня.

— Прежде всего, Алексей Иванович, ваш брат сам во всем виноват. Только сам. Судя по вашим рассказам, он где-то уже нащупывал правильный выход... — начал он, четко выговаривая каждое слово, а затем, немного помолчав, продолжал: — Ну, а если быть до конца откровенным — а наши с вами отношения должны именно на этом и строиться, — то ваш брат не может заслуживать никакого сожаления, а наоборот. У него руки в крови. Да и вас не пожалел, толкнул в пропасть... — Насонов на некоторое время сделал паузу, посмотрел на меня.

— Понимаю... — отвечаю я и чувствую, как замирает у меня сердце.

— Мы располагаем на него серьезными материалами. Вы готовы меня выслушать? — обращается ко мне Насонов.

— Да, конечно.

— После тщательной проверки установлено, что ваш брат, Зоря Ванов, он же Карасев Михаил Иванович, он же Филиппов Иван Михайлович, — хитро замаскировавшийся государственный преступник, — сказал Насонов, нахмутив брови. Затем, не торопясь, достал из папки какой-то лист бумаги, положил его перед собой. — Он — крупный каратель. Вот основные фактические данные. В августе сорок первого года, будучи на фронте, он перешел на сторону гитлеровских войск. С сорок первого по сорок третий год служил в полиции на Украине. Под его руководством и при личном участии в марте сорок второго года были повешены десять человек, подозревавшихся в принадлежности к партизанскому подполью. Весной того же года по его приказу были расстреляны пять родственников секретаря подполь-

ного райкома партии. Летом сорок второго года лично повесил двух коммунистов и участвовал в расстреле пятидесяти евреев. Награжден двумя фашистскими бронзовыми медалями. Его преступная деятельность подтверждается показаниями арестованных, свидетелями и найденными документами.

Я сидел затаив дыхание, не веря своим ушам и не видя вокруг себя ничего. То, что услышал, — невероятно, чудовищно!

Наступила гробовая тишина.

Насонов встал, вышел на кухню. Через минуту он вернулся со стаканом воды. Я продолжал сидеть, словно пораженный громом.

— Я понимаю ваше состояние, но мы вынуждены об этом вам сказать, чтобы у вас не было никаких заблуждений на его счет.

— Если бы я только знал раньше... Я бы его... Разрешите воды... — попросил я, так и не найдя подходящего слова.

— Сейчас не об этом идет речь, — ответил Насонов, подавая мне стакан воды.

Я крупными глотками, проливая воду на костюм, опорожнил стакан.

— Владимир Николаевич, мне трудно говорить. Я и так многое пережил, когда получил письмо и шел к вам... А сейчас то, что вы сообщили, у меня просто не укладывается в голове... Нет слов выразить свое возмущение... Какой же он подлец и негодяй... Не зря его Марина невлюбила... Владимир Николаевич, верьте мне, я буду работать за десятерых... Я не пожалею ни сил, ни здоровья, ни жизни, чтобы быть полезным, достойным... Поверьте...

— Мы верим вам, Алексей Иванович, иначе бы не завели этот неприятный разговор. А теперь отвечу на ваш вопрос. Со смертью вашего брата Роджерс не исчезнет с горизонта. На днях мы с вами подробно обсуждали возможные варианты и ситуации, которые могут возникнуть в результате действий иностранной разведки. Нам по-прежнему остается ждать. Терпеливо. Бдительно. Повторяю, терпеливо и бдительно.

— Понимаю, — едва приходя в себя, отвечаю я.

— Теперь о письме. Ваша семья знает о его содержании?

— Нет. Но они встревожены моим уходом...

— И как вы думаете поступить?

— Ума не приложу... Если припрут, придется его показать.

— Надо это пережить... Знаю, непросто, но надо.

Я ушел от капитана Насонова с тяжелым чувством. Меня душили злоба и гнев на брата за его чудовищные преступления, которые он совершил. Я клял и ругал себя за то, что, будучи в Вене, вел отвратительно легкомысленный образ жизни. Не удосужился найти время и заставить брата рассказать о себе всю правду. Тем более он несколько раз порывался что-то важное рассказать о себе. И в моей судьбе хотя и сыграл предательскую роль, однако же он советовал мне пойти в советское посольство и сообщить все, что со мной произошло. И то же самое рекомендует в последнем своем письме. Какой же я был идиот и профан! Мы могли бы пойти вместе. Как же мне это не пришло в голову? Я бы его, возможно, уговорил, несмотря на тяжесть им совершенного и возмездие, которое за этим могло последовать. Явка с повинной, как поступил я, помогла бы ему в какой-то степени, пусть незначительной, очиститься хотя бы перед своей совестью.

А может быть, и ему предоставили бы возможность если не искупить (это невозможно), то хотя бы частично загладить страшную вину перед Родиной. Мне же... Правда, моя вина несравнима с его. Но все-таки какую-то пользу он мог бы принести, тем более находясь за границей да еще работая на иностранную разведку. Ведь не зря же Насонов сказал, что «у него мог бы быть другой выход». Очевидно, это он и имел в виду... Я вновь пережил жгучую боль и стыд за себя, за свою легкомысленность и безволие. Теперь мне еще предстояло выдержать испытание в семье. Представляю, что будет с Мариной. Она — еще девчонка, а как утерла нос отцу... Решил, приду домой и, не дожидаясь расспросов, сообщу о смерти Зори. Только сам факт. Если попросят письмо, попытаюсь его не показывать, потянуть, ну а если не удастся, тогда ничего не поделаешь.

Так, рассуждая, я шел по улице Горького, никого перед собой не видя, ничего не замечая.

Раздираемый тревожными мыслями, ругая себя на чем свет стоит, я не заметил, как очутился в гастрономе — и где бы вы думали? — у винного прилавка. Словно лукавый черт меня туда привел. Невольно рассмеялся. А душа просила разрядки, выхода. Взял себя в руки. Тут же вышел на улицу. Значит, могу!

Пустячная, казалось бы, победа над собой вдруг принесла душевное облегчение. Значит, надо только захотеть.

Сел в троллейбус. В голове, словно в калейдоскопе, вертелись мысли вокруг письма и злодеяний Зори. Мои похождения в Вене. Роджерс и все, что произошло со мной там.

Неужели, думал я, нужно было пройти через все это, чтобы понять, кто есть кто, какая тебе и Родине настоящая цена?

По возвращении домой, как и предполагал, разразилась буря.

Прошло несколько дней после объяснений. Настроение, сами понимаете какое, а тут я еще дал повод для ссоры с женой.

Все началось с пустяка. Вчера с Савельевым ремонтировали лопнувшую трубу с горячей водой. Пока добрались до квартиры хозяина, бьющая фонтаном вода наделала немало бед. Пришлось в сложных условиях разворачивать ремонт. Не сразу все клеилось. То нет одного, то нет другого. Пока наладили и наконец справились, прошло немало времени. Конечно, пришлось задержаться. Наломались здорово. Ну и, как полагается после окончания работы, на радостях хозяйка поставила на стол пол-литра. Пришлось за компанию выпить. А по пути попался пивной бар. Савельев затащил туда. Там опрокинули по две кружки. Ну и домой пришел немало навеселе. Жена взбунтовалась.

— Ты же слово дал! Ненадолго же тебя хватает! С ума можно сойти!

Я не выдержал и ответил ей грубостью. Нельзя же так, не узнав сути дела, сразу лезть в ссору. Я и сам понимаю, что нехорошо нарушать данное обещание. Но ведь здесь произошел исключительный случай. Надо же понимать!

Утром шел на работу в дурном настроении, никого не замечая и ничего не видя, кроме дороги. И вдруг:

— Дяденька, вам просили передать письмо, — как сквозь сон слышу голос мальчика. Передо мной стоял курносый, рыжевихрастый школьник.

— Какое письмо?

— Вот это... Да берите, не укусит, мне некогда.

— А кто его тебе дал?

— Я побежал. Опаздываю в школу... Приветик.

— Постой, постой...

Но мальчика уже и след простыл.

Я в недоумении держу в руках конверт. Наш, советский. Кто бы это мог? Теряюсь в догадках. Наверное, кто-нибудь из знакомых передает заявление в жэк с какой-нибудь просьбой. На ходу вскрываю письмо. Читаю.

«Добрый день, Алексей Иванович! Я обеспокоена вашим долгим молчанием. А ведь обещали писать. Здоровы ли вы? Надеюсь, вы не забыли мой адрес. Я жду. Ваша Ф.»

Не верю своим глазам. Кто бы это мог быть? И кому я обещал писать? Хорошо, что письмо не отправлено почтой.

Вот была бы головомойка от жены и Марины. Мучительно вспоминаю, кто бы мог скрываться под буквой «Ф». Перебираю в своей памяти знакомых. Вспомнил. У нас в конторе есть кассирша Фаина, которая давно мне строит глазки и была бы не прочь завести со мной роман. Так мне казалось. Но меня она не интересует, и это больно бьет по ее самолюбию. Может быть, письмо — это ее фокус. Я снова перечитываю письмо. «Надеюсь, вы не забыли мой адрес». При чем тут адрес? Впрочем, как-то мы с Савельевым были у нее на дне рождения.

Полученное письмо мучило меня, лишало покоя.

Неужели Фаина решила меня поинтриговать, продолжал я ломать голову. Когда пришел в контору, первым делом зашел в бухгалтерию. В тесной комнате работали наши женщины. Фаина сидела за столом, уткнувшись в бумаги.

— Здравствуйте, слабый пол, — обратился я ко всем сразу.

— Здравствуйте, — разногласие последовало в ответ.

На мое приветствие Фаина подняла голову, посмотрела на меня маленькими глазками-буравчиками, вымученно улыбнулась, что-то буркнула себе под вздернутый носик и нервно защелкала костяшками конторских счетов. По всему видно, что у нее что-то не сходилось.

— У нашего министра финансов, наверное, опять недостача...

— Накаркаете. Снова пойдет шапка по кругу. Не мешайте работать. У нас отчет, — недовольным голосом пресекала мой порыв бухгалтер Катя.

— Хорошо. Ухожу. И пошутить нельзя.

Я ушел не солоно хлебавши, так и не выяснив, Фаина ли написала письмо или кто-то другой решил подшутить над мной. Письмо на всякий случай сохранил, решив сегодня же при удобном моменте поговорить с ней.

Вскоре такой момент наступил. Встретил я Фаину в коридоре в обеденный перерыв. Поблизости никого не было. Между нами состоялся обычный, ни к чему не обязывающий разговор. Она по-прежнему кокетничала со мной как ни в чем не бывало. Я пристально смотрел в ее глазки, стараясь прочесть в них: она ли писала мне письмо или нет. Однако ее это никак не смущало. Тогда я спросил:

— Ты начала послания мне посылать. С чего бы это?

— Какие послания?! — удивилась Фаина, и ее тонкие брови поползли вверх.

Я понял, что она никакого отношения к письму не имеет.

— Платежные ведомости, — отшутился я.

— А-а. Куда денешься? Касса...

Весь этот день я мотался по аварийным звонкам, был очень занят, но письмо по-прежнему не выходило из головы. «В самом деле, — рассуждал я, — зачем Фаине писать его, да еще передавать таким способом? Мы же по несколько раз в день встречаемся с ней. Что-то здесь не так». Чем больше я думал о письме, тем тревожнее становилось на душе.

В конце дня позвонил Насонову. Объяснил ему, в чем дело. Выслушав меня, он тут же назначил встречу недалеко от моего места работы. Зашли в парк. Сели на скамейку. Я рассказал все, что было связано с письмом. Насонов, прочитав его, задумался.

— Значит, вы Фаину исключаете?

— Да...

— И почерк не ее?

— Почерк?! А мне и ни к чему.

— Посмотрите внимательно.

Он передает мне письмо. Я смотрю на ровные, аккуратно расположенные буквы и ясно вижу, что писала не Фаина, ее-то почерк я хорошо знаю, она у нас член редколлегии стенной газеты и все заметки пишет от руки.

— Нет, не ее.

— И все же, Алексей Иванович, вы еще раз переговорите с ней. Может быть, она кого-то попросила написать. Мы должны быть абсолютно уверены, что она к этому письму не имеет никакого отношения.

— Хорошо, Владимир Николаевич.

Насонов взял письмо и снова уткнулся в него.

— Алексей Иванович, а не могли вы запомнить? Может быть, кто из старых знакомых мог написать вам такое письмо? — спросил он.

Я чувствую, что он не меньше моего обеспокоен содержанием письма.

Я еще раз подумал и дал отрицательный ответ.

— В таком случае не исключено, что нам пишут венские «друзья»... Допустим, та же Фани. Что на это скажете? — обращается он ко мне.

Он так и сказал «нам пишут».

— Удивлены?! — не дожидаясь моего ответа, говорит Насонов.

— Неожиданно как-то... — промямлил я в ответ.

— К неожиданностям надо привыкать. Дорога у нас может стать длинной и не всегда гладкой. Жаль, конечно, что

вы не сумели удержать мальчишку и расспросить его как следует...

— Я знаю, где находится школа. Завтра его из-под земли достану. Он приметный, — выпалил я, чтобы как-то сгладить допущенную мной оплошность.

— Если сумеете его повстречать, подробно расспросите, кто передал ему письмо. Приметы. Костюм. Все до мелочей. Это очень важно.

— Хорошо. Постараюсь.

— Письмо, с вашего разрешения, я оставлю у себя.

— Конечно.

— И как всегда, обо всем, что покажется вам странным, необычным и подозрительным, — звоните. До свидания, — сказал Насонов на прощание.

На этом мы расстались. Меня смущало, как ведут себя со мной чекисты. Мягко. Тактично. На равных. Как с партнером. Разве я это заслужил? Хотя бы раз повысили голос, по-русски выругались бы, например, за то, что стал на преступный путь или, к примеру, упустил мальчишку. Мне стало бы, наверное, легче. У меня было совершенно иное представление о чекистах.

Письмо Насонов оставил у себя. Я догадался — для чего.

Утром, позвонив в контору и сказав, что я задержусь, до начала занятий пошел в школу. Дети по одному, по два и по три человека, а то и целыми группами, словно муравьи, тянулись по дороге в школу. Я стоял рядом с входом и внимательно всматривался в лица малышей. Вихрастого и курносого паренька мне удалось обнаружить без труда. Он тоже меня узнал и, к моему удовлетворению, сам подошел ко мне.

— Есть вопросы? — спросил он, хитро подмигнув, и его курносое лицо расплылось в широкой улыбке.

— Во-первых, здравствуй, во-вторых, когда у тебя кончается последний урок?

— Извините... Здравствуйте... Урок? — повторил он и почесал в затылке — Сейчас вычислю... Так... В двенадцать часов. А что?

— Я буду ждать тебя. Ты мне нужен.

— Ответ писать? Другой бы спорил, — сказал он, снова улыбаясь, видимо оставшись довольным своей шуткой.

— Да. Только не опаздывай.

— О'кей, — ответил он и, поправив за спиной ранец, побежал в школу.

В назначенное время мы встретились.

— Давай знакомиться. Меля зовут Алексеем Ивановичем.

— Меня — Витек. — И он протянул мне руку.

— Как учеба? Двоек много?

— Хотите, одолжу... — И после некоторой паузы с гордостью закончил: — Я отличник.

— Молодец.

Мы некоторое время шли молча. Сели на первую попавшуюся скамейку.

— Витек! У меня к тебе вопрос. Кто передал тебе письмо?

— Женщина.

— А как она выглядела?

— Высокого роста... Рыжая. Все.

— В чем была одета? Возраст? Поподробнее, Витек.

— Что я вам — Шерлок Холмс... В чем одета и обута... Сейчас... Так, сиреневая кофточка... джинсы «Ли»... белые босоножки на шпильках... На ногах маникюр... Зеленая сумка через плечо... В больших темных очках... — морща лоб и напрягая память, вспоминал Витек.

— Ну вот видишь, и Шерлок Холмс тебе бы позавидовал.

Польщенный похвалой, Витек заерзал на скамейке.

— А что это за джинсы «Ли»?

— Эх вы, не знаете. Да это же американские.

— Виноват. Исправлюсь, — сказал я, обнимая его за плечи. — И что она тебе сказала?

— «Мальчик, вот тебе на мороженое, передай этому дяденьке письмо». От подачи я отказался.

— Ты ее раньше видел?

— Нет.

— Говорила она без акцента?

— Нормально.

— Как ты думаешь, она не иностранка?

— А вы что, имеете дело с ними, да?

— Имею. Так как?

— Сейчас разве определишь... Не знаю, дядя Алексей... Мне пора домой. Я обещал. Все.

— А где ты живешь?

Он назвал адрес и фамилию. Больше я из него ничего выжать не мог. Мы распрощались. Я тут же из автомата позвонил капитану Насонову. На месте его не оказалось. По дороге снова позвонил. На сей раз успешно. Он назначил мне встречу у себя на квартире.

И вот я снова у него. Насонов не спешит. Он приготовил чай. Разлил по стаканам. Затем я доложил ему о ре-

зультатах встречи с Витей. Рассказал о разговоре с Фаиной.

— Значит, Фаина отпадает, — произнес Насонов.

Я так и не понял, хорошо это или плохо.

Мы пили чай. Некоторое время молчали, заполняя паузы громким помешиванием ложкой в стакане.

— Мы проверили — тайнописи в письме нет, — нарушил молчание Насонов. — Однако прошло три месяца после вашего возвращения из Вены. Легко на их месте предположить: раз вы не даёте о себе ничего знать, пора им бить тревогу. И вот первая, будем считать, ласточка прилетела. Бродя бы логично. Исходя из этого теперь, Алексей Иванович, нам надо особо держать ушки на макушке. Хочу напомнить вам. В случае если вас остановят на улице или позвонят и спросят, почему вы молчите и ничего не сообщаете в Центр, скажите, что по неосторожности уничтожили адрес и средства тайнописи. Не будьте навязчивы. И хорошенько запомните того, кто вступит с вами в контакт. Хорошенько.

«Теперь-то научен горьким опытом, буду внимательным», — подумал я.

Затаив дыхание слушаю Насонова. Мне стало даже как-то не по себе. Он, наверное, заметил это, сказал:

— Главное, Алексей Иванович, не терять самообладания. Держите себя естественно. Знаю, что это нелегко. Но надо. Я лишний раз говорю вам об этом, чтобы вы быстрее входили в роль.

— Буду стараться, Владимир Николаевич, — ответил я, скрывая волнение.

...На третий день после встречи с Насоновым, когда я смотрел дома программу «Время», меня подозвали к телефону. Звонил Насонов. Я сразу узнал его голос. «Что-то важное произошло», — невольно пронеслось в голове.

— Алексей Иванович, здравствуйте. Хочу вам сообщить — Фани в Москве. Витек молодец. Так что не исключена ее встреча с вами. Будьте готовы. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было. Я разволновался.

— Кто звонил-то? — спрашивает жена.

— Савельев.

— Чего он?

— Дела по работе.

— И дома не дают покоя, — проговорила жена.

Программа «Время» подходила к концу, я слушал ее, почти ничего не соображая. Вновь запрыгали мысли вокруг Зори, Роджерса и... Фани.

Долго ворочался в постели. Сон не шел. Одолевало беспокойство. Проглотил таблетку тазепама. Кажется, помогло.

Утром я нарочно медленно шел на работу. Около места, где Витек передал мне письмо, немного задержался. Фани не появлялась. «Значит, в другом месте меня перехватит», — решил я. И угадал. У входа в метро, в потоке людей, она появилась передо мной неожиданно, как вспыхнувшая спичка в темноте.

— Не ожидали, Алексей Иванович? Здравствуйте. А я вам привезла привет от Роджерса. Или вы его уже позабыть успели, а? — Ее певучий голос сразу напомнил мне далекую Вену и шикарную квартиру Зори.

Чувствую, как засосало под ложечкой и учащенно забилося сердце. Старюсь побороть охватившее меня волнение. Никаких сомнений. Это — Фани. Высокая, красивая, стройная, рыжеволосая (а в Вене была брюнеткой), зеленая сумка, в джинсах, на ногах «маникюр». Все — как описал Витек.

— Извините, Алексей Иванович, у меня мало времени. Роджерс спрашивает, в чем причина вашего молчания. Он недоумевает и сердится... А когда он сердится, ничего хорошего от него не ждите. Итак, что ему передать? — спокойно, словно у себя в квартире, спрашивает меня Фани.

Я нервно оглядываюсь вокруг. Вот он тот момент, о котором меня предупреждал Насонов и откуда должна начинаться роль актера.

— Не волнуйтесь. За мной хвоста нет. Я слушаю.

Мы стоим друг перед другом. Она вскидывает руку в сторону метро, как бы приглашая меня туда, а я стою, смотрю на нее и никак не могу преодолеть смущения.

— Я по неосторожности уничтожил адрес и блокнот с бумагой... копировальной, — наконец выдавливаю из себя.

Фани бросила на меня пристальный взгляд и, ничего не говоря, неожиданно смешалась в толпе людей, входящих в метро. Первой мыслью было броситься за ней и спросить, что же мне делать, но вовремя остановился, вспомнив наставления Насонова не быть навязчивым. Не терпелось тут же, из метро, позвонить ему. «А вдруг за мной следят», — подумал я.

Ноги несли меня быстрее обычного к месту работы.

Не терпелось быстрее доложить Насонову.

— Растерялись немного, — выслушав меня, заметил Насонов.

— Было дело...

— Она уже спешит к аэродрому. Через час вылетает в Вену. Все правильно. Считайте, роль сыграна. Лиха беда начало.

Насонов прав. Роль сыграна. «Лиха беда начало». Не все в ней было ладно, но, может быть, это и к лучшему. Зато все получилось естественно. Так, рассуждая и постепенно остывая от встречи с Фани, я начал свой рабочий день. С утра аварийных заказов не было, и я с Савельевым резался в домино.

— Как брат поживает? — поинтересовался он.

«Рассказать ему или не рассказать?» — ломал я голову, думая над очередным ходом.

— Не лезет, — говорит Савельев и возвращает только что поставленную мною фишку.

Я беру ее обратно, ставлю какая «лезет».

«Рассказать или нет?» — продолжал думать я. Неожиданно выручила тетя Маша. Она просовывает голову в дверь и кричит:

— Хватит вам забивать «козла». Алексей, тебя вызывает Ух Ты.

С радостью бросаю игру. Иду к начальнику.

— Слушай, у меня опять мотор забарахлил. Не посмотришь? — обращается ко мне начальник, как только я вошел в его кабинет.

У него старенький «Москвич»; мотор давно выработал свои ресурсы, и нам с Савельевым не привыкать его латать.

Я взял с собой Савельева. Во дворе конторы мы начали ковыряться в моторе. Долго искали причину. За это время тетя Маша дважды прибежала к нам с вызовами жильцов, и каждый раз она уходила, разгневанная нашей бездушностью.

Для нас важнее было угодить своему начальнику, глядишь, лишний раз отпустит с работы, а то и даст день-два где-нибудь пошабашить.

Снова прибежала тетя Маша:

— Ух Ты приказал немедленно идти на вызов. Бессовестные, черти! — выругалась она.

Да мы и сами начали чувствовать себя неловко и собирались уходить.

— Не вибрируй, тетя Маша. Бежим, — отвечаю я.

Ушли с Савельевым по разным адресам. Опять мне пришлось умирять горячую воду. В местах сварки образо-

вался в трубе свищ. Пришлось повозиться и задержаться на работе.

Пришел в контору переодеться. Время было уже позднее, нерабочее. К моему удивлению, там оказалась Фаина.

— Ты чего?!

— Ничего... Вас жду.

— Ну-ну.

— Трубы гну... Алексей Иванович, а я к вам с... повинной.

«Что за черт, с какой еще повинной?» — подумал я.

— Тогда винись.

Фаина потупила взор, потом посмотрела на меня и снова опустила глаза:

— Понимаете, Алексей Иванович... Я вам тогда неправду сказала. Письмо-то я написала. Это меня Катька надоумила. Давай, говорит, разыграем его.

Я стою, моргаю глазами и не понимаю, что со мной происходит. Как же так? А Фани из Вены? А Витек? А Насонов?! Что за чертовщина?!

— Только я его не решилась вам передать... Вы меня извините. Вот оно. Хотите, прочтите. А то послание, про которое вы спрашивали, это кто-то другой написал. Я подозреваю Катьку...

Я с трудом воспринимаю слова Фаины. И когда наконец до меня доходит истина, у меня аж дух перехватывает.

— Ну и молодец, кассир. С тобой не соскучишься. Выдала сполна. — И я от радости схватил ее в охапку. Она зарделась, еще больше раскраснелась, и ее широкое лицо засветилось и даже показалось мне милым и симпатичным. В следующую минуту я расхохотался. Надо же быть такому совпадению!

Фаина, широко распахнув глаза, смотрит на меня с удивлением.

— Что-нибудь не так я сделала? — спрашивает она меня.

— Раз пришла с повинной, значит, все так, — отвечаю ей, улыбаясь. — В награду хочу поцеловать тебя.

— А письмо читать не будете?

— Я их уже начитался...

Она, как ребенок, обиженно опускает глаза. Мне становится жалко ее.

— Ладно, давай сюда письмо.

— Вы все смеетесь надо мной... — И Фаина с гордо поднятой головой выходит из комнаты.

Так закончилась эпопея с письмами и... любовь Фаины ко мне.

Впрочем, с письмами не закончилась. Письма будут. От Роджерса ко мне, от меня к Роджерсу. Но это впереди.

Из дневника Марины

«С письмом от Зори вдруг куда-то убежал отец. Мы все в недоумении. Что-то случилось? Что?! Рядили по всякому. С нетерпением ждали его возвращения. Наконец он вернулся. На нем нет лица. Значит, что-то произошло серьезное. Мы бросились к нему с расспросами. Он тут же заявил:

— Умер Зоря... И отстаньте от меня.

— Как умер?! — закричала мама.

— Не знаешь, как умирают, — отрешенным голосом отвечает отец.

Мать запричитала и в слезы.

— Как же мы теперь будем... Да за что такое наказание?..

Я стою, смотрю на отца, на его осунувшееся, посеревшее лицо и не знаю, то ли мне радоваться, то ли... С одной стороны, жалко, все же умер родственник, с другой — слава богу, теперь наверняка будет спокойнее в семье.

— Папа, покажи письмо. — Я подошла к отцу, обняла.

Мне стало жалко его.

— Потом, доченька, потом...

— Не потом, а сейчас. — Он знал, что я никогда ничего на потом не откладываю.

Отец пытался отговориться, а в меня словно дьявол вселился. Я настояла. Он всегда сдается, если проявить настойчивость.

Он нехотя протягивает мне письмо.

Боже мой... Какой ужас... Какой кошмар... Какой позор...

Я в гневе скомкала письмо, с нескрываемой злостью бросила его в лицо отцу, наговорила ему всяких гадостей и выскочила из дому. На улице немного успокоившись, возвратилась. Мать лежала в постели с полотенцем на голове, отец сидел за столом, положив голову на руки. Рядом с ним — нераспечатанная бутылка вина. Скомканное письмо валялось на полу. Я подняла письмо.

— Куда ты? — спросил, вымученно глянув на меня, отец, когда я направилась к выходу.

— Куда надо, — ответила я, хлопнув дверью. Честное слово, в эту минуту мне нисколько не жаль было своих родителей. Кипевшее зло на них наполняло мою душу.

Пока я шла по улице, все время со страхом думала о последствиях. Что я скажу Виктору? Как ему объяснить?

Как покажусь на глаза подругам? Дядя — гнусный каратель, преступник, скрывавшийся от правосудия... Ведь Виктор работает вместе с отцом на режимном предприятии. Кому я теперь буду нужна?.. Кто узнает, от меня будет шараться, как от бешеной собаки. Еще возьмут да выгонят из института. Неужели всему конец? Перед моими глазами будто погас свет. Чем больше я думала об этом, тем больше теряла надежду на жизнь. Может быть, вот сейчас — под машину... Нет, нет, только не это. В чем я виновата?..

В приемной КГБ меня внимательно выслушали. Через некоторое время пришел высокий симпатичный молодой человек, представился мне капитаном Насоновым, и мы с ним уединились в отдельную комнату. Долго и по душам поговорили. Он меня прекрасно понял. Подробно расспрашивал об отце, о его поездках в Вену, о моих отношениях с Виктором, с его отцом. Об институте. О друзьях.

Я смотрю на Насонова, разговариваю с ним, а сама все время ловлю себя на мысли — где могла его видеть.

Этот спокойный голос. Знакомая манера левой рукой откидывать назад прядь волос, спадавшую на лоб. Под конец разговора я не удержалась и спросила:

— Владимир Николаевич, извините за банальность, где я вас могла видеть?

— Не знаю... — И Насонов откидывает прядь волос, нависшую над лбом.

— Вспомнила!.. — чуть не вскрикнула я от вспыхнувшей вдруг догадки. — Вы у нас читали лекцию. И приводили пример, несколько схожий с тем, что я рассказала. Да?!

Насонов на секунду задумался и, к моему удовольствию, говорит:

— Было дело.

— Как тесен мир. Кто бы мог подумать, — вздохнула я. — Знали бы вы, как после вашей лекции я воевала с отцом...

В ответ Насонов, как показалось мне, загадочно улыбнулся.

И где-то подсознательно у меня мелькнула шальная мысль: «А не успел ли и отец побывать здесь?..»

— Отец ваш знает, что вы пошли к нам? — словно угадав мои мысли, спросил меня Владимир Николаевич.

— Да, знает, — ответила я.

— Хорошо, — ответил он.

Ушла я от Владимира Николаевича окрыленная, спокойная от чувства исполненного гражданского долга. Заодно только ругала себя: надо было раньше прийти сюда.

Впереди предстоит разговор с отцом. Каким-то он будет. Только бы не сорваться.

Не успела я переступить порог комнаты, как отец сразу подошел ко мне и, взяв под локоть, увел меня на улицу.

— Была? — спросил он меня, когда мы вышли из подъезда дома.

— Была.

— Ну и что?

— Если б меня так понимали мои родители...

— То что было бы? — не дав мне договорить, спросил отец.

Он был спокоен. И меня это несколько удивило. Я ждала нервной сцены и даже, может быть, скандала.

— Не было бы того, что сейчас произошло, — отвечаю ему в тон.

— Понятно. Что тебе сказали? — продолжал допрашивать меня отец.

— Сказали, что правильно сделала.

— Допустим. А дальше?

— Дальше... видно будет.

— И что же ты там говорила?

— Все как есть. Не убавила, не прибавила.

— Понятно. И что теперь будет?

Я поняла. Отец там не был, иначе он не задал бы такого вопроса. Мы некоторое время шли молча.

— Во всяком случае лучше будет. Куда мы идем? — обращаюсь я к отцу.

— Куда хочешь, — отвечает он.

— Тогда пошли домой.

— Пошли, — соглашается отец.

— Письмо, конечно, оставила там?

— Разумеется.

— Понятно.

Мы повернули обратно. Идем и молчим.

— Кто разговаривал с тобой? — вдруг поинтересовался отец.

— Не поверишь, папа. Удивительное совпадение... Помнишь, я тебе рассказывала о лекторе-чекисте, который приводил пример с одним родственником, тоже оказавшимся, как и у нас, в Канаде и...

— Ну и что? — перебил меня отец.

Я с удовлетворением отметила про себя, что разговор на эту тему ему неприятен.

— Он и разговаривал со мной. Симпатичный такой дядечка.

«Интересно, о чем думает сейчас отец?» — мелькнуло у меня в голове.

— Ты прости нас, старых дураков, особенно меня, — как бы отвечая на мой вопрос, говорит он.

— Пусть это будет нам всем хорошим уроком, — ответила я и увидела, как сразу посветлело лицо отца.

Дома нас встретила мама вопросом:

— Куда это вы убежали? С ума можно сойти. Давайте ужинать. — Вид у нее бледный, под глазами синяки.

Сели за стол. Молча поели и разошлись каждый по своим местам.

На следующий день ходили с Виктором в кино. Думала, немного отвлекусь. Не получилось. События с дядей вывели из равновесия. И мне было не до кино. Виктор, чувствуя мое состояние, в душу не лез. Молодец. Лишь один раз заинтересовался:

— Надеюсь, ничего плохого не случилось?

«Надейся, надейся», — подумала я. Владимир Николаевич просил до времени не говорить Виктору о судьбе дяди. И я носила в своей душе нелегкий для меня обет молчания.

Т а й н и к

Через месяц после того, как уехала Фани, я получил снова письмо. На сей раз по почте. С безобидным открытым содержанием. Опушено в Москве. Я ждал его. Насонов меня предупредил. Раз с агентом потеряны возможности общения, то разведка, если она по-прежнему заинтересована в нем, либо должна восстановить с агентом связь, либо прекратить ее. И вот тогда решится вопрос — выхожу ли я из игры или нет. Чекисты были уверены, Роджерс не должен остановиться на полпути. Слишком много было затрачено сил и средств. И они оказались правы. Мне дали прочесть текст расшифрованного тайнописного письма. Вот оно:

«Дорогой друг! Мы опечалены очень Вашим молчанием. Как же Вы так неосторожно обошлись со средствами обобщенной связи? Нам хочется подробно узнать, как произошло это. Мы обеспокоены Вашей безопасностью. Все ли у Вас в порядке? Посылаем Вам кодовые таблицы и шифроблокнот. Надеемся, вы не забыли, как ими пользоваться. Ждем Ваших сообщений о Фокине. Пожалуйста, как можно подробнее...»

Далее сообщалось, как найти тайник, какую и где после этого сделать пометку (указывалось место) о том, что тайник

мною изъят. Письмо заканчивалось словами: «Желаем Вам удачи. Да поможет Вам бог».

И вот мы с Насоновым находимся у него на квартире и внимательно изучаем место закладки тайника, графически изображенного им на листе бумаги.

Я смотрю на красиво начерченную схему, каллиграфический почерк, и невольное восхищение охватывает меня.

— Сделано со знаком качества, — замечаю я.

— Не зря закончил МВТУ имени Баумана, — откликается Насонов.

— Вроде бы все понятно, — заключаю я, отрываясь от схемы.

— Ровно в двадцать три часа, как указано в письме, возьмете тайник.

— Владимир Николаевич, а почему так поздно и так точно я должен взять тайник?

— Для вашей безопасности и возможной проверки... Теперь давайте посмотрим место, где вы должны сделать отметку. — И Насонов взял новый лист бумаги, начал чертить план улицы. Я невольно залюбовался, как ловко он это делал.

— Вот на этой водосточной трубе, у места, где вывешивается газета «Труд», на уровне стенда вы должны поставить знак тире, — говорит Насонов, пододвигая ко мне нарисованную схему.

Я всматриваюсь в аккуратно вычерченную схему, ясно и зримо представляю это место, о котором говорит Насонов. Улица Горького мне знакома.

— Как в кино! — не удержался я от восклицания.

— Кино впереди, Алексей Иванович. И последнее... Когда все выполните, позвоните мне из дому. Повторяю, из дому. Главное, не волнуйтесь. Считайте, что вы идете на очередной вызов квартиросъемщика.

— То — дело привычное, а тут...

И вот я сошел на троллейбусной остановке «Советская площадь» и иду к месту, где находится тайник. Не доходя несколько шагов до дома Моссовета, свернул в ворота и очутился на улице Станкевича. В середине улицы, справа по ходу, как указано в инструкции, вижу жилой дом, поставленный на капитальный ремонт. Слева от этого дома — небольшой огороженный сквер с зелеными насаждениями. Среди деревьев по центру сквера стоит компрессор. Рядом — вагончик для строителей. Везде груды бетона, кирпича и другого строительного материала.

Знакомая картина.

Я очень волнуюсь. Мне кажется, что за мной незримо следят и проверяют каждый мой шаг. Легко говорить Насонову «считайте, что вы идете на очередной вызов квартиро-съемщика».

Тайниковый контейнер я увидел сразу. Обычный кирпич, слегка отбитый по краю, лежит на месте. В левом углу сквера, на стыке изгороди и прилегающего к нему дома. Оглянулся. Присел на корточки. Точно вор, схватил кирпич и бросил в сумку. Для приличия обошел и захламленный скверик, а затем со своей тяжелой ношей направился обратным путем. Сумка жгла руку. Казалось, я несу в ней по меньшей мере мешок цемента. Оглядываюсь вокруг. Тихо. Ни души. Становится жутко. Ускоряю шаг. Ведь мне еще предстоит поставить отметку. Лезу в карман пиджака и не нахожу мела. Неужели забыл? Этого только не хватало. Лихорадочно ощупываю карманы. Слава богу, нашел. Он лежал в кармане брюк. Когда я его туда положил, убей, не помню. Выхожу на улицу Горького. Поворачиваю налево. Подхожу к доске, где вывешена газета «Труд». Газета сорвана. На стенде одна надпись большими белыми буквами — «ТРУД». Улица почти пуста. Изредка маячат прохожие. Ватной рукой ставлю отметку на водосточной трубе. Мел едва слушается меня. Не успел я отойти от доски, как кто-то останавливает меня за рукав. У меня душа ушла в пятки.

— Папаша, спички не найдется? — едва слышу мужской голос.

«Вот она, проверка, о которой говорил Насонов», — мелькнуло у меня в голове. Поворачиваюсь и вижу: передо мной стоит молодая пара.

— Некурящий, — выдавливаю из себя.

— А жаль, папаша, — отвечает молодой человек, увлекая девушку за собой.

Едва слушающимися ногами спускаюсь в туннель, перехожу на другую сторону улицы и останавливаюсь около троллейбусной остановки. Через несколько минут слышу, кто-то подошел к остановке и встал за моей спиной. Не оглядываюсь. Вдруг продолжается проверка. Наконец появился троллейбус. Тут только я увидел, что за мной стояла женщина. Вошел в троллейбус. Женщина остановилась в тамбуре. Я взял билет, прошел в салон. Троллейбус миновал площадь Пушкина, площадь Маяковского. Я повернул голову вправо, скосил глаза. Женщина продолжала стоять в тамбуре. Проехали еще несколько остановок. Снова проверил. Женщина теперь сидела сзади меня. Мне стало не по себе. Ну что это я, в самом деле, как будто бы скры-

ваюсь от погони. Даже если за мной следят, ну и что? Пусть. Успокаиваю себя. Наконец троллейбус подошел к моей остановке. Женщины в троллейбусе не оказалось. Значит, вышла в заднюю дверь. «Сейчас кто-нибудь объявится другой», — подумал я... Но никто не объявился. И у меня отлегло на душе.

Пришел домой. Жена не спала. Ожидала меня. Положил сумку под стул в комнате. На спинку стула повесил пиджак. Для маскировки.

— Что купил? — спрашивает жена.

Я оборачиваюсь и застываю от неожиданности. Жена вытаскивает сумку и сует в нее руку. Настырная. До всего ей есть дело.

— Кирпич, — как можно спокойнее отвечаю я и для пушего безразличия выхожу из комнаты.

— Ну да?.. И верно. Зачем он тебе?

— Чего добру пропадать? — отвечаю на ходу.

Жена знала мою хозяйскую жилку, поверила и успокоилась.

Как и было обусловлено, я позвонил Насонову, а утром передал ему злосчастный кирпич.

«Ну и тайник», — не переставал удивляться я. Мне почему-то казалось, что это обязательно будет дупло дерева, вроде как у Пушкина в повести «Дубровский», или в парке под скамейкой, наконец, на кладбище. А тут — кирпич. Да еще на стройке. А если его работяги возьмут в дело, что тогда? По-моему, несерьезно. Вроде бы детская игра. Впрочем, с какой стороны посмотреть. Если тайник заложен поздно вечером и в этот же вечер надо его взять, тогда есть гарантия его сохранности. Выходит, есть резон. Они тоже не лыком шиты.

Во время передачи кирпича с Насоновым состоялся разговор.

— Как прошла операция? — спрашивает он, улыбаясь.

— Натерпелся страха. Думал, дома успокоюсь. Не тут-то было. Жена вогнала в пот.—И я рассказал, как было дело.

Насонов сурово заметил:

— Надо быть осторожным. — В его голосе я почувствовал заслуженный упрек. — Ничего подозрительного не заметили?

— Если не считать парня с девушкой, который попросил спичку.— Про женщину я умолчал, было стыдно признаться в своей подозрительности.

— Ясен вопрос, — улыбаясь, заметил Насонов.

После этого разговора прошло два дня в томительном

ожидании. Капитан Насонов не давал о себе знать. Я сгорал от нетерпения и рвался в бой. Подмывало ему позвонить. Но, помня наказ, сдерживал себя. «Надо заниматься аутогенной тренировкой», — как-то сказал Насонов, передавая мне инструкцию. Я читал эту инструкцию, пытался следовать ее советам, но у меня ничего не получалось.

Наконец позвонил Насонов.

И вот я звоню в его квартиру.

— Здравствуйте, Алексей Иванович. Заходите, — встречает меня он крепким рукопожатием, от которого я чуть не вскрикиваю. Я знал, что он спортсмен, самбист и руки у него, как стальные клещи.

— Проходите в комнату. Сейчас поьем чайку и обсудим, как будем жить дальше, — говорит он, направляясь на кухню. — Располагайтесь. Я сейчас! — кричит он из кухни.

Захожу в комнату. Сажусь на диван.

На журнальном столике лежат знакомый кирпич, блокнот, таблицы, бумага, деньги.

— Итак, Алексей Иванович, приступим к делу, — говорит Насонов, после того как расставил посуду и налил в стаканы чай. — Угощайтесь.

— Спасибо. Потом, — сказал я. Мне не терпелось скорее приступить к делу.

— В этом тайнике — посмотрите, как он ловко устроен, — есть все необходимое для шпионской работы. Даже деньги. Для стимула... Посмотрите внимательно на все то, что было заложено в тайнике. И пощупайте руками. А я пока побалу-юсь чайком.

Я начал рассматривать содержимое тайника. Знакомая мне тайнописная копировальная бумага. Таблетки для проявления тайнописи. Кодовые таблицы, шифрблокноты. Инструкции. И деньги. По двадцать пять рублей. Щупаю руками.

— Ну что, приступим?! — И, не дожидаясь моего ответа, Насонов продолжал: — Алексей Иванович, исходя из требований Роджерса, мы подготовили ему ваше первое сообщение. Познакомьтесь, а затем обсудим. — Он передал мне исписанный лист бумаги. — Имейте в виду, чай имеет свойство остывать, — напоминает он.

Сейчас мне не до чая. Однако пришлось отхлебнуть глоток. Я беру отпечатанный на машинке лист бумаги. В нем сообщалось о возникших у меня трудностях в установлении контакта с Фокиным. Указывалась и причина — большая занятость его и болезнь. Через Марину удалось узнать, что Фокин много работает, даже без выходных. Что каса-

ется Марины, то она встречается по-прежнему с Виктором, и, кажется, дела идут к помолвке. Далее объяснялось, при каких обстоятельствах были мною уничтожены средства тайнописи. Затем следовала просьба направлять письма на «до востребования» и указывался адрес. Обосновывалось это моей безопасностью.

— Может быть, указать, что я был с ним на рыбалке? — заметил я.

— Не будем спешить.

— Других замечаний у меня нет.

— В таком случае — за дело.

Я беру необходимые принадлежности и начинаю зашифровывать текст своего первого сообщения. «Лиха беда начало», — вспомнил я слова Насонова.

— Знак благополучия не забудьте поставить, — напоминает между делом мне Насонов.

— Как можно, Владимир Николаевич?

Очевидно, Насонов почувствовал в моем голосе обидные нотки, тут же откликнулся:

— И на старуху бывает проруха.

Когда все было готово, я передал сообщение Насонову.

— Итак, Алексей Иванович, пошла игра в поддавки. Лиха беда начало. Не мешало бы по этому поводу и по рюмочке. Как?! — И Насонов лукаво подмигнул.

— Так я ведь с вашей помощью бросил пить. Развращаете?!

— В таком случае оставим для более подходящего момента, — тут же согласился Насонов.

На том и порешили.

Итак, первая ласточка, как сказал Насонов, прилетела, а теперь полетела наша.

Я все больше и больше втягивался в этот процесс. Чувствовал, как крепла во мне уверенность, появлялась спортивная злость совершить что-то такое необыкновенное, даже героическое, чтобы заслужить похвалу и одобрение. Я лично готов пойти на любую жертву. Но, возможно, это будет впереди. А пока... Пока идет «игра в поддавки», как заметил Насонов.

Ответ на наше послание не заставил долго ждать.

«Дорогой друг! Мы получили Ваше письмо и рады, что и Вы получили то, что мы послали. Теперь главная наша с Вами задача — с соблюдением осторожности быстро двигаться к цели. Конечно, жаль, что Вам не удалось встретиться с Фокиным и что Вы слабо использовали возможности Марины. Мы призываем Вас к активности и ожидаем от Вас

полезных сведений. По достоинству оцениваем Вашу инициативу вести переписку по указанному Вами адресу. Мы довольны, что у Вас все в порядке».

— Что они хотят от Фокина? — спросил я Насонова.

— Роджерс же вам объяснял...

— Я помню. Но какова конечная-то цель?

— А вот это нам предстоит с вами узнать, если сумеем.

— Я буду стараться изо всех сил.

— Какое совпадение, — шутливо улыбаясь, заявил Насонов.

— Я серьезно...

— Я тоже. Давайте, Алексей Иванович, подумаем, как нам лучше обхитрить Роджерса.

После обмена мнениями мы составили очередное ему сообщение.

Из дневника Марины

«В доме суета. Готовимся к первомайскому празднику. Торжественное настроение. Стол почти накрыт. Осталась мелочовка. Поглядываем с мамой на часы. Скоро должен прийти отец. За последнее время он резко изменился. Бросил пить. Сейчас ждем его и волнуемся. Не сорвется ли? Ведь такой праздник. Но вот пришел отец, как и обещал. Совершенно трезвый. Мы с мамой в восторге. Сели за стол. К еще большему удовольствию, отец отпил всего один глоток и то сухого вина. Он весел. Внимателен. Отец ел и хвалил приготовленные блюда. Особенно нажимал на пирог с капустой.

— Отличный пирог. Отрежь-ка еще кусочек, — обращается он к маме.

Мама счастлива и радостна.

— Куда ты дел кирпич? — спрашиваю я.

— Какой кирпич?! — насторожился вдруг отец.

— Мы хотели с Мариной поточить нож и не нашли его, — говорит мама, с сожалением глядя на раскрошившийся кусок пирога.

— Пустил в дело. Неужели вы думаете, я его прихватил для точки ножей? — отвечает отец и, как мне показалось, почему-то прячет от нас глаза. Мы давно так дружно и весело не сидели. Слава богу, в доме наконец-то устанавливается теплый климат.

Позвонил Виктор. Поздравил с праздником и пригласил к себе.

Второго мая была у него на даче. Чествовали Ивана

Петровича — отца Виктора. Он за какие-то серьезные труды награжден орденом Ленина. Гостей было много. Кругом оживление, умные разговоры. Бесконечные тосты, поздравления. И все же где-то скучновато. Из магнитофона лились звуки танго, но никто не танцевал. Мы с Виктором прошли два раза, и на этом все закончилось. По-прежнему беспрерывно надрывался телефон: продолжались поздравления.

Мужчины разделились по группам. Кто обсуждал международные вопросы, кто служебные дела.

Мне это наскучило, и я попросила Виктора незаметно улизнуть в сад. Но не тут-то было. На пути появился Иван Петрович.

— Как поживает Алексей Иванович? — обращается он ко мне.

— Спасибо. Хорошо. Передает вам привет.

— Скажите ему... Впрочем, сейчас не могу... Так хочется тишины...

— Вид у вас измученный...

— Досталось ему, — вставил Виктор.

— Пришлось немного... Но ничего, отдохнем. Передайте и мой привет Алексею Ивановичу. Извините, я, кажется, вас задержал, молодые люди.

Мы вышли с Виктором в сад. Я еще не была здесь, поэтому для меня все было в диковинку. Двухэтажная дача утопала в сосновом лесу. Перед домом — большая клумба с тюльпанами. Дорожка к дому по бокам обсажена примулами, тюльпанами. В мае они уже зацвели. Красиво. Чистый воздух. Пьянящий запах хвои. Кругом все начинает зеленеть. Представляю себе, что здесь будет в пору общего цветения.

— Как хорошо здесь! — невольно вырвалось у меня, когда мы сели в диван-качалку, под красивым разноцветным тентом. Виктор толкнул диван, и мы, поджав под себя ноги, начали плавно раскачиваться.

— Хорошо. А ты все упрямылась приехать сюда. Я рад, что тебе здесь нравится, — говорит Виктор, нежно обняв меня и поцеловав в щеку. Я повернулась к нему, и мы оба замерли в долгом поцелуе.

— Вот они где, — вдруг как гром среди ясного неба раздался голос мамы Виктора. — Я пришла за вами. Пошли, — тоном, не терпящим возражений, закончила она.

Смущенные и покрасневшие, мы пошли за нею вслед.

Когда мы вошли в дом, гости уже сидели за столом. Все ждали нас. Продолжилось прерванное застолье.

Отношения с Роджерсом развивались по плану, разработанному чекистами. Доверие Роджерса ко мне и моим сообщениям вроде бы укреплялось и, судя по всему, сулило ему обнадеживающие перспективы.

Очередное письмо от Роджерса вызвало разные суждения и предположения. Оно было коротким и лаконичным, как призыв к атаке.

«Дорогой друг! 20 августа в 18 часов 10 минут будьте у входа метро «Кировская». Вот и все.

— Что бы это означало? — обращается полковник ко мне и Владимиру Николаевичу.

— Передать что-то хотят, — первым откликаюсь я.

— Мне думается, что это идет проверка... — отвечает Владимир Николаевич.

— Выходит, не доверяют? — удивился я.

— Доверяя, проверь — одно из обязательных условий работы разведки... Михаил Петрович, мне кажется, Роджерс переходит к чему-то важному... Извините... — говорит Владимир Николаевич, вставая с дивана и направляясь к окну.

— А если и то, и другое? — говорит полковник, провожая взглядом Насонова.

— Возможно... Но сейчас не тот вроде бы резон, — отвечает Насонов.

— Почему? — словно на экзамене допытывается полковник.

— Слишком большой риск. А во имя чего? Есть более безопасный способ передачи — тайник. Михаил Петрович, а на улице начинается дождь. — В голосе Насонова звучат радостные нотки.

Полковник при этих словах быстро подошел к окну.

— Наконец-то дождались, — говорит он, задерживаясь около Насонова.

Подошел и я. Все мы обрадовались долгожданному дождю. Лето в этом году выпало жаркое, засушливое. В лесах Московской области уже кое-где отмечались пожары.

— Вот вы говорите, что риск в данном случае как бы не соответствует обстоятельствам сложившейся ситуации. А знаем ли мы, что на данном отрезке времени они затевают по ту сторону? — спрашивает полковник, возвращаясь с Насоновым на прежнее место.

Я тоже последовал за ними.

— Понимаю, — отвечает Насонов.

— Надо быть готовым ко всему. Подумайте, как понадежнее обеспечить Алексею Ивановичу встречу, — говорит полковник, усаживаясь на диван.

Мне не терпелось, как и в прошлый раз, задать вопрос: «А почему я должен быть у метро именно в 18 часов 10 минут? Зачем тут еще минуты? Куда проще ровно в 18 часов — и никаких гвоздей».

— Учтите, Владимир Николаевич, время встречи не случайно выбрано в час пик, — словно отвечая на мои мысли, замечает полковник и, обращаясь ко мне, говорит: — Ваша задача — не суетиться, вести себя естественно, непринужденно, а главное... — И полковник начал мне объяснять, что я должен делать в ситуации, в которой, возможно, могу оказаться. — Знайте, мы будем рядом, — заключил полковник и, теперь уже обращаясь к Владимиру Николаевичу, заключил: — Предусмотрите на всякий случай наблюдение за Кротом.

Я слушаю диалог между чекистами и думаю: какими же надо обладать качествами, чтобы вовремя уловить, разгадать и обезвредить ход противника. И еще большим уважением я проникаюсь к ним.

Мы втроем находимся на квартире Владимира Николаевича и подводим некоторые итоги пройденного пути. Он меня заранее предупредил о встрече с полковником, и я, идя на нее, очень волновался. Я до мелочей помню первое наше знакомство с ним, разговор, который произошел в его кабинете на Лубянке, и его напутственные слова. Тогда я еще обратил внимание на его манеру поведения. Он, как и сейчас, был сдержан, строг и внимателен. В его глазах светились ум, проницательность, энергия и какая-то необъяснимая притягательная сила. Он словно завораживал вас, пронося взглядом в самые потаенные уголки души.

— Как обстановка дома? — спросил меня полковник, когда мы закончили деловую часть разговора.

— Нормально.

— Есть к нам какие-либо просьбы?

«Не хватало еще, чтобы я обращался к чекистам с просьбами, после того что со мной и моим братом произошло», — подумал я и даю отрицательный ответ.

— Ваш сосед, кажется, скоро переезжает на новую квартиру?

— Д-аа... — растерянно подтвердил я. Для меня этот вопрос был приятной неожиданностью.

— Ну, что же, Алексей Иванович, тогда, как говорится, ни пуха ни пера.

Разве могу я такому человеку сказать то, что полагается в этом случае? У меня язык не поворачивается.

Полковник понял мое смущение и, улыбнувшись, мягко произнес: «К черту», — после чего, попрощавшись, покинул квартиру.

Через некоторое время, обговорив некоторые детали, мы с Насоновым расстались.

И вот за пять минут до назначенного срока я стою рядом с входом в метро «Кировская». Только что закончился рабочий день, и народ сплошным потоком повалил в метро. Впервые за долгие годы жизни в Москве я так внимательно наблюдаю за людьми. Вот он, час пик, о котором говорил полковник. Все суетятся, спешат. Я всматриваюсь в сосредоточенные лица прохожих, ловлю на себе безразличные взгляды. И все мимо, мимо меня плывет людской поток.

Невдалеке от меня прохаживается Насонов. Я его вижу, и у меня спокойно на душе. Смотрю на часы. Осталось две минуты. Скоро должно что-то произойти. Вдруг рядом со мной останавливается молодая женщина. Она нервно оглядывается, кого-то ищет, а затем обращается ко мне:

— Сколько времени?

— У вас же часы на руке.

— Простите... — И она поспешно поднимает руку к глазам. — Десять минут. Все. Больше не могу, — говорит она с огорчением, и поток людей тут же уносит ее в метро.

Я продолжаю стоять, изредка поглядывая на часы.

Время — 18 часов 20 минут. Все. Мое время истекло.

Так ничего и не произошло, если не считать той женщины, которая интересовалась временем. Кроме нее, ко мне никто больше не подходил. Значит, это была жена Крота, решил я, вспомнив разговор полковника с Насоновым. Интересно, что это за фигура — Крот? Впрочем, это уже находится за пределами моих возможностей.

На внеочередной встрече Насонов сообщил:

— «Смотрины» состоялись, Алексей Иванович. Так что будем начеку.

— Догадываюсь. Это была жена Крота. Здорово она разыграла меня с часами, — ответил я с досадой.

— Между прочим, она наблюдала за вами из машины «такси».

— Как?! А кто же подходил ко мне?

— Господин случай.

— Выходит, промазал... Владимир Николаевич, я что-то не понимаю цели «смотрин».

— Время покажет. Я только одного опасаясь, как бы та случайная женщина не подпортила нам обедни.

Я не удержался и спросил:

— Почему?

— Могут подумать, что вы находились под нашим наблюдением.

Неожиданное задание

«Смотрины» у метро, судя по всему, прошли нормально. Опасения капитана Насонова, кажется, не подтвердились. Спустя три дня после этого от Роджерса поступило письмо, содержание которого вызвало у чекистов недоумение и тревогу.

«Дорогой друг! — говорилось в нем. — У нас к Вам есть одно поручение. Мы были бы Вам очень признательны, если бы Вы его сумели выполнить. Оно, на наш взгляд, не сложное и не должно вызвать для Вас никаких осложнений. В Московской области (указывается район), примерно в ста метрах северо-западнее деревни (следует название), находится поле с зеленым массивом. Вам следует 25 августа, сохраняя осторожность, в этом районе набрать немного земли и сорвать одну небольшую ветку с дерева и все это поместить в целлофановый пакет. В сей же день в 21 час вечера ровно опустить пакет в правый угол первого мусорного контейнера, который находится под аркой дома 16 улицы Станкевича (вход со стороны церкви). По выполнении поставьте отметку в виде креста на уровне груди, чтобы можно было из машины увидеть, проезжая по улице (и далее следовало описание места, где нужно было сделать отметку). Мы видели вас. Кажется, похудели вы. Не нужна ли наша помощь?» Письмо заканчивалось пожеланием успехов.

— Ясен вопрос, — замечаю я, возвращая капитану Насонову текст письма.

— Подумать и поломать голову есть над чем, — говорит Насонов.

— В таком случае начнем. Прошу, — обращается полковник к нему.

Насонов на минуту-другую задумался, по-видимому собираясь с мыслями.

— Михаил Петрович, прежде позвольте поставить два вопроса и попытаться на них ответить, — начал Насонов. — Во-первых, в чем причина столь резкого перехода от основного задания, которое имеет Алексей Иванович, к частному,

хотя и важному? Во-вторых, почему ничего ими не упоминается о прошлой встрече у метро? Вот я и думаю... — Насонов снова сделал паузу.

«А как бы я ответил?» — подумал я, но ничего вразумительного в голову не пришло.

— Вот я и думаю, случайно это или не случайно? — продолжал Насонов. — Попытаюсь в этом деле разобраться.

Итак, агент получил необычное задание. На первый взгляд несложное. Но оно не имеет никакого отношения к основной задаче, какую он должен решать и для чего, собственно говоря, он и подбирался. Давая такое задание, можно исходить из ряда предположений: либо агент исчерпал свои возможности по главной стоящей перед ним проблеме и теперь решено его использовать на решении другой, либо агента отводят от изучения Фокина, либо решили сделать агенту более надежную проверку.

Возможно, ни то ни другое, а просто возникла сиюминутная необходимость достать образцы земли и зеленой ветки, а под рукой иной возможности не оказалось.

Давайте рассмотрим все эти позиции с точки зрения логической обоснованности.

Исчерпал ли агент свои возможности по главной проблеме? На мой взгляд, и да, и нет. Скорее всего, нет, несмотря на то что Роджерс и отдавал себе отчет в весьма ограниченном подходе агента к ученому Фокину. Наша информация о Фокине носила мизерный характер. Главное, что хотела знать о нем разведка, остается все еще за кадром.

Теперь о подозрении. Были ли основания у разведки усомниться в надежности агента? И да, и нет. И все же больше — да. Какие основания? Начнем с того, как шла обработка агента. Пущены были в ход все атрибуты — шантаж, угрозы. Порвались родственные связи с братом. Не исключено, что его письмо, где он предлагал агенту раскаяться, стало достоянием разведки.

Далее. «Уничтожение» агентом средств связи могло вызвать у них сомнения, хотя наша легенда должна была восприниматься как реальность. И наконец, случай с появлением женщины у метро, совпавший с точно обозначенным ими временем встречи, тоже мог навести на размышления.

И два слова о новом задании разведки. Что можно добавить к тому, что уже было мною сказано? Единственное. За последнее время иностранная разведка развернула против нас глобальный шпионаж. Нет такой области — будь то оборонная или народнохозяйственная, — которая бы не интересовала их. Она сует свой нос во все сферы жизни нашего

общества, лишь бы напакостить нам. — Здесь Насонов передохнул, попросив разрешения у полковника, достал сигарету, закурил. Полковник сидел за столом, склонившись над чистым листом бумага, и рисовал какую-то замысловатую фигурку в виде Останкинской башни.

Я слушал Насонова затаив дыхание, едва успевая следить за ходом его мыслей, изредка бросая взгляды на притихшего полковника, по-прежнему невозмутимо водившего шариковой ручкой по листу бумага.

— И последнее. Я не исключаю, что данное задание может служить также средством держать агента в напряжении, — закончил Насонов и выжидательно посмотрел на полковника.

Наступило минутное молчание. Насонов и я уставились на полковника. Мы ждали, что он скажет, а он не спешил, делал свое дело.

— Алексей Иванович, а что вы скажете по этому поводу? — наконец подняв голову и обведя нас взглядом, обращается ко мне полковник.

— Я не думаю, чтобы они так быстро от меня отказались... Ведь еще Марина не вышла за Виктора замуж. Роджерс особо напирал на это... — Я смущенно опустил глаза, чувствуя, что, наверное, не то говорю.

— Немаловажный аргумент, — вдруг, к моему удивлению, произносит полковник, отрываясь от листа бумага.

— Вот только непонятно мне, зачем им понадобились земля и зеленая ветка с дерева, — осмелев, задал я вопрос.

— Зачем? — переспросил полковник. — Для проверки на радиоактивность, и именно в том месте, где находится объект. Они к нему давно проявляют интерес, — закончил полковник.

Я слушал полковника и не верил своим ушам. Казалось бы, безобидное задание разведки, а какую оно может дать врагу ценную информацию.

— Понятно, — ответил я.

Полковник встал, прошелся по комнате, затем остановился против нас, сказал:

— Что бы там ни было, а просьбу разведки придется удовлетворить. — И он при этом хитро улыбнулся.

— Да, придется... — вздохнув, откликнулся Насонов.

Я с недоумением посмотрел на полковника, затем на Насонова. Заметив это, Насонов сказал:

— Если пошлем то, что они просят, значит, дадим им возможность расшифровать истинное назначение оборонно-

го объекта, а если, допустим, направим пробы из другого места, можем провалить операцию.

— Почему?! — не удержался я.

Насонов посмотрел на меня, словно на школьника-приготовишку.

— Представьте себе на минуту, что они каким-то другим путем уже добыли просимые образцы, и, сопоставив их с присланными, сразу станет ясно как божий день, что их вводят за нос. Вот и думай, как поступить.

— Да... Дела... — все, что мог я сказать.

Наступила пауза. Я был уверен, что каждый из нас в эту минуту решал именно эту задачу.

— Так как? — спрашивает полковник.

— Рисковать, — говорит Насонов. — Нам не привыкать.

— Кто-то сказал: «Отними у жизни риск — останется одна тоска». — И полковник, прищурившись, посмотрел на Насонова.

— Кажется, Голсуорси, — ответил неуверенно Насонов.

— Вот, вот, — заметил, довольно улынувшись, полковник.

— Михаил Петрович, я по вашему указанию осмотрел место закладки. Оно выбрано с умом. Хорошо просматривается. Со двора и с улицы. Напротив — сквер. Рядом — церковь. Наблюдать за ним незаметно можно со многих точек... Мусор из контейнеров выбирается рано утром.

— Понятно. Я думаю, что вы найдете противоядие.

— Будем стараться.

«Да, — подумал я, — нелегкие проблемы приходится решать чекистам в единоборстве с опытным и коварным противником. Попробуйте сделать так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты».

Что решили послать чекисты и что они сделали, я не знаю, но переданный мною пакет с землей и веткой от сосны были затем мне возвращены, и я, следуя инструкции, направился по адресу.

Без всякого труда нашел дом. Со стороны церкви направился под арку, где находились мусорные контейнеры. Их оказалось три. Все они были наполнены разными отходами до краев. Первый контейнер, куда я должен был положить пакет, находился у самого входа. Я огляделся вокруг. Ничего подозрительного не отметил. Со стороны двора тихо доносилась незнакомая мелодия. Под нежные звуки гитары пела молодежь. Посмотрел на часы. Время. Вынул

сверток из сумки, положил его на место. Кажется, все. Вокруг никого. Можно уходить.

На улице Герцена рядом с телефоном-автоматом, у магазина «Молоко», я поставил условный знак.

Удивительное дело, выполняя это задание разведки, я не испытывал ни прежнего волнения, ни страха. Запросто нашел деревню, поле, спокойно набрал земли, сорвал ветку с сосны и вернулся в Москву. Вся эта морока заняла три с половиной часа. Вот и все дела. Что же будет дальше? Интересно, о чем думают мои чекисты, какие решают проблемы, над чем ломают голову, к чему готовятся?

После закладки пакета с содержимым прошло всего два дня, и я получаю открытку. В ней было несколько слов: «Получили. Благодарим. Похудели вы. Не больны ли? Пишите. Ждем».

«Где же меня видели и кто? — думал я, мучительно напрягая память, вспоминая свой путь. — На улице? В деревне? А может быть, в электричке? У дома?» Впрочем, гадать на кофейной гуще — занятие бесполезное. И все же не дает мне покоя вопрос: «Кто и где видел меня?»

Встревоженный, спешу на квартиру капитана Насонова, показать ему открытку и обменяться мнениями.

Из дневника Марины

«...Рыбалка удалась на славу. Мы весело провели время и... варили уху. Мой отец превзошел сам себя. Все горело у него в руках. Иван Петрович не утерпел, сказал:

— На рыбалке я за ним, как за каменной стеной.

Ели уху. С дымком. На берегу реки. Какая же я дура, что потеряла столько удовольствий! Нет, теперь дудки, теперь я отцу «самый яростный попутчик».

А Иван Петрович меня, прямо скажем, удивил. Оказывается, он пишет стихи. Мы попросили его их прочитать. Неплохие стихи.

В моем представлении ученые подобно Ивану Петровичу должны быть сухарями, отрешенными от всего, кроме своей науки, а тут вдруг — стихи...

На рыбалке мне Виктор сказал:

— А знаешь, мама удивилась, что ты ей не помогла в тот вечер убрать посуду. Говорит, не белоручка ли ты? Сможешь ли вести хозяйство? Я объясняю ей...

— В таком случае тебе остается найти ей хорошую домохозяйку, — перебила я его.

— Что ты говоришь?! — возмущился он.

— Могу повторить. И давай на эту тему прекратим разговоры. Не хватало, чтобы меня разбирали по частям, как цыган лошадь на базаре.

— О чем ты?!

— О лошадях! — кричу я.

Виктор сразу обмяк.

Все оставшееся время он не отходил от меня. А я, как нахохлившаяся сова, была холодна и бесстрашна. Пусть, думаю, попрыгает».

Задания разведки

Они — конкретные, всеобъемлемые и порой даже мелочные, но так может показаться только на первый взгляд. Иностранная разведка, коль скоро в ее поле зрения попал человек, наш, советский человек, не гнушается ничем, и ее интересует все, что можно узнать о нем и в нужную минуту использовать против него для достижения своей гнусной цели. А цель у нее одна: склонить к сотрудничеству, короче, завербовать и заставить работать на себя. При этом используются любые средства. (Как меня обрабатывали в Вене?!)

Октябрь

«Вы мало сообщаете об увлечениях Фокина. Нас интересует все. Отношение его к спиртным напиткам (пьет мало, много, пьянеет быстро или нет, как ведет при этом себя — словоохотлив, откровенен, замкнут, буйствует и т. д.), имеет ли любовницу. Отношения в семье, к жене, сыну...

В каких местах ловите рыбу с ним?

Сообщите подробный адрес местожительства Фокина. Как выглядит его квартира?»

Ноябрь

«Не собирается ли Фокин в Вену на конгресс и выступать там?

Нас огорчила размолвка Марины с Виктором. Постарайтесь отрегулировать их конфликт...

Нас интересуют подробности о любовнице Фокина. Кто она, где работает, кем, где живет, выезжает ли за границу? Постарайтесь фотокарточку ее достать...

Узнайте, работал ли у Фокина Фридман Лева и где он находится сейчас, чем занимается...

Вы сообщили, Фокин должен получить новую квартиру, но не указали, когда это произойдет и его новый адрес...

Постарайтесь описать месторасположение и характер построек объекта рядом с полем, откуда Вы взяли пробы. Какое название имеет объект, имеется ли пропускной режим, и были бы весьма признательны, если узнаете характер выпускаемой им продукции...»

Декабрь

«Как вам удалось достать фотокарточку любовницы Фокина? Ждем подробности...

Как часто ездит Фокин в командировку, куда, в какие места, когда и где он был последний раз...

Постарайтесь в январе уговорить Фокина на рыбалку, например на Медвежьи озера по Щелковскому шоссе, и срочно нам сообщите по телефону (следует номер). Пароль — наберите номер указанного телефона. Когда Вам ответят, Вы повторите пять цифр набранного телефона, оставив две цифры для времени намеченной рыбалки. Вам ответят: «Вы ошиблись». Вы снова повторите номер».

Январь

«Откуда Вы взяли фотокарточку любовницы Фокина? Что за газета «Молния»? Кто издает ее, о чем там пишут и можете ли Вы ее прислать нам...

Где он встречается с любовницей, знают ли об этом жена, сын...

Продолжайте уговаривать Марину помириться с Виктором...

Сожалеем, что Вам не удалось выехать на рыбалку на Медвежьи озера. Это задание остается в силе.

...Спасибо за информацию о Фридмане, объекте и о поле».

Февраль

«Благодарим за сообщения о Фокине, за разъяснение о газете с фотокарточкой. Одобряем Вашу находчивость. Жаль, нельзя достать «Молнию». На Ваш счет в Швейцарский банк переведены деньги.

Ждем подробностей о любовнице. Ее фотокарточку поместите в камеру автоматического хранения на Курском вокзале и номер кода сообщите по известному Вам телефону. В порядке том же. Первая цифра кода должна определять буквенное значение (например, «В», значит, она заменяет цифру «три»).

Вот далеко не полный перечень вопросов и заданий, которые давала мне иностранная разведка за прошедшие пять месяцев.

На одной из встреч с капитаном Насоновым и полковником Подзоровым мы подводили очередные итоги наших отношений с разведкой и обсуждали возможные варианты их дальнейшего развития. Они пришли к выводу, что разведка активно проверяла меня на надежность (об этом говорят задания достать образцы земли, об объекте, о Фридмане, который давно эмигрировал за границу, и об этом не может не знать разведка); разведка готовит против Фокина, как выразился полковник, «острую акцию». И тут же неминуемо встали вопросы: какую акцию? когда? где? кто будет исполнитель? А за этим возникают другие проблемы: как предупредить? как обезопасить? как обхитрить? как обеспечить?.. И без конца как, как... И решать надо порой в считанное время и, главное, без ошибок, «упреждая коварный ход противника», как однажды выразился капитан Насонов.

Конечно, я понимаю, это не то что заделать образовавшийся свищ в водопроводной трубе или устранить течь в кране, где все ясно и видно, как на собственной ладони...

Из дневника Марины

«Я все думаю о своей встрече с капитаном Насоновым. Почему ее так спокойно воспринял отец? Ведь он знает, что я была в КГБ и что речь там шла о нем, а делает вид, что ничего не случилось. Больше того. Не только не устроил мне скандала, но даже никаких упреков не последовало. Не узнаю своего папу...

Может быть, его вызывали туда, а он скрывает это.

За последнее время он стал больше следить за своей внешностью. Куда-то стал по вечерам отлучаться. Неужели у него?..»

Медвежьи озера

Я никогда не был на Медвежьих озерах. И даже ничего о них не слышал. А они заслуживают доброго внимания рыболовов. Расположены озера недалеко от Москвы.

— А вы знаете, голубчик, — обращается ко мне Иван Петрович, только что возвратившийся из разведки от соседей, — здесь вовсе недурственно. И клев идет. Мы готовы? Я усердно готовлю снасти к бою.

— Почти, Иван Петрович, — отвечаю ему, запуская леску под лед. — Пожалуйста, становитесь на часы.

Я огляделся. Недалеко от нас, справа, как и было предусмотрено, расположился капитан Насонов, а слева — полковник Подзоров со своими коллегами. Мороз крепчал.

В небе висели белоснежные облака. Кругом — мертвая тишина.

Сегодня рыбалка необычная, и я меньше всего думал о ней. Волновало и беспокоило другое — неизвестность, а главное, как лучше обеспечить безопасность Ивана Петровича. У нас клев не шел. Так прошло два часа.

— А вы знаете, Алексей Иванович, что-то холодновато. Не желаете ли стопочку русского глинтвейна? — Иван Петрович обожал на рыбалке горячий портвейн. Никаких других напитков он не признавал. Ему всегда жена разогревала портвейн на спиртовом растворе, доводила его до определенной температуры, а затем помещала содержимое в термос.

— Соблазняете...

— Ах, простите, голубчик, я и забыл, что вы... Ну, а я, с вашего позволения, пропущу одну стопочку. — Он достал термос, налил в серебряную стопку вина, выпил. Причмокнул губами. — До чего же умны были наши предки! — крикнул от удовольствия Иван Петрович. — Впрочем, не во всех отношениях.

Да, клев у нас не шел, как я ни старался. А тем временем мороз все крепчал, сковывал движения и портил настроение.

Я изредка переглядывался с капитаном Насоновым, мысленно задавая ему один и тот же мучивший меня вопрос: «Когда? Ну когда же?» И ждал. Ждал, стгорая от нетерпения, когда же, в самом деле, начнутся события, которые должны будут развернуться здесь, на озерах. Иначе, зачем иностранной разведке понадобилось так настойчиво требовать от меня, чтобы я сюда им доставил ученого Фокина. Так я думал. Так я желал. Мне казалось, что это единственный предоставленный мне случай отличиться и показать на что я способен. Но, к моему огорчению, время немолимо шло, вот уже наступил полдень, а нас по-прежнему окружала безмятежная тишина. Никто к нам не подходил, никто на нас не нападал.

Я смотрю на застывший в лунке поплавок, требовавший к себе внимания, а мысли мои по-прежнему заняты Фокиным. Вот он сидит рядом, ничего не подозревая, иногда вытаскивает из лунки плотвичку или окунька и радуется, как ребенок, получивший долгожданную игрушку. А я весь в тревоге и напряжении. Ведь и я ответствен за его безопасность. «Мы вместе отвечаем головой за безопасность профессора Фокина», — сказал капитан Насонов, когда решался вопрос о рыбалке.

То ли от холода, то ли произошел спад нервной системы, а может быть, и то и другое, но меня начало клонить ко сну. Невольно вздремнул... Вдруг поплавок вздрагивает и тут же скрывается подо льдом. Я хватаю леску, тяну к себе, она податливо слушается, лихорадочно выбираю леску и не чувствую, чтобы кто-то был на крючке. Вот уже конец лески, и в следующую секунду из моей лунки выныривают... Роджерс и Фани в скафандрах.

— Молодец, Алексей Иванович, — говорит Роджерс, решительно направляясь к Ивану Петровичу.

Я не успеваю опомниться, как они быстро накидывают на Ивана Петровича прозрачный мешок и тут же, схватив его в охапку, скрываются подо льдом.

Я в ужасе оглядываюсь на капитана Насонова, а он как ни в чем не бывало сидит над поплавком. Господи, что теперь будет?

И тогда я, в чем был, ныряю под лед вслед за Роджерсом...

— Голубчик, у вас же клюет, — сквозь сон доносится до меня голос Ивана Петровича.

Открываю глаза, с недоумением смотрю на Ивана Петровича и... радостно улыбаясь, встаю. «Слава богу, Иван Петрович здесь, жив и невредим. И надо же такому привидеться» — первое, что мелькнуло у меня в голове.

— Клюет же... Что с вами, голубчик? — обращается ко мне Иван Петрович.

Едва сдерживая охватившее меня волнение, я в ответ что-то говорю нечленораздельное и беру леску. Вытаскиваю окунька с палец величиной...

— Вот он, миленький, дождался. Какой гигантище, — медленно, тяжело ворочая слова, произнес Иван Петрович.

— Остыли, Иван Петрович? Налить еще стопочку?

— Не откажусь, голубчик, сделайте одолжение.

Я с трудом поднимаюсь со своего места и ватными ногами подхожу к его баулу. По телу побежали мурашки. Чувствую, и я замерз. Едва слушающимися пальцами отвинчиваю крышку термоса, наливаю горячего портвейна в стопку и подаю ее Ивану Петровичу. Иван Петрович выпил, попросил еще, а затем предложил мне. Я не отказался на сей раз.

Кругом по-прежнему было тихо и морозно.

Кое-кто уже начал покидать озера.

Начали собираться и мы. Так, к моему огорчению, мирно закончилась наша рыбалка. Остался в памяти лишь приснившийся мне нелепый сон.

После рыбалки на Медвежьих озерах прошло десять дней, а капитан Насонов молчал. Я терпеливо ждал.

Однажды, поздно вернувшись домой, узнаю, что кто-то звонил и интересовался моей персоной.

Утром позвонил Насонову. Так оно и есть, он хотел меня видеть. Наконец-то.

И вот я у капитана Насонова. Он спокоен, серьезен. На его лице заметна усталость.

— Как дома, Алексей Иванович? Все живы и здоровы? — как всегда интересуется при встрече капитан Насонов.

— Все хорошо. Или, как скажет дочь, о'кей. Спасибо.

— Кстати, как она сдает зимнюю сессию?

— Нормально.

— У вас есть новости?

— Да вроде бы нет. Ждал вашего приглашения.

— Ну, тогда давайте обсудим, как складывается обстановка на текущий момент, и немножко попытаемся заглянуть вперед. Но прежде прочтите вот это.— И Насонов подвинул ко мне отпечатанный на машинке лист бумаги.

Не скрывая любопытства, беру лист, усаживаюсь плотнее на диване.

— Можете читать вслух.

— Хорошо,— отвечаю я, чувствуя, как учащенно забились мое сердце.

— «Дорогой друг! — начал я. — После нашей встречи прошло шесть месяцев. Пора, как у вас говорят, «подбить бабки». За это время Вы оказали нам ряд полезных услуг, и мы с удовольствием перевели деньги на Ваш счет. Конечно, далеко не все задачи мы с Вами решили, и это нас не может не огорчать. Нам необходимо теперь обратить первостепенное внимание на решение двух проблем. Первая—сообщите точный распорядок работы Фокина (в какое время и на каком транспорте выезжает на работу и с работы), имеет ли собственную автомашину и садится ли сам за руль, номер автомашины. Вторая. Все, что касается любовницы Фокина (адрес жительства, семейное положение, состав семьи). Эти сведения желательно получить как можно быстрее, сохраняя разумную осторожность. Мы надеемся на Вашу расторопность. И последнее. Повторите, пожалуйста, код автоматической камеры хранения. Если к этому времени у Вас будут какие-либо сообщения для нас, поместите их туда. Желаем успеха. Роджерс»,— закончил я чтение письма.

— Почему же такая спешка? Что-нибудь случилось?— была первая моя реакция на письмо.

— Может случиться, если мы проглядим... Как видите, наш расчет с ложным кодом автоматической камеры хранения сработал, и теперь у нас появилась возможность закончить игру. Если, конечно, вы не будете возражать, — говорит Насонов.

— Я в полном вашем распоряжении.

— Вот и хорошо. Дальше медлить опасно. Разведка спешит, как правильно вы отметили. И не случайно. Надо полагать, она, судя по заданию, выжимает из вас последние возможности о Фокине, с тем чтобы завершить свою работу, привлекая для этой цели другие силы, о которых мы можем не знать. А это очень опасно и для Фокина, и для дела. — При этих словах Насонов встал, подошел к столу, налил в стакан воды и крупными глотками выпил. — На сей раз мы дадим им абсолютно достоверную информацию и, больше того, добавим кое-чего горяченького, с тем чтобы можно было и подбить бабки, — закончил Насонов, усаживаясь на прежнее место.

Наступила напряженная минута молчания. Единственно, о чем я сожалел в эти минуты, так это о том, что мне, по всему видно, придется скоро расстаться с чекистами, к которым я так привязался и которых успел полюбить.

— Владимир Николаевич, а что я должен делать? Я готов на все.

— Вам надо сообщить правильный код камеры хранения, предварительно поместив туда подготовленные нами материалы.

— Хорошо, — с облегчением сказал я. — И еще один вопрос можно?

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. О рыбалке, да?

— Да.

— Недалеко от поворота на Медвежьи озера за вами из машины «такси» непродолжительное время наблюдала жена известного нам Крота — сотрудника иностранного посольства.

— А я-то думал... — И я рассказал Насонову о своих переживаниях и приснившемся мне сне.

Насонов внимательно выслушал меня, одобрительно улыбнулся.

— Вот вам материалы для Роджерса. Как только их вложите в камеру хранения, немедленно позвоните мне. — И Насонов передал мне объемистый пакет.

На этом закончилась наша беседа.

На следующий день я вышел на работу раньше обычного, с таким расчетом, чтобы успеть поместить в камеру хранения материалы и сообщить, теперь уже правильный, код. В течение часа я успешно справился с этой задачей, сообщил и Насонову и со спокойной душой пришел на работу. Поздно вечером по дороге домой меня догнал какой-то мужчина и в спину сказал, словно выстрелил:

— Не оборачивайтесь! Идите спокойно. Внимание! Алексей Иванович, заберите из камеры свои материалы и держите их при себе. До встречи. Все.

Я чуть не остолбенел. Не помню, как дошел до дома. Меня всего распирало от нетерпения скорее сообщить Насонову. Что это? Почему вдруг такое решение? Кто этот таинственный мужчина? Не допустил ли я какой-либо промашки? Неужели я в чем-то виноват? Что теперь будет?

Капитана Насонова по телефону я застал дома. Он задал мне несколько наводящих вопросов, и я как мог дал ему знать, что у меня только что произошла неожиданная встреча.

— Увидимся завтра в десять часов утра. Сможете?

— Конечно,— ответил я, не совсем понимая, почему встречу надо откладывать на завтра.

Признаться, эту ночь я почти не спал. Время тянулось бесконечно долго. Едва дождавшись утра, я направился на работу — так рекомендовал Насонов — и оттуда, отпросившись у своего начальства, ринулся на встречу к нему.

Выслушав меня внимательно и получив на многочисленные вопросы исчерпывающие ответы, Насонов задумался, а затем сказал:

— Отдадим должное противнику. Каким вы располагаете временем?

— Я не тороплюсь.

Насонов подошел к телефону, набрал нужный номер.

— Михаил Петрович, докладывает капитан Насонов. Алексей Иванович у меня,— сказал он в трубку.

Через двадцать минут приехал полковник. Выслушав мой подробный рассказ, он спросил:

— Алексей Иванович, за эти дни, и особенно после последней встречи с капитаном Насоновым, ничего подозрительного или настораживающего вокруг вас вы не замечали? Вспомните хорошенько. Это очень важно. Повторяю, очень важно.

— Я уже отвечал на этот вопрос капитану. Ровным счетом ничего. Все было нормально. Я точно следовал вашим инструкциям.

— Понятно. Конечно, такой поворот событий может осложнить нашу задачу, однако, возможно, это и к лучшему. Откуда звонили вы вчера Насонову?

— Из дому.

— Хорошо.— Полковник тотчас подошел к телефонному аппарату и набрал нужный ему номер.— Это Подзоров,— сказал он в трубку.— Прошу проверить, где был вчера вечером Крот. И позвоните мне,— говорит полковник, называя номер телефона квартиры Насонова.

Не прошло и десяти минут, как в квартире раздался телефонный звонок. Трубку взял Насонов.

— Слушаю,— отвечает он.— Привет. Да. Передам. Спасибо. Михаил Петрович, Крот вчера весь вечер был в посольстве и никуда не выходил.

— Так. Интересно...— в раздумье откликается полковник.

— Кто бы это мог быть? — скорее всего сам себе задаю я вопрос.

— Не будем гадать на кофейной гуще. Главное, за материалами кто-то должен прийти. Конечно, хорошо было бы, чтобы им оказался Крот. Впрочем, проживем—увидим. Независимо ни от чего просим вас, Алексей Иванович, быть по-прежнему бдительным и осторожным. До минимума сократите свои хождения по городу и по возможности не пользуйтесь городским транспортом, — говорит полковник.

— Например, дом—работа, работа—дом. Старайтесь избегать людных мест,— вставляет Насонов.

— Сумеете? — спрашивает полковник.

— Нет вопроса,— отвечаю я, чувствуя, как учащенно бьется мое сердце.

— Значит, так,— продолжает полковник,— если верить ходу противника, то он должен взять у вас материалы из рук в руки, а наша цель — поймать его с поличным, то есть в момент их передачи. Не исключено, что противником может быть применен и другой способ. Игра продолжается. В любом случае мы не должны упустить шанс... не должны.— Полковник при этих словах сделал паузу, а затем сказал: — Запомните, мы будем рядом. О деталях операции вам подробно несколько позже расскажет капитан Насонов.— И, обращаясь к нему, закончил: — Я жду вас в управлении.

С поличным

После тщательного инструктажа, который провел со мной капитан Насонов, прошла неделя. Всего неделя, а мне

она показалась вечностью. Я тщательно следовал тому порядку, который был мне рекомендован.

Мои волнения не прекращались даже дома, не говоря уже, когда я оказывался на улице. Ответственность за столь важную операцию, которой придавали чекисты такое большое значение, тяжким грузом ложилась на мои плечи. Я в ней был главной пружиной. Расчет во многом строился на мою смекалку, находчивость и, если хотите, смелость. Справлюсь ли? Оправдаю ли надежды чекистов, то доверие, которое мне они оказывали и оказывают сейчас? Должен, обязан, внушаю себе каждую минуту, а волнение все больше и больше овладевает мною. Нет, так нельзя. Принимаю тазепам. Чувствую, помогает. Становлюсь спокойнее. Проходит напряженность. Нет, я не боюсь опасности, наоборот, я жду ее, хочу ее, чтобы доказать, на что способен...

Началась вторая неделя. Выхожу из дому. Внимательно всматриваюсь в идущих навстречу мне людей, краем глаза охватываю пространство по сторонам. Все буднично, привычно и знакомо, как всегда. Вот метро. Вот место, где встретила меня Фани. Напружинившись, прохожу мимо него. А вдруг сейчас здесь повторится встреча?

«Запомните, мы будем рядом»,— успокоительно мелькнули слова полковника Подзорова. «Мы будем рядом...» А где же они?

Идя с работы мимо книжного киоска, увидел очередь за «Вечеркой». Не знаю, почему, решил и я купить газету. Подошла моя очередь.

— Гражданин, вы обронили конверт,— вдруг слышу я голос стоявшей сзади меня женщины. И ее рука слегка коснулась моего плеча. Я поднимаю конверт, хотя знаю, что никакого конверта со мной не было, и вижу, как от меня удаляется женщина. Тут же даю условный знак чекистам. Отхожу от киоска. Заглядываю в конверт. Там пусто. Что за черт! Осматриваю конверт. На лицевой стороне в разделе «Куда» читаю: «Улица... дом...», а в разделе «Кому»: «Автомашина «такси» №...» Несколько секунд соображаю, что бы это значило. «Конечно, это мне»,— решаю я, оглядываясь по сторонам. А если это случайное совпадение? Где же капитан? Где же полковник? Как их не хватает мне сейчас. Но делать нечего, надо рисковать. И я направляюсь по адресу, указанному на конверте. «Неужели начинается»? — думаю я и чувствую, как мне не хватает воздуха. И тут я вспомнил об аутогенной тренировке. Мысленно повторяю: «Все будет хорошо. Я спокоен. Меня

ничто не волнует. Я спокоен». Повторил несколько раз. Кажется, полегчало.

В троллейбусе я увидел капитана Насонова. Наши взгляды встретились. Я ему моргнул, давая понять, что имею важное сообщение. Он понял меня, и мы двинулись друг другу навстречу. Когда поравнялись, я сунул ему в руку конверт и тут же вышел на очередной остановке. Начал осматриваться, не следят ли за мной. Вроде бы ничего не заметил подозрительного, и я направился по адресу.

Вот и названная улица. Малоосвещенная, тихая, пустынная. На середине ее стоит автомашина «такси». Все ближе и ближе подхожу к автомашине, а сердце бьется все громче и громче. Вот и «такси». С трудом различаю номер. Все, как указано на конверте. В машине рядом с таксистом сидит мужчина, его рука высунулась из бокового ветрового стекла. Когда я поравнялся с ним, он протянул руку ко мне. Я сую ему в руку пакет. И в это самое время откуда-то появляются чекисты. Я, как и было условлено, бросаюсь бежать. Бегу и вижу, как поперек улицы разворачивается автомашина, преграждая путь «такси». Все. Дело сделано.

Никогда в своей жизни я не бежал так радостно, быстро и со слезами на глазах от охватившего меня счастья исполненного долга.

Через три дня мне на работу позвонил Насонов, и вечером мы встретились с ним на старом месте. В квартире был и полковник Подзоров. Меня чекисты встретили почти торжественно. Я мельком бросил взгляд в комнату и увидел празднично убранный стол.

— Уважаемый Алексей Иванович, наступила очередь и нам наконец-то «подбить бабки», или, как говорили римляне, «Финне — коронат опус» — «Конец — делу венец». Читайте результаты нашей с вами работы.— И полковник протянул мне газету «Известия», где сообщалось о выдворении из пределов Советского Союза одного из сотрудников иностранного посольства, который «за деятельность, несовместимую со статусом дипломатического работника, объявляется персона нон грата».

— Это и есть Крот,— добавляет, улыбаясь, Насонов.

Я смущенно перевожу взгляд то на Подзорова, то на Насонова.

— Наше руководство, отмечая большую помощь, оказанную вами органам госбезопасности в разоблачении враждебной деятельности иностранной разведки, и добросо-

вестное исполнение гражданского долга, объявило вам благодарность. Позвольте поздравить вас.

— Служу Советскому Союзу! — отвечаю я по-солдатски и чувствую, как у меня невольно подкашиваются ноги от охватившего меня волнения.

— Сердечно поздравляю! — говорит Насонов, обнимая меня за плечи.

— А теперь прошу к столу, — говорит Подзоров.

Из разговора за столом я узнал, почему Крот не рискнул взять материалы на вокзале. Оказывается, его спугнул милиционер, случайно задержавшийся в это время около камер хранения. Все последующие дни, вплоть до встречи в «такси», я подвергался тщательной проверке со стороны Крота.

В моей жизни это был самый радостный, самый счастливый и памятный день. И очень дорогими для меня были последние слова, сказанные капитаном Насоновым:

— Помните, Алексей Иванович, вы по-прежнему находитесь в строю.

Как хорошо быть в строю!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Последняя телеграмма	3
Ошибка господина Роджерса	68

Владимир Владимирович Востоков
ОШИБКА ГОСПОДИНА РОДЖЕРСА

Редактор *С. П. Бенке*
Рецензент *В. В. Муратов*
Художник *Т. Ф. Елагина*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *М. О. Полетаева*

ИБ № 2567

Сдано в набор 09.07.84. Подписано в печать 12.10.84. Г-63121.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр. отг. 11,87.
Уч.-изд. л. 13,57. Изд. № 4/98. Тираж 100 000 экз. Зак. 611. Цена 1 р.

1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3
Воениздат, 103160. Москва. К-160

1 p.



ВЛАДИМИР ВОСТОКОВ

ВИШНЯКА ГОСПОДИНА РОДЖЕРСА

